

ОГОНЁК

ЛЕНИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№26 ИЮНЬ 1982

Голосует Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев.
Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 26 (2867)
26 ИЮНЯ 1982

ЕДИНО

На Киевском избирательном участке № 15 Ленинского района. Голосуют студент Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко Сергей Никишенко и его сестра Ирина — техник института Гипросельмаш.

20 июня миллионы и миллионы советских людей пришли на избирательные участки, чтобы принять участие в выборах народных депутатов местных Советов и в народные суды. Тем самым каждый из взрослых граждан нашей страны осуществил одно из важнейших своих прав, гарантированных Конституцией. На нынешних выборах печать знаменательного года — 60-летие образования многонационального Союза Советских Социалистических Республик. Снимки, идущие на этих полосах, сделаны на избирательных участках в день выборов. Они отражают географию дружбы и сплоченности, крепость нашего Союза, торжество ленинской национальной политики. Два снимка из сельских районов страны. На них — голосуют рядовые труженики,— те, кто непосредственно борется за претворение в жизнь Продовольственной программы. Всем сердцем поддерживая политику КПСС, советские люди единодушно голосовали за дальнейший подъем народного хозяйства, за осуществление глубоко продуманных мер по удовлетворению потребностей трудящихся, за мир на земле.

Отдавая голоса за своих кандидатов, все мы были уверены, что они не пожалеют сил для выполнения наших предвыборных наказов, ибо в совете с избирателями, в опоре на них — сила советского народовластия.

Голосует член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов.
Фото В. Будана и А. Семехина (ТАСС)

ДУШИЕ

Телефото М. Блохина, А. Борматова, А. Гринько и Ю. Ильенко (ТАСС).

Дважды Герой Социалистического Труда, ленинградский судостроитель В. А. Смирнов на избирательном участке Петроградского избирательного округа.

Впервые голосовали рабочие совхоза-завода «Пыржалтены» Молдавской ССР Т. Калин и В. Лука.

Голосуют оленеводы совхоза «Буксунда» Омсукчанского района Магаданской области.

В ОБСТАНОВКЕ ДРУЖБЫ

21 июня Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев встретился с находившейся в Советском Союзе по приглашению ЦК КПСС делегацией Португальской компартии во главе с Генеральным секретарем ПКП А. Куньялом.

Говоря о положении дел в мире, Л. И. Брежнев оценил его как тревожное. Источник растущей напряженности — прежде всего политика США. Вашингтон провозглашает одну за другой все новые программы наращивания вооружений — и ядерных, и химических, и обычных. Американские стратеги открыто заявляют о стремлении к установлению мировой гегемонии США. Американская администрация не останавливается перед вмешательством в дела других стран, провоцирует опасные кризисы и конфликты в различных районах земного шара.

В этих сложных условиях, заявил Л. И. Брежнев, внешняя политика СССР, определенная на XXVI съезде КПСС, служит стабилизирующим фактором. На стороне стран социализма правда и справедливость. Советский Союз и его союзники защищают главный интерес человечества — сохранение мира.

А. Куньял отметил выдающееся значение последовательной миролюбивой и принципиальной политики Советского Союза. Он указал на важное значение для улучшения международного климата новых мирных инициатив, выдвинутых Л. И. Брежневым на съездах советских профсоюзов, комсомола и в послании специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

В ходе беседы состоялся также обмен информацией о деятельности КПСС и ПКП, были затронуты вопросы дальнейшего развития сотрудничества между ними.

Беседа прошла в обстановке братской дружбы и единства взглядов.

Во встрече приняли участие: со стороны КПСС — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, член ЦК КПСС, первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. В. Загладин, кандидат в члены ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов; со стороны ПКП — член Политкомиссии и Секретариата ЦК ПКП К. Кошта, член ЦК ПКП А. Мартинш.

Перед началом беседы.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ Г. ФИЛИПОВА

По приглашению Советского правительства 21 июня в Москву с официальным дружественным визитом прибыл член Политбюро ЦК БКП, Председатель Совета Министров Народной Республики Болгарии Г. Филипов.

На Внуковском аэродроме Г. Филипова у трапа самолета тепло встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков.

21 июня в Кремле начались переговоры члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова с членом Политбюро ЦК БКП, Председателем Совета Министров НРБ Г. Филиповым.

Центральное место на переговорах заняли вопросы дальнейшего расширения и углубления всестороннего сотрудничества между СССР и НРБ.

При обсуждении международных проблем стороны отметили, что Советский Союз и Народная Республика Болгария твердо и последовательно выступают за обуздание гонки вооружений и разоружение, за устранение угрозы ядерной войны. Г. Филипов заявил, что руководство НРБ, весь болгарский народ горячо поддерживают советские мирные инициативы. Историческое значение имеют предложения, выдвинутые Л. И. Брежневым в его послании второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению.

Переговоры проходили в сердечной атмосфере и духе полного взаимопонимания.

●

22 июня Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле члена Политбюро ЦК БКП, Председателя Совета Министров НРБ Г. Филипова.

Беседа, в которой участвовал член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, касалась большей частью вопросов советско-болгарского сотрудничества.

При этом отмечалось, что общих дел у Советского Союза и Болгарии много и постоянно открываются новые широкие сферы для совместного приложения сил. Советско-болгарская дружба приносит все более богатые плоды.

Тесно сотрудничают СССР и НРБ и на международной арене. Главная цель их последовательных внешнеполитических усилий — сберечь и упрочить мир. Народы земли это знают и ценят.

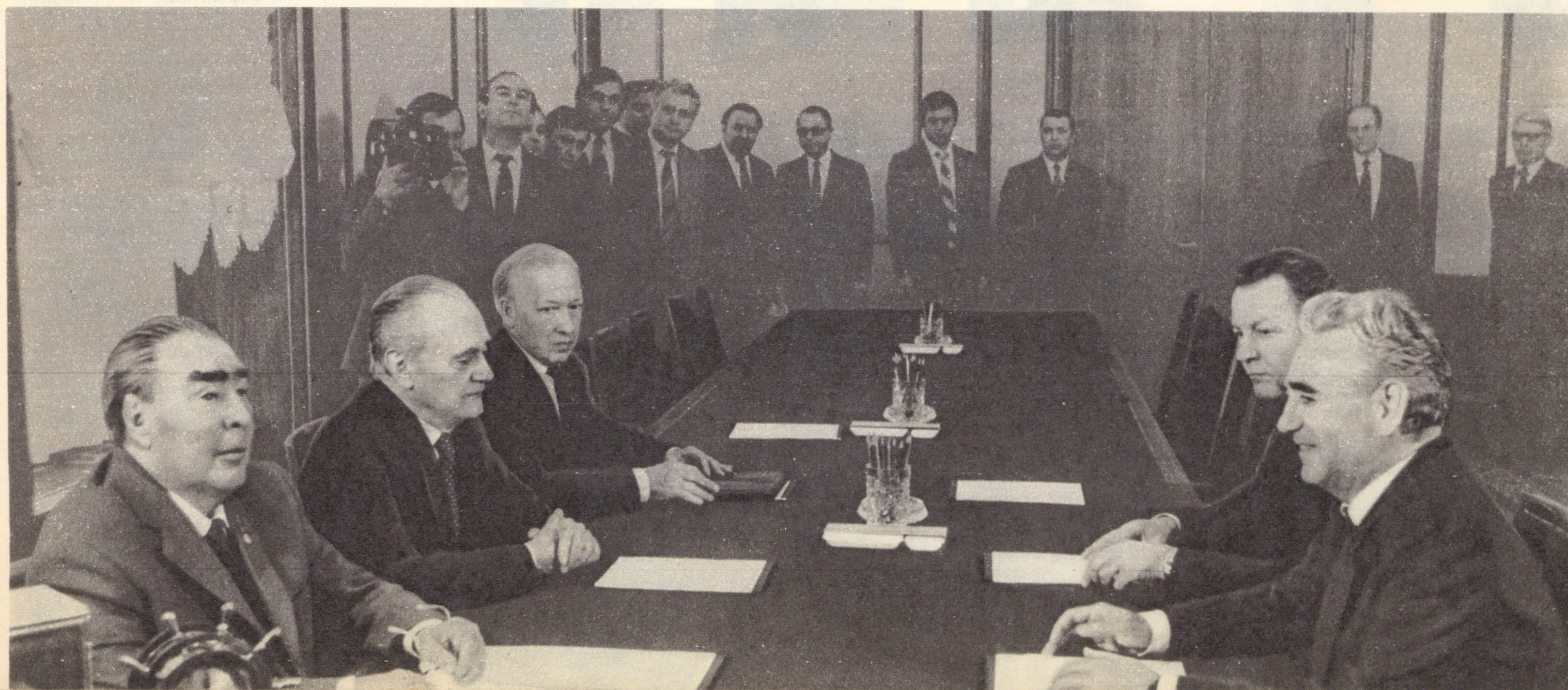
Встреча прошла в дружеской, сердечной обстановке и была отмечена полным единством взглядов.

Во встрече приняли участие помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов и посол НРБ в СССР Д. Жулев.

В этот же день товарищ Г. Филипов вручил товарищу Л. И. Брежневу медаль в честь 100-летия со дня рождения Г. Димитрова. Л. И. Брежнев сердечно поблагодарил за эту награду.

Во время беседы.

Фото А. Пахомова

БИОГРАФИЯ БРАТСТВА

На ВДНХ СССР открылась юбилейная выставка «В семье единой». У крупнейшего павильона, где разместилась эта выставка, собрались представители всех союзных республик, передовики и новаторы заводов и фабрик, колхозов и совхозов, строек, деятели науки и культуры. Присутствовали член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демичев. Здесь же — заместители Председателя Совета Министров СССР Г. И. Марчук, З. Н. Нуриев, председатель исполкома Моссовета В. Ф. Промыслов.

Можно сесть в вагон метро, выйти на станции «ВДНХ» и еще через десять минут оказаться у нефтяников Тюмени. Или, скажем, на берегу Белого моря, у промысловиков-поморов. А то — в уральском городе, издавна славном мастерами; но, может, не прибавилось бы к этому умению сегодняшних размах их дел, не присылай на уральские заводы свои точнейшие станки Белоруссия? И не смогли бы ивановские ткачихи делать такие вот веселые ситцы и сатины без хлопководов среднеазиатских республик... Модели самолетов и наиновейшие станки с программно-числовым управлением, лазерные установки и рубежи Продовольственной программы... Это из биографии пятнадцати братских республик, свидетельства их содружества. И все вместе они составляют огромное полотно, рассказ о Союзе Советских Социалистических Республик в канун юбилея, рассказ об искреннем братстве и взаимопомощи, о том, как страна наша ставит грандиозные задачи и решает их на благо каждой республики, каждого из нас.

В информационном центре выставки «В семье единой» я получил ворох проспектов. Взял небольшую, скромную книжечку: статистический справочник Эстонской ССР. Не случайным был этот выбор — именно днями Эстонии начинается смотр. Считанные странички, но за ними не одна республика, а вся страна. Потому что тысячи нитей связывают Эстонию с городами и селами России и Грузии, Белоруссии и Узбекистана... Автомобили сюда приходят из Горького и Запорожья, прокат цветных металлов — из соседней Белоруссии, изделия электронной промышленности — с Украины, отделочный камень — из Армении... И Эстония, само собой, в долгу не остается — тем горда и сильна!

Достойное отражение в экспозиции нашли знаменательные события юбилейного года — XVII съезд профсоюзов СССР, XIX съезд ВЛКСМ, выборы в местные Советы народных депутатов и в народные судьи.

Щедр, деловит и ярок праздничный показ. Особый его раздел отдан Москве — столице СССР, городу, который близок и дорог всякому советскому человеку, где бы он ни жил, где бы ни работал... Каждая союзная республика представлена своим разделом. О многом рассказывает Украина. Вот, например, стенд, повествующий о том, как создаются зоны гарантированного снабжения промышленных центров молоком, картофелем, овощами, фруктами и ягодами. Казахстан показывает свою знаменитую пшеницу, но не забывает и о том, что только за последние три года в библиотеки республики поступило почти 28 миллионов книг...

Все это наша жизнь, ее будни. Но за ними четко проступает праздник всей страны, всех наших народов, объединенных в Союз — крепкий и нерушимый.

К. КОСТИН

Член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев во время торжественного открытия юбилейной выставки «В семье единой».
Фото А. Семехина (ТАСС).

ВЕЛИКИЙ СЫН БОЛГАРИИ

СОФИЯ.

17 июня здесь закончила трехдневную работу международная теоретическая конференция на тему «Дело Георгия Димитрова и наша современность». В работе конференции приняли участие около 140 делегаций коммунистических и рабочих партий, социал-демократических партий, национально-освободительных движений, международных организаций.

С докладом «Георгий Димитров и современность» выступил глава делегации КПСС кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев. В секциях во время работы конференции выступили члены делегации: секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин, член ЦК КПСС, первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. В. Загладин, член ЦК КПСС, директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС А. Г. Егоров. Всего было заслушано свыше 150 докладов и выступлений.

С заключительным словом на конференции выступил Генеральный секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков.

МОСКВА.

100-летию со дня рождения великого сына Болгарии, пламенного коммуниста, выдающегося деятеля мирового коммунистического и рабочего движения, большого и искреннего друга нашей страны Георгия Димитрова было посвящено состоявшееся 17 июня собрание представителей общественности Москвы.

В президиуме были товарищи В. В. Гришин, А. Я. Пельше, П. Н. Демичев, К. В. Русаков, руководители ряда министерств и ведомств, представители партийных, советских и общественных организаций, делегация Болгарской компартии во главе с членом Политбюро ЦК БКП, первым заместителем Председателя Совета Министров НРБ Т. Божиновым, посол НРБ в СССР Д. Жулев, другие болгарские товарищи.

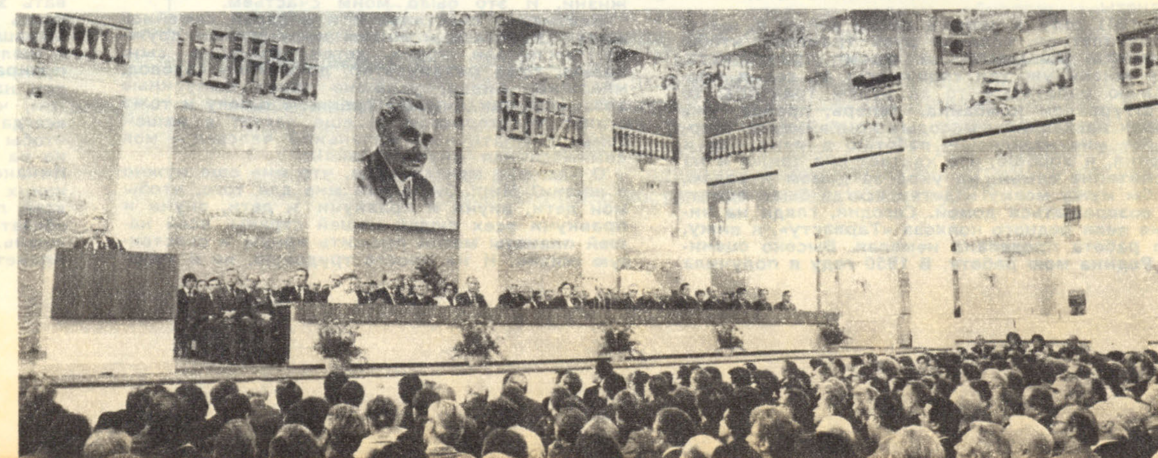
С докладом «Георгий Димитров — выдающийся борец за мир и социализм» выступил секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков.

Затем выступил Т. Божинов. Он передал братский привет советским людям от коммунистов и всех трудящихся родины Георгия Димитрова, от ЦК БКП и лично товарища Тодора Живкова по случаю знаменательной годовщины.

Телефото БТА — ТАСС

Фото В. Созинова (ТАСС)

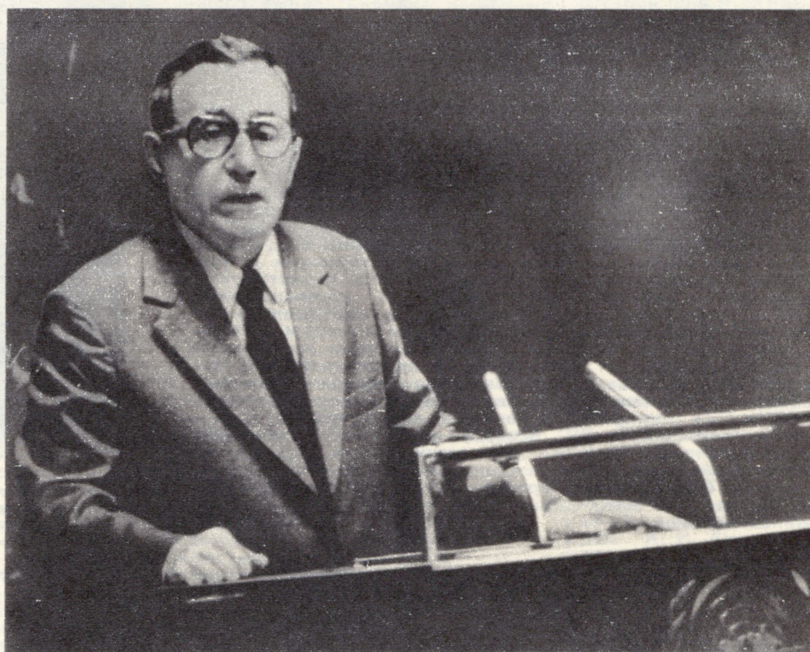

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК ПРИНИМАЕТ НА СЕБЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО НЕ ПРИМЕНЯТЬ ПЕРВЫМ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ.

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Из послания второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

ДЕЙСТВЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПОЛЬЗУ МИРА

15 июня 1982 года. Нью-Йорк. Член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко оглашает послание Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению.

Телефото АП — ТАСС

— Послание Л. И. Брежнева второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению имеет основополагающее значение для судеб всех стран и народов мира,— заявил Виктор Тиноко, исполняющий обязанности министра иностранных дел Никарагуа, в беседе с собкором АПН в Манагуа Игорем Немирой.

— Искренность и доходчивость,— подчеркнул Виктор Тиноко,— характерные черты послания Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева. В нем содержатся предложения, цель которых—найти конкретное решение проблемы разоружения в целом. Принятое Советским Союзом обязательство не применять первым ядерного оружия мы расцениваем как конкретный шаг, имеющий историческое значение для судеб всего человечества. Это обязательство имеет чрезвычайно высокую моральную и политическую силу.

Гонка вооружений, и в частности ядерных вооружений, является двойной трагедией. С одной стороны — это угроза самому существованию человечества на земле, а с другой — это безумная трата экономических средств и ресурсов, могущих пойти на удовлетворение бесчисленных нужд людей планеты. Высвобожденные в результате отказа от гонки вооружений средства могли бы пойти на строительство школ, больниц, наконец, на улучшение питания населения.

Важное значение послания Л. И. Брежнева заключается в том, что в нем выражена поддержка идеи взаимного замораживания ядерных арсеналов. Такое замораживание могло бы стать, на наш взгляд, отправным пунктом ограничения, сокращения, а в дальнейшем — и полного уничтожения всякого рода оружия, а ведь это извечная мечта человечества. Нельзя не отметить и такую гуманную идею, содержащуюся в послании, как предложение о ликвидации всех запасов химического оружия.

Весомые и действенные советские мирные инициативы,— подчеркнул в заключение Виктор Тиноко,— находят самый горячий отклик у народов мира, и хотелось бы, чтобы державы, обладающие ядерным потенциалом, прежде всего страны НАТО, не остались бы глухими к предложениям Советского Союза.

АПН специально для «Огонька»

Манагуа.

УЙМИТЕСЬ, ЯДЕРНЫЕ БЕЗУМЦЫ!

**Эльмина ОТСМАН,
Герой Социалистического Труда,
наставник-механизатор
колхоза «Тарвасту»
Вильяндиский район ЭССР**

«Союз Советских Социалистических Республик принимает на себя обязательство не применять первым ядерное оружие» — от имени 269 миллионного советского народа заявил Л. И. Брежнев в своем послании второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. И вот я — одна из двухсот шестидесяти девяти миллионов советских людей — хочу поделиться с читателями «Огонька» своими мыслями о цене мира для нашего народа, для народа всей планеты.

В 1941 году, в первый месяц войны я, шестнадцатилетняя, села за руль трактора, чтобы заменить ушедшего на фронт тракториста. Моя жизнь уж так сложилась: 41 год я продолжаю работать — то за рулем трактора, то за штурвалом комбайна, теперь, правда, уже в роли наставницы молодых комбайнеров. Много лет мне казалось — работаю в меру сил и умения, и хорошо, что хватает сил также и на воспитание семьи, на уход за домом и садом, чтобы мужу моему и детям всегда было приятно возвращаться домой. Сегодня, глядя на чистые поля родного колхоза «Тарвасту», я вижу, что работа проделана немалая. Высоко оценила Родина мою работу. В 1950 году я получила первую свою награду — орден Ленина. Тогда об одном думала: как оправдать ее? Старалась работать лучше и лучше. В 1958 году мне присвоили звание Героя Социалистического Труда! Это было большим счастьем: я с детства хотела быть похожей на знаменитую Прасковью Ангелину, мечта эта казалась мне дерзкой и неосуществимой. И вдруг она сбылась. Наградили меня и орденом «Знак Почета», и орденом Октябрьской Революции, и орденом Трудового Красного Знамени. А в 1979 году я получила медаль «Ветеран Труда».

Избрали меня и депутатом Верховного Совета Союза ССР и депутатом Верховного Совета нашей республики.

Почему я так много говорю о своих наградах, об уважении людей ко мне? Потому что награды — это не внезапный подарок судьбы. Мои награды за труд. Они свидетельствуют об отношении моего государства к людям труда. В ранней юности узнав горе войны, весь труд последующих десятилетий я отдала мирной жизни. И это было моим счастьем.

Неизменно счастлива я и в своей семейной жизни. Работаем и живем мы с мужем дружно, воспитали троих детей. Старший сын, Калью, тоже механизатор, дочь Элли садовод, младший, Айвар, успешно сдает выпускные экзамены, заканчивает среднюю школу и тоже станет трактористом. И еще растет в нашей семье симпатичный маленький человек — моя семимесячная внучка Кайли.

О чем мне мечтать еще, что мне еще нужно в жизни? Мир! Он нужен мне для того, чтобы мои дети, внуки и правнуки и дети, внуки и правнуки всех людей нашей страны, всей нашей планеты могли прожить яркую и счастливую жизнь. И не просто трудовую, но и творческую. Со мной ведь вот еще что произошло. В 1947 году я начала вести дневник: когда было настроение, я записывала свои мысли, разные события, разные размышления по их поводу. И случилось так, что дневником моим заинтересовалась московская журналистка Любовь Бутковская. Она помогла мне, и этот мой дневник стал книгой. По предложению издательства «Профиздат» я сама перевела его на русский, назвала «Спорю с судьбой». Книга вышла в Москве, и неожиданно для себя я стала лауреатом Всесоюзного конкурса ВЦСПС и Союза писателей Союза ССР за лучшее произведение о современном рабочем классе. Третью премию получила. И в республике, в издательстве «Ээсти раамат», выходит еще одна моя книга — «Поля зовут». Разумеется, я этому очень рада.

Я благодарю Центральный Комитет партии во главе с Леонидом Ильичом Брежневым, Советское правительство за их неутомимую борьбу за мир. Мир — это возможность обрабатывать землю, улучшать ее. Мир — это возможность писать книги. Мир — это возможность выращивать розы, как это делает моя семья: в июле в нашем саду зацветут сорок кустов прекрасных роз. Мир — это творчество в каждом нашем будничном поступке. Я мечтаю о том, чтобы наш народ и народы всей земли всегда жили в атмосфере мирного творчества, чтобы силы и средства всех народов шли только на украшение земли, на улучшение жизни. Никакого труда для этого нельзя жалеть, никаких сил. И если мы все, люди труда, на всей планете будем бороться за мир, то мир обязательно победит. Значит, победит и жизнь. Прекрасная Жизнь на нашей красивой планете.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ЖДЕТ ОТВЕТА

Вот уже пятнадцать лет я работаю сталеваром, обслуживаю самые современные электропечи. За эти годы стала совершеннее техника, с которой приходится иметь дело, поэтому надо все время учиться, постигать новый опыт, делиться им с товарищами. Хватает у меня и ежедневных житейских хлопот в семье, немало возможностей для интересного отдыха, есть свой мир увлечений... И так, понятно, у большинства наших людей. И все равно, мне кажется, трудно найти в нашей стране человека, который с постоянной тревогой не следил бы за происходящими в мире событиями. А в мире ныне тревожно.

Неуклонный, терпеливый, последовательный курс нашей партии и правительства на мирное разрешение всех международных проблем выражает самые искренние чаяния народа. Я глубоко уверен, что это совпадает с желаниями тружеников во всех странах мира.

Многие западные дипломаты на словах тоже ратуют за мир, а на деле саботируют мирные инициативы нашего государства. Любое советское предложение, направленное на разоружение, на сокращение военных расходов, на разрядку, они перекручивают, не вникая в его смысл, выискивают оговорки, пытаются в бесконечных прениях утопить суть наших заявлений. При этом начинается хитрая арифметика, где подсчитываются одни системы оружия, а наращиваются другие, еще более страшные.

Но вот поставлен вопрос ребром. В послании Леонида Ильича Брежнева второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению Советский Союз в одностороннем порядке отказывается от применения ядерного оружия первым. Тут неуместны никакие подсчеты, никакие уловки. Все ясно как белый день. Обнажена самая суть нашей мирной политики. Если правительство США и руководители стран НАТО ответили бы тем же, угроза ядерной войны, угроза уничтожения человечества была бы решительно отодвинута.

Конечно, трудно надеяться, что заговорит совесть у тех, у кого ее нет. Но вопрос поставлен настолько ясно, что уйти от него не помогут никакие уловки. И западные дипломаты рискуют оказаться голыми королями перед народами своих стран и всего мира.

Станислав КИРИЧЕНКО, сталевар завода порошковой металлургии

г. Бровары Киевской области

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Наш Взгляд

Сергей ЛОСЕВ

Руководствуясь стремлением сделать все от него зависящее, чтобы отвести от народов угрозу ядерного опустошения, Союз Советских Социалистических Республик принимает на себя обязательство не применять первым ядерное оружие, указывается в послании товарища Л. И. Брежнева второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Это обязательство вступило в силу немедленно, сразу после его обнародования с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН товарищем А. А. Громыко.

Советская инициатива была воспринята в кругах ООН как акция исторического значения и встречена бурными аплодисментами Генеральной Ассамблеи. Безмолвствовала только делегация Соединенных Штатов.

Сутки спустя президент Р. Рейган в своей речи на Ассамблее, изобиловавшей недостойными для государственного деятеля грубыми нападками на Советский Союз и оставившей тягостное впечатление, не нашел ни слова в ответ на конструктивный шаг СССР. Он обманул ожидания народов, которые вправе надеяться, что за решением Советского Союза последуют встречные шаги со стороны США и других ядерных государств. Ведь если другие ядерные державы возьмут на себя столь же ясные и четкие обязательства, как СССР, не применять первыми ядерного оружия, это на практике было бы равносильно запрещению вообще применения ядерного оружия, за что выступает подавляющее большинство стран мира.

Возникает вопрос: почему Советский Союз пошел на такой смелый шаг в условиях, когда США и другие ядерные державы НАТО не делают секрета из того, что их военные доктрины не только не исключают возможности применения ядерного оружия первыми, но фактически строятся на этой опасной посылке? Ведь нам известно, что политика администрации США, как это подтверждают директивы Пентагона, подписанные президентом, строятся на подготовке войны против Советского Союза, целью которой, как указывается в пентагоновском документе, является «уничтожение социализма как общественно-политической системы». Стратеги США открыто заявляют о стремлении к установлению мировой гегемонии. Именно ради этой низменной, но недостижимой цели американский империализм, пытаясь отбросить единственную рациональную в современных условиях политику поддержания сложившегося военного равновесия между СССР и США, между Варшавским Договором и НАТО, политику стратегической стабильности, взял курс на достижение военного превосходства. Этот курс обильно финансируется, причем счет расходам на осуществление новых военных программ ведется уже не на миллиарды и даже не десятки и сотни миллиардов, а на триллионы.

Советский Союз принял на себя обязательства не применять ядерного оружия первым, будучи уверенным в силе здравого смысла, в возможности человечества избежать самоуничтожения.

Разумеется, мы не питали и не питаем ни малейших иллюзий насчет опасного курса Вашингтона, где как об обыденном деле принято рассуждать о «первом ядерном ударе», иными словами, о преступной концепции развязывания ядерной войны.

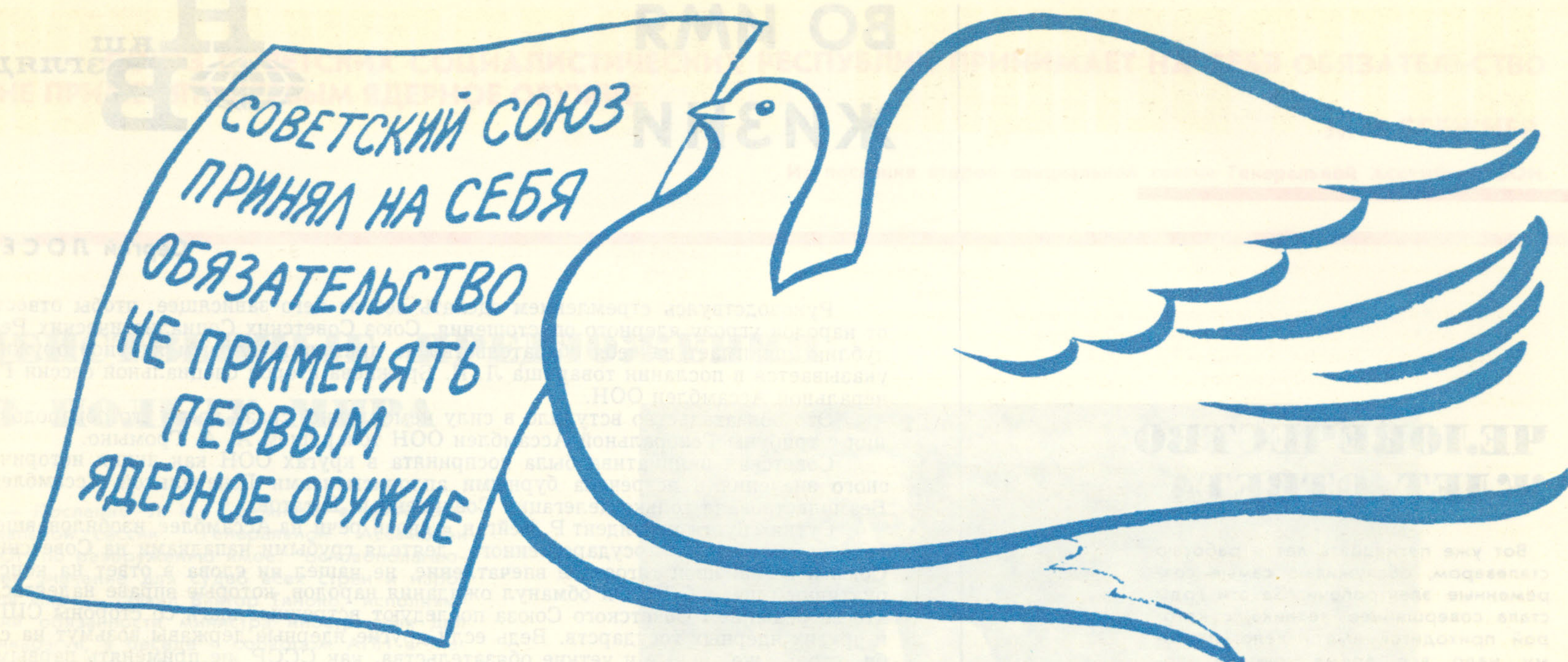
И напрасно государственный секретарь США, пытаясь навести тень на плетень и отвлечь внимание народов от конструктивной советской инициативы, сетовал на пресс-конференции 19 июня по поводу какой-то «необычно большой стратегической активности» Советского Союза в сфере испытания вооружений. А. Хейгу как бывшему главнокомандующему вооруженными силами НАТО следовало бы знать, что Советский Союз не допустит нарушения сложившегося военно-стратегического равновесия и при любых обстоятельствах сумеет должным образом позаботиться о своей безопасности и о безопасности своих друзей и союзников.

Нелишне также напомнить, что именно Хейг, выступая в апреле в Центре стратегических и международных исследований при Джорджтаунском университете, отклонил, как он заявил, предложения «тех на Западе, кто ратует за то, чтобы взять на вооружение политику, предполагающую отказ от использования первыми ядерного оружия».

Вопреки твердым фактам, подтверждающим наличие примерного равенства численности сухопутных войск и ВВС стран НАТО и Варшавского Договора в Центральной Европе и существование паритета в обычных вооружениях, Хейг утверждал, будто обещание не использовать первыми ядерное оружие «в сущности, полностью лишает Запад возможности противопоставить что-то преимуществам русских в области обычных вооруженных сил и вооружений и их геополитическим позициям в Европе». Утратив всякое чувство меры, государственный секретарь демагогически заявил, будто отказ от использования первыми ядерного оружия вынудил бы Соединенные Штаты вновь ввести воинскую повинность, увеличить втрое размеры своих вооруженных сил и перевести экономику на военные рельсы.

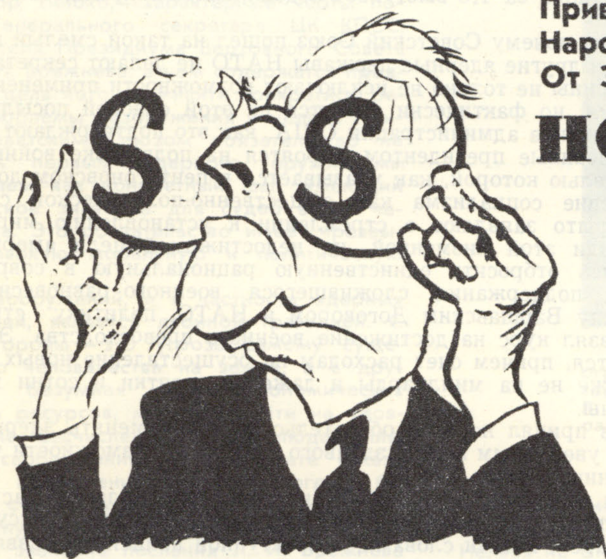
Кое-кто на Западе расценивает масштабную советскую инициативу как «вызов Соединенным Штатам». Что же, если это и так, то это вызов в интересах сохранения мира. Именно этой цели служит и комплекс всеобъемлющих предложений на Генеральной Ассамблее ООН, изложенных в Меморандуме СССР «Отвести растущую ядерную угрозу, обуздать гонку вооружений». Во имя осуществления этой благородной задачи СССР неизменно выступает за переговоры с США. Мы исходим, однако, из того, чтобы переговоры действительно преследовали цель ограничения и сокращения стратегических вооружений, а не служили прикрытием для продолжения гонки вооружений и ломки сложившегося паритета. Необходимо, чтобы стороны вели эти переговоры с учетом законных интересов безопасности друг друга и в строгом соответствии с принципом равенства и одинаковой безопасности, стремясь сохранить все то положительное, что было достигнуто ранее в области ОСВ.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Наш важный шаг
Приветствует планета:
Народы ждут
От Запада ответа,

НО...

Этот
Принял неприступный вид:
— НИЧЕГО НЕ ВИДИМ,—
Говорит.

Тот
Весьма нервозен и сердит:
— НИЧЕГО НЕ СЛЫШИМ!—
Говорит.

МИСТЕРЫ — НЕГАТИВИСТЕРЫ

Этот
Притворяется, хитрит:
— НИЧЕГО НЕ ЗНАЕМ,—
Говорит.

Тот
Играть в молчанку норовит:
— НИЧЕГО НЕ СКАЖЕМ!—
Говорит.

Заметно нам
И без особых призм:
Не служит миру
СЕЙ НЕГАТИВИЗМ!

Рисунки Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА.

ИНТЕРВЕНЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Агрессия Израиля в Ливане не была неожиданностью. Ведь сионистские лидеры не только угрожали, но и концентрировали на своей северной границе и даже на территории Ливана в анклаве Хаддада мощные бронетанковые части. Израильские самолеты постоянно летали над Ливаном, проводя тщательную разведку, а начиная с апреля и периодические бомбардировки.

Одновременно в западной прессе появились сообщения о том, что руководители Израиля и лидеры правохристианских ливанских фалангистов встречаются в городке Джуния, расположенном рядом с Бейрутом. Иностранные журналисты утверждали, что Ариэль Шарон и Бешир Жмайель совещались на борту израильского ракетного корабля в порту Джунии. И, конечно, израильское руководство искало — и очень легко нашло — полную поддержку всем своим действиям у правительства Соединенных Штатов Америки. Постепенно становилось ясно, что Израиль поставил себе целью — при этом близкой целью — покончить с палестинцами, ранее изгнанными Израилем с родной земли, покончить любыми средствами. Это настоящий геноцид, и в это действительно было трудно поверить.

4 июня 1982 года израильские бомбардировщики атаковали жилой район западного Бейрута, направив удар на лагеря палестинских беженцев и расположенные поблизости дома. Наученные горьким опытом зверской бомбардировки израильтянами района Факхани примерно год назад, люди из лагерей и прилегающих жилых кварталов постепенно покинули дома. Под вой самолетов, взрывы ракет и бомб дети, женщины и старики бежали из опасного района и укрылись под деревьями городского парка. Многие из них живут там и теперь. Мало кто остался в бомбоубежищах, так как бомбежка Факхани показала, что тяжелые бомбы полностью обрушивают восьми — десятиэтажные дома и убежища становятся смертельными ловушками, выбраться откуда невозможно.

Интенсивная бомбардировка продолжалась около полутора часов, ее итог — сотни убитых и раненых, среди которых оказалось и несколько журналистов, большой материальный ущерб.

5 июня израильские самолеты нанесли удар по большим домам вблизи лагерей палестинских беженцев. Сионистская пропаганда заявила, что это делалось с целью уничтожения палестинских лидеров. И снова жертвы среди мирного населения и разрушения.

6 июня израильская оккупационная армия хлынула на территорию Ливана через расположение норвежских, французских и фиджийских батальонов ООН, стоящих на линии раздела. По сообщениям, лишь норвежские солдаты сделали попытки задержать оккупантов.

По давно разработанному плану, о котором упоминалось в прессе еще более года назад, израильские механизированные и танковые части вклинились в Южный Ливан по трем направлениям одновременно, постоянно проводя охватывающие маневры. Сионистские лидеры заявили, что целью операции является передвижение линии раздела на сорок километров в глубь Ливана от официальной израильской границы, до реки Захрани.

Все действия сухопутных войск поддерживались военными кораблями, а главное, авиацией, которая подвергала массированным атакам малейшие очаги сопротивления. Нужно сказать, что, несмотря на полное превосходство в живой силе и технике на суше и безраздельное господство на море и в воздухе, израильтяне встретили стойкое и отважное сопротивление со стороны отрядов Палестинского движения сопротивления и Национально-патриотических сил.

Многократно превосходящие силы Израиля, применяя морские и воздушные десанты, обходя опорные пункты обороны и обрушивая на них десятки тяжелых авиабомб, неуклонно продвигались на север вдоль средиземноморского побережья, в горных районах и в долине Бекаа. В конце концов израильские танки вышли к Бейрутскому аэропорту у берега моря и, обойдя город с востока, приблизились на двести метров к президентскому дворцу в местечке Баабда в пригороде Бейрута. Силы сопротивления агрессорам оказались в полном окружении. Но, по последним сообщениям, израильским оккупационным войскам не удается подавить сопротивление палестинцев и ливанских патриотов в городах Южного Ливана.

Израильская авиация продолжала бомбить Бейрут, а военные корабли открыли по городу артиллерийско-ракетный огонь. Сионистская пропаганда хвастливо сообщала, что 12 июня эта тотальная бомбардировка продолжалась с 9.00 утра до 21.00 вечера — двенадцать часов непрерывно. Стоит добавить, что этот разбой проводился совершенно безнаказанно — на территории Ливана нет сил, способных этому противостоять. Затем израильтяне заявили, что намерены захватить Бейрут и начинают штурм с целью уничтожения или захвата палестинцев, которых они всех подряд называют «террористами». К этому моменту на «боевом счету» «армии обороны Израиля» было уже, по сведениям агентства ВАФА, одиннадцать тысяч жертв. При бомбардировках Бейрута израильские пилоты не постеснялись сбрасывать бомбы и в непосредственной близости от посольств, включая посольство СССР.

Уже после бомбардировки 4 июня в Бейруте была нарушена подача электроэнергии, воды, выстроились очереди за хлебом и у бензоколонок. Положение населения осажденного города становилось все более трудным. А сионистское радио вело передачи на арабском и других языках во все более жизнерадостном тоне, выдавая подавление разрозненных палестинских отрядов за великую победу израильского оружия.

Сионистское радио сообщило, что теперь Израиль получил возможность пересмотреть свои первоначальные притязания. Линия раздела должна быть отодвинута в глубь Ливана на сорок пять километров, и на ней должны стать не войска ООН (Израиль, видите ли, этой организации не доверяет), а войска стран, имеющих дипломатические отношения с Израилем, и которым Израиль может доверять. Далее, оккупационная армия не уйдет из Ливана по меньшей мере до тех пор, пока в стране не будет создано правительство, полностью устраивающее оккупантов.

Как же могло случиться, что агрессор преспокойно, пользуясь своим подавляющим военным превосходством, захватывает чужие земли, окружает столицу страны и ультимативно ставит условия — на глазах всего мира? Действия Израиля — прямое следствие американской политики на Ближнем Востоке.

Военная авантюра Тель-Авива, предпринятая с ведома и при участии США, не только привела к возникновению критической ситуации в Ливане, но и создает реальную угрозу другим арабским государствам и делу мира во всем мире.

Международная общественность все решительней требует прекращения агрессии против Ливана и геноцида в отношении палестинского народа, немедленного вывода войск израильских интервентов с ливанской земли.

В Заявлении Советского правительства по поводу израильской агрессии против Ливана говорится, что «Советский Союз не на словах, а на деле выступает на стороне арабов, добивается, чтобы агрессор убрался из Ливана. Тем, кто ныне вершит политику Израиля, не следовало бы забывать, что Ближний Восток — это район, расположенный в непосредственной близости от южных границ Советского Союза, и события в котором не могут не затрагивать интересов СССР. Мы предупреждаем Израиль об этом».

Владимир Ковнат,
корреспондент-кинооператор советского телевидения,
специально для «Огонька»
(по телексу)

Во время налета израильской авиации. **Телефото АП — ТАСС**

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

Супьянбек **ШЕРИПОВ**

Когда Бичико Иванович бывает в дальних командировках и ему приходится вспоминать родные места, то он часто слышит: «Гурджаани»? Замечательное вино! Ах, оказывается, и город такой есть? Интересно! Где же он находится?» И Бичико Иванович Шинджиашвили охотно рассказывает:

— Автора «Трех мушкетеров» Александра Дюма знаете? Говорят, что когда он вернулся из путешествия по Кавказу в Париж, то заявил: «Кто Грузии не видел, тот многого себя лишил». Конечно, красивее нашей земли нет! Не возражайте, уважаемые! Украинец точно так же скажет о своей земле, эстонец, чуваш, армянин — о своей. И все они будут правы. А грузин говорит о Грузии! Значит, и я прав. Есть в Грузии прекрасный край — Кахетия. А лучшее место в Кахетии, душа ее — Алазанская долина! Догадываетесь почему? Верно! Гурджаани находится в Алазанской долине! И рядом с ним — Напареули, Цинандали, Киндзмараули! Я имею в виду названия не вин, а селений. От таких ароматных слов голова кружится! Наш Гурджаани, правда, чуть поменьше Тбилиси, но посмотрите на герб Грузии — что вы там видите? Гроздь винограда! Любой гурджаанец вам докажет, что это именно наш виноград!

...Гурджаани уютен и красив. Особенно в летнюю пору. Аккуратные дома, всполохи цветов, легкий аромат созревшего винограда, молодого вина и свежего чурека. На крышах—телевизионные антенны. В гаражах и возле домов — автомобили. Здешние мальчишки (как и все мальчишки Грузии) мечтают играть в футбол не хуже Шенгелия и Кипиани, а девочки (как все девочки Грузии) вырезают из журналов фотографии Майи Чибурданидзе и Софико Чиаурели. И мальчики и девочки охотно исполняют обязанности гидов. А экскурсантов в Алазанской долине хватает — на улицах Гурджаани можно встретить туристов из многих стран. Новости с разных концов света сюда приходят, как утверждают старожилы, с той же скоростью, что в Москву или Тбилиси. Да и сами гурджаанцы не сидят на месте — любят путешествовать. Так что их удивить чем-нибудь трудно. Однако Бичико Иванович сумел это сделать: он построил дом! Не спешите пожимать плечами — что, мол, тут особенного? Тем более что и дом не дворец, каких в Гурджаани хватает. Удивил земляков Бичико Иванович другим: его избрали первым секретарем райкома партии, а он начал строить себе дом собственными руками — умело возводил стены, сноровисто орудовал мастерком.

Бичико Ивановича Шинджиашвили гурджаанцы знают хорошо — местный он. Здесь живет его отец — ему уже девятый десяток пошел. Но даже у близких, когда человек появляется после долгого отсутствия, и то возникают сомнения: «А вдруг изменился? Привык за годы странствий к иной жизни? Может, не распаковывает чемодан, думает, еще куда-нибудь перебраться, где получше?» Однако строительство дома — да еще собственноручное!—рассеяло сомнения. Бичико Иванович, вернувшись на землю отцов, не собирался покидать ее. И это в немалой мере способствовало укреплению авторитета только что избранного первого секретаря райкома партии.

В родной Гурджаани Бичико Иванович пришел не по укатанной асфальтом дороге. Жизненного опыта ему не занимать: работал в Тбилиси, стал кандидатом экономических наук, был главным инженером «Сельхозтехники» республики. Но, к удивлению друзей и родственников, как только представилась возможность, уехал в глубинку: хотелось именно там испытать силы, проверить на практике все, что защищал в своей кандидатской диссертации. Районное управление «Сельхозтехники» в Цители-Цкаро вполне подходило для такого испытания: там, как гласит грузинская поговорка, «арба рассыпалась на ходу». За два года работы Бичико Ивановича районное управление вышло на одно из первых мест в Грузии! Инициативность, организаторские способности молодого специалиста были замечены и оценены — он стал работником аппарата ЦК КП Грузии. Старшие товарищи внимательно приглядывались к молодому инструктору. И посчитали, что ему по силам и более ответственные дела: решено было рекомендовать Бичико Ивановича Шинджиашвили первым секретарем Гурджаанского райкома партии. С тех пор прошло более трех лет.

Бичико Иванович Шинджиашвили.

...Рассказывают, что шведский журналист, путешествуя по Грузии, составлял для себя что-то вроде толкового словарика. Это доставляло немало веселых минут его коллегам: так, например, слово «звезда» на грузинский переводилось шведом как «Кипиани», «виноградарь» — «великий пешеход» и т. д. Журналисты спросили его: «Кипиани — это звезда футбола, понятно. Но почему вы окрестили виноградаря «великим пешеходом»?» «Мне сказали,— ответил швед,— что, работая на виноградниках, крестьянин за сезон проходит расстояние от Тбилиси до Стокгольма!»

Поистине уникален трудовой марафон виноградаря: более тридцати километров за день одолевает он. Около восьмидесяти раз склонится над каждой лозой.

Виноградарство — одна из основных отраслей сельского хозяйства республики. А в районах, где вся экономика подчинена винограду и виноделию (к ним относится и Гурджаанский), виноградарь — фигура центральная. Бичико Иванович с грустью отметил, что «центральная фигура» в битве за высокий урожай еще не стала ведущей. В результате в Гурджаани, где природа так щедра и богата, где люди испокон веку умели и любили трудиться, виноградники вот уже несколько лет не приносят желанных урожаев. Вот и собрал новый секретарь знаменитых бригадиров, опытных виноградарей.

— Не знаем, дорогой, отчего мы хромаем,— сказал один из старейших.— Люди наши любят землю.

— Что значит — любят? Как любят? — спросил Бичико Иванович.

— Зачем я буду объяснять тебе, что такое любовь? — Старик засмеялся.— Ты же моложе меня.

Но повести разговор в шутливом тоне не удалось.

— Любить землю— значит помогать ей, чтобы стала щедрее, богаче,—сказал секретарь.—А кто хозяйничает на ней хищнически, потребительски, по принципу «хоть день, да мой», того она наказывает. Задумайтесь над этим. В районе не осталось свободных земель. Значит, на старых землях надо резко повысить урожай. Подчеркиваю — резко! Как это сделать?

— Послушай, секретарь. Ты зовешь нас помогать земле. Мы готовы! Но нужна материальная помощь. Без нее перемен не будет.

— Право на помощь надо заслужить! — как отрубил Бичико Иванович.— Просить нетрудно, но, считаю, уж если просить, то как можно меньше.

Секретарь уловил на некоторых лицах иронические улыбки: мол, хочет за наш счет карьеру сделать, посмотрим, что из этого выйдет... Но сдержал себя. Ближе к делу!

— Для начала, друзья, предлагаю союз нашего колхоза с наукой. Что скажешь, Гиви?

Гиви Кенкишвили, лауреат Государственной премии СССР — ему, пожалуй, больше, чем кому бы то ни было, по душе такой союз.

— Я тоже так думаю, секретарь,— отозвался Гиви,— без науки никак не обойтись. Но и без нашего труда дело не пойдет. Ученые подскажут, а работать нам придется. И работать, не жалея сил. Однако в колхозах еще немало таких, у которых на все случаи жизни есть любимое слово — «трудно».

— Любимое слово лодырей! — усмехнулся секретарь.— Что значит «трудно»? Почему на колхозном поле ему трудно, а у себя на участке работает за троих?

Не раз, не два велись эти долгие нелицеприятные разговоры. И все чаще возвращались к идее, выдвинутой секретарем,— подружиться прежде всего с наукой.

Поля колхоза стали своеобразным испытательным полигоном для ученых республиканского НИИ садоводства, виноградарства и виноделия. Директор института Нодар Семенович Чхарташвили сейчас по праву считается почетным колхозником. Наука стала здесь хорошим трамплином для скачка к высотам, которые еще вчера казались недостижимыми. Повысилась рентабельность, культура производства.

И теперь даже бывшие лодыри стесняются говорить: «Это очень трудно, товарищ секретарь». Стесняются к нему приходить теперь и благодушные люди, которые все колхозные беды объясняли легко и просто: «Зачем ты сам волнуешься и нас будоражишь, уважаемый Бичико? Объективные причины — вот виновницы всех бед. Что с ними поделаешь?» И они с удовольствием, со смаком ссылались на суровую зиму, из-за которой вымерзли многие виноградники, на болезни растений и т. д. и т. п.

Получалось, что кто хочешь виноват — природа, мороз, болезнь, но только не они, нерадивые, ленивые люди. Это был щит, которым иные колхозные руководители прикрывались в своих объяснениях начальству! Бичико Иванович в этой ситуации повел себя так, что к нему быстро забыли дорогу люди, которые искали любую причину для оправдания унылой картины на виноградниках. Зато дверь секретарского кабинета всегда была широко распахнута для тех, кто искал выхода из самых трудных положений. Может, и не находил сразу—не так это просто,—но искал.

— Вы ждете готовых рецептов? Их не будет! — подзадоривал Бичико Иванович.— Сами мозгами шевелите, с людьми советуйтесь — плохого не подскажут. А если родится хорошая идея, свежая мысль, приезжайте в любое время.

...Однажды среди ночи секретаря разбудили. Гонец принес плохую весть: на Чалубани обрушился грязевой поток, сель. Виноградники погибли! Бичико Иванович помчался на место бедствия.

В. Телин. СУМЕРКИ.

А. Косогов. СВАНЕТИЯ. СТОРОЖЕВАЯ БАШНЯ.

ЯХТЫ. ВЕТЕР.

— Одна мысль сверлила в голове,— рассказывал позже Бичико Иванович,— сколько крестьянского труда погибло! Десятки лет тут лили пот и слезы тысячи виноградарей... Вокруг стояли колхозники, с отчаянием смотрели на бывшие виноградники, с надеждой — на меня. Председатель колхоза Алуда Капанадзе, знаменитый бригадир Зураб Мирашвили... Вижу — руки у них от бессилия повисли, как плети. На глазах женщин — слезы... Как вернуть этим людям веру в свои силы, сейчас, немедля переломить настроение, взбодрить?.. Я вспомнил рассказ отца из времен гражданской войны. Обороняли ущелье всего человек двадцать. Командир сказал, что против них — вражеский батальон, что надо расчетливо расходовать и свои силы и боеприпасы. Бойцы сражались отчаянно — каждый за десятерых. И не пропустили вражеских солдат. А когда — уже в темноте — наша разведка пробралась в расположение белых, то оказалось, что почти весь батальон уничтожен, осталось в живых меньше взвода обессиленных боем солдат, которые без сопротивления сдались в плен. Выяснилось, что атаковано было ущелье не батальоном, а всего лишь ротой. И красный командир знал об этом, но умышленно поставил своим бойцам наитруднейшую задачу. Если говорить языком современным, была выдвинута программа-максимум. И вот здесь, в Чалубани, я тоже решил поставить перед колхозниками сверхзадачу. «Крепко досталось вам, друзья,— сказал я.— Но достанется еще больше: теперь вы должны собирать по сто пятьдесят центнеров с гектара». Если учесть, что средний урожай по району сто десять, да к тому же многомного гектаров погибло, то цифра сто пятьдесят звучала фантастически. Но я продолжал в том же духе: «Природа дает нам бой. Не выдержим — позор всем! Давайте думать, как можно повысить урожай на уцелевших виноградниках. Ведь в районе кое-где берут и по двести центнеров с гектара!

Нашлись и удобрения и механизмы, и ученые помогли, а главное — вера в свои силы и опыт появились. Колхоз перевыполнил все задания и обязательства. Еще и еще раз доказали гурджаанцы — человек сильнее стихии.

...Когда три года назад в районе появился новый секретарь, поползли слухи: «Суров... Требователен... Будет всех менять, переставлять...» Но, выражаясь языком официальных документов, значительных кадровых перестановок в районе не произошло. Бичико Иванович не пошел по пути наименьшего сопротивления — не, стал валить все на своего предшественника, не принялся за глобальное перетряхивание кадров, при котором иной раз вместо друзей и родственников прежнего секретаря места в «номенклатуре» занимают друзья и родственники нового. Кадры подбирались им тщательно, и кое-кого пришлось заменить. Но принцип оценки людей был единым: политические, деловые качества.

— Часто у нас хвалят того или иного человека: «Он умеет жить!» — рассуждает Бичико Иванович.— Что это означает — «умеет жить»? Умеет обогащаться за счет других? За счет государства? Или бывает так: человек ничего не украл, но работает вяло, формально. А на него надеются, считают его толковым, результативным. Пока разберешься, поймешь этого лентяя,— сколько убытка он успеет принести! Бездельник порой бывает хуже вора! Есть и другая крайность — псевдоделовитость. Про одного начальника говорили: он может сделать так, что по одной путевке будет отдыхать тысяча человек. Но это не комплимент. Просто начальника не любили в коллективе за его бездарность и наглость, и когда он уезжал в отпуск, то весь коллектив облегченно вздыхал и начинал спокойно, плодотворно работать. Проблема совместимости есть не только в космосе или на дальних зимовках. У нас тоже. Иной раз складывается острая обстановка: бригадир опытный, трудолюбивый, а характер такой, что люди бегут в другие бригады. Что ж, снимать его с бригадирства? А может, найти ему соратников, которые сработаются с ним? В каждом случае это задача со многими неизвестными.

В Гурджаани всем памятна история, которая произошла примерно год спустя после избрания Бичико Ивановича секретарем райкома партии. Как и другие районы, получил на ядохимикаты лимит и Гурджаани. И вдруг чудо: лимит не полностью использован. Что случилось? В других районах постоянная нехватка, а здесь излишки?! А началось все с того, что в райком пришли колхозники с жалобой: «Почему нас заставляют идти на поклон к хапугам? Почему в магазинах нет ядохимикатов для личных хозяйств? Разве стране не нужен наш виноград? Из нас жуликов делают. Да, да, делают! Раз мы покупаем ядохимикаты по спекулятивной цене, с рук, значит, мы соучастники спекуляции!» На бюро райкома страсти разгорелись. И вдруг Шинджиашвили вносит неожиданное предложение: владельцам индивидуальных участков ядохимикаты выдавать бесплатно.

Большинство сразу же поняло, какой моральный заряд заложен в предложении секретаря. Но коекому Бичико Иванович вынужден был разъяснить свою позицию:

— Мало только одних призывов к подъему урожайности. Надо помнить о тех, кто своими руками будет эту урожайность увеличивать. Работая на колхозных виноградниках, люди не должны беспокоиться за свои личные хозяйства. Второе: дадим мы или не дадим химикаты, все равно все участки будут обработаны. Верно? Но что это означает? Химикатами спекулирует жулье. Пресекая эти гнусности, мы решаем важную нравственную проблему. И третье: урожай личного хозяйства — государственное дело. Почти треть виноградников района — на приусадебных участках. Колхозники сдают свой виноград с этих участков государству. Значит, мы заинтересованы, чтоб и у них урожай был как можно выше.

— Это понятно,— возражали секретарю,— но зачем раздавать ядохимикаты бесплатно? Разбазариваем госфонды!

— Наши колхозы не бедные, смогут оплатить эти затраты. Хотя бы за счет экономии. Увидите: никто не возьмет лишней тонны в запас. Труженику нужно доверять.

Секретарь оказался прав: остродефицитных химикатов потребовалось району на 15 процентов меньше! А личные хозяйства никогда еще не сдавали государству столько винограда.

Не обошлось и без курьезов. Двое пройдох, слывших в районе «предприимчивыми» людьми, добыли где-то две тонны медного купороса и уже заранее прикидывали, сколько денег в карман положат, когда продадут его по спекулятивной цене. И вдруг все расчеты лопнули, как мыльный пузырь: купорос для приусадебных участков колхозники получили бесплатно. Что делать с запасами? Доставлять в другие районы на продажу не слишком рентабельно да и небезопасно. Хранить купорос до лучших времен — неизвестно сколько он пролежит. А через некоторое время — так уж сложились обстоятельства — пришлось хапугам везти свою добычу на колхозный склад. Над ловкачами смеялись во всем районе.

...Прежде в горячую пору уборки винограда Гурджаани обычно пустел: все трудоспособное население отправлялось помогать колхозникам. Считалось, что без этого не обойтись. Райком прикинул: есть ли в этой традиции экономическая целесообразность? Специально приглашенные ученые подсчитали: десять горожан за день собирают винограда меньше, чем один сборщик-профессионал. А что если профессионалам повысить ставки на 10—15 процентов? Провели эксперимент. Количество собранного винограда выросло в полтора раза, да еще при этом высвободилось пятьсот машин, которые перевозили горожан на виноградники. Было над чем призадуматься: если и нельзя еще совсем отказаться во время страды от помощи горожан, то следовало свести ее к минимуму, не нарушая трудового ритма предприятий и учреждений. Ну, а для тех, кто хочет уборке урожая посвятить свой отпуск или выходные дни, для таких создаются в колхозе самые лучшие условия.

Бичико Иванович, если выпадает свободная минута, всегда соперничает на уборке со знаменитыми сборщиками. Да и в другое время подает многим пример. Его часто можно видеть с пилой или молотком в руках: то он вместе с другими, отзывчивыми к чужой беде людьми чинит крышу дома вдовы фронтовика, то что-нибудь ремонтирует. Идет это от душевной доброты и любви к труду. Смена занятий для него — отдых. И от бумаг в том числе. Подписывая какойлибо документ, Бичико Иванович взвешивает: «Будет ли отдача от него? Не пустая ли бумажка?» И при этом сам себя поучает: «Когда слово не обрастает делом, рождается пустословие». А в слова значимые, зажигающие он влюблен со школьной скамьи.

— Кто не чурается труда, у того жизнь в гору идет,— говорит Бичико Иванович.— Взять бригадиров комсомольских молодежных бригад виноградарей Иосифа Анашвили, Нодара Хугулашвили, строителей Кетеван Зарбишвили, Иосифа Мачавариани,— райком выдвинул их в руководители, и ребята оправдали доверие. А плеяда наших Героев Социалистического Труда?! У сорока гурджаанцев сверкают золотые медали на груди!

Но секретарю нередко приходится сталкиваться и с теми, кому безразлично общее дело, кто хочет жить легко, весело, но не трудиться. Процесс их воспитания не всегда проходит гладко. Проступки, особенно дисциплинарные, как правило, совершаются теми, кто верит в свою безнаказанность. Атмосфера взаимопрощения, благодушия часто бывает тому виной — одна поблажка, вторая, а потом удивляемся: как же так — незаметно вырос бессовестный торгаш или лодырь?

И он тяжело вздыхает — знает, как трудно одолевать эту беду.

— Лень, равнодушие, тяга к стяжательству — душевно-вирусные заболевания, они очень заразны. Борьба с ними — процесс длительный. Требуется не только время, но и терпение. Надо будить в людях азарт, увлеченность, породнить труд с романтикой, да, да, как это было в революционные годы. Умело использовать и материальные и моральные стимулы. В Гурджаани при уборке урожая 1981 года ставка делалась не только на количество, но и на качество. Тем колхозникам, чей виноград обладал повышенной сахаристостью, выплачивалось дополнительно от десяти до пятнадцати процентов стоимости сданных гроздьев. Схема проста: выше качество — выше доход!.. Есть у грузин такое слово — ртвели! Виноградная страда! Дни генеральной поверки — не зря ли прожит в трудах и заботах уходящий год? Чем сегодня отплатит труженику за его любовь к ней виноградная лоза?

А она щедро расплатилась в Гурджаани. Люди тут выдержали трудный экзамен — ртвели-81. И вместе с ними — секретарь райкома партии.

В эти дни у гурджаанцев, несмотря на особые трудности, вызванные разбушевавшейся в середине весны стихией, приподнятое и вместе с тем предельно деловое настроение.

— Как только была обнародована Продовольственная программа,— рассказывает Бичико Иванович,— я в который раз убедился, что у нас планы партии всегда совпадают с чаяниями народа. К нам в райком шли коммунисты и беспартийные, каждый делился мыслями, предложениями, как лучше претворить в жизнь предначертания партии. В колхозах и совхозах, на партийных и комсомольских собраниях, на встречах с активом шло горячее, заинтересованное обсуждение программы. Всех волнует, как выйти на намечаемые рубежи в сроки, определенные партией, что можно сделать, чтобы их приблизить.

Что ж, опыт досрочного выполнения планов у гурджаанцев, как и земледельцев других правофланговых районов республики, богатый, сил, знаний и умения работать им не занимать.

Бичико Шинджиашвили принадлежит к тому поколению партийных работников Грузии, которые сформировались после известного постановления ЦК КПСС о Тбилисском горкоме партии. За последние несколько лет во главе многих райкомов республики стали инициативные, творческие вожаки. Недаром на всю страну сейчас известны Абашский и Махарадзевский районы, заметных успехов добились (прежде никогда так не блиставшие) районы Зестафонский и Хашурский, Телавский и Гардабанский, Сагареджо и Гурджаани. Можно уже говорить о том общем, что просматривается в стиле работы руководителей этих районов: государственная широта мышления, принципиальность, непрерывный поиск нового в хозяйствовании, в политическом воспитании. Всем памятны слова Леонида Ильича Брежнева, сказанные на праздновании 60-летия Грузинской ССР и Компартии Грузии:

«Вы сумели развернуть принципиальную и бескомпромиссную борьбу с негативными явлениями, за укрепление партийной и государственной дисциплины, за правильную кадровую политику. Сделано многое, чтобы утвердить позитивные процессы в экономической и социальной жизни республики. Надо и впредь неустанно заботиться о том, чтобы моральная атмосфера в Грузии была чистой, как ваш горный воздух, а молодежь хорошо знала и продолжала лучшие традиции старших поколений...».

Традиции эти продолжаются, развиваются. Свидетельство тому — утверждение на ключевых позициях грузинской партийной организации, промышленности, сельского хозяйства, культуры, науки людей талантливых, незаурядных, умеющих увлекать, вести за собою массы. Бичико Шинджиашвили — один из них.

25 ИЮНЯ 1975 ГОДА БЫЛА ПРОВОЗГЛАШЕНА НЕЗАВИСИМОСТЬ МОЗАМБИКА.

ВОЛШЕБНЫЙ МИР МАЛАНГАТАНА

Новелла ИВАНОВА, специальный корреспондент «Огонька»

Передо мной рисунок в зеленых и желтых тонах. Старая женщина в туго повязанной косынке, стоя на коленях, толчет в ступе маниоку. Рядом стоит ее дочь, к ней прильнули трое ребятишек-погодков, а четвертый, самый младший, сладко дремлет за спиной у матери. Я смотрю на рисунок, и мне слышится голос Валенти Нгвения Малангатана, подарившего мне радость встречи со своим неповторимым, красочным миром.

...Он живет на окраине столицы Мозамбика, и мы долго плутали в быстро сгущавшихся сумерках по узеньким улочкам, пока фары машины не нашли в темноте нужный дом. Мы постучали в калитку, на дворе вспыхнул свет, и среди зеленого кустарника стала видна стена дома, расписанная яркими, необычными рисунками. Разглядывая это чудо, я не сразу увидела хозяина дома, а он стоял на его пороге — широкоплечий, в теплой вязаной кофте. «Добро пожаловать, друзья!» — сердечно обнял художник Альберта Бурлака, заведующего корпунктом АПН, с которым был знаком уже давно, и повел нас за собой в глубь двора в просторную мастерскую. Сын художника, проворный паренек, зажег свет и... Как же рассказать о волшебстве? Буйство смелых красок сначала повергает в изумление, потом приходит желание вновь и вновь разглядывать каждую деталь картин, а приглядевшись, замечаешь в них одну особенность — все полотна, большие и малые, до последнего свободного кусочка заполнены людьми.

Сюжеты картин художника Малангатана напомнили мне работы резчиков по черному дереву, которые я увидела в провинции Нампуло. Эти мастера ухитряются даже на небольшом кусочке дерева уместить сюжет из жизни целой деревни! Меня заинтересовало, отчего полотна так густо населяют люди.

— Я очень люблю мой народ и всякий раз, когда беру в руки кисть — я пишу людей,— часто не оставляю на полотне ни одного свободного кусочка. Я все полотно отдаю людям, ведь это — самое ценное богатство моей страны, которая олицетворяет собой после победы революции единую семью, сложившуюся из многих племен и народов,— неторопливо рассказывал Малангатана.— В своих работах я показываю жизнь простых людей. Бывает, заканчивая картину, я вижу, что еще осталось на полотне место, и тогда мне кажется, что я что-то не успел досказать!..

Он подымается с дивана и приглашает нас к большому полотну.

— Эту картину я назвал «Призыв к свободе». Она родилась за год до провозглашения независимости Мозамбика. Помню, я начал рисовать картину, весь во власти желания выразить призыв к свободе, как крик души человека, задавленного неволей. Я начал с того, что нарисовал в центре вот эту фигуру, потом окружил ее детьми, которые услышали возглас: «Мы должны быть свободными!» Потом на картине появилась женщина — Мать Африки, как олицетворение призыва к свободе, а вслед за тем я уже нарисовал солдат, которые с оружием в руках пошли в бой за эту свободу. Все новые люди входили в мое полотно — старики, дети, все, кто услышал призыв к свободе, и призыв этот, многократно повторяясь, зазвучал в картине мощным аккордом...

Чуть отступая в сторону, Малангатана окинул взглядом свое творение.

— Скажите, как рождаются сюжеты ваших картин?

— Это трудно объяснить,— не сразу, медленно подбирая слова, отозвался художник.— Это бывает, как миг озарения — вдруг я вижу картину, которую еще не начал писать. Так было, например, вот с этим полотном, на котором я изобразил замечательную дочь Мозамбика Жозину Машел. Одной из первых она взяла в руки оружие и прошла вместе с партизанами-патриотами по трудным военным тропам с лучезарной улыбкой... Эту героиню наш народ называет «Мать нации», хотя к тому времени, когда ее настигла смерть, ей не было и тридцати лет... Жозина Машел — центральная фигура картины. Со всех сторон ее окружает великое множество людей. Среди них — павшие и живые. Жизнь и Смерть. Я писал эту картину, думая о моем народе, который живет так, как мечтала об этом наша Жозина.

— Значит, в основе сюжета картин — конкретные события?

— Не только! Многое из того, что вы видите в мастерской — а тут собраны почти все мои работы, я их не продаю, хотя они вызвали интерес и в Европе и в Америке,— так вот, большая часть сюжетов навеяна народными легендами Мозамбика.

— Как вы стали художником? Что послужило первоначальным толчком вашего творчества?

— Мне уже исполнилось сорок пять лет. Полжизни я рисую картины. Я родился в крестьянской семье и, конечно, даже не смел и мечтать о том, чтобы получить образование. Но у меня был замечательный учитель — моя мать! В наших местах она славилась своим искусством делать татуировки. У женщин был в почете древний обычай украшать себя татуировкой, и самые большие модницы приходили к матери, и она украшала их не только татуировкой, но особым узором спиливала передние зубы. Это была очень сложная и очень искусная работа, которую далеко не каждый мог сделать, а у матери замечательно получалось! Мать и сейчас живет в небольшой деревушке в провинции Мапуту и радуется, когда видит мои работы...

— Что же послужило сюжетом самой первой картины?

— Это был пейзаж — тот, что окружал меня с самого раннего детства. Потом я попытался изобразить лица людей, которых знал и любил. И уже значительно позже стал писать картины на сюжеты народных мифов и сказаний, которые слышал от матери и стариков моей деревни. И все это время меня не покидало желание узнать большой мир. Я уехал в столицу, долго мыкался в поисках работы и был счастлив, когда нашел ее. Я устроился уборщиком в клуб «Лоренцо-Маркиш». Это был клуб для очень богатых людей, но, на мое счастье, среди них были также представители национальной интеллигенции, и я узнал от литераторов, поэтов, художников многое, что изменило мою жизнь. Так я и жил — работал вечерами в клубе, а днем убирал квартиры и даже был нянькой в одной португальской семье. Картины я писал урывками, воодушевленно, хотя их никто не хотел покупать. Это был очень важный период моей жизни — именно тогда я осознал себя не просто художником, но человеком, который должен работать и жить для своего народа... События в Анголе, поднявшейся на вооруженную борьбу за освобождение от колониального рабства, меня потрясли. Я много размышлял в те дни о судьбе моего народа, моей страны. Эти размышления пробудили во мне интерес к социальной живописи, к теме борьбы за освобождение.

25 сентября 1968 года — начало вооруженной борьбы в Мозамбике против португальских колонизаторов — стало началом нового, важного периода в творчестве Валенти Нгвения Малангатана. Художник показывает нам полотно, выдержанное в коричневых и черных тонах. Ряд за рядом идут бойцы с оружием в руках — уходящая вдаль бесконечная вереница героев, полных решимости завоевать свободу родины.

— Эту картину я написал в 1968 году, и впервые она была выставлена спустя два года в Мапуту, на первой выставке моих работ. Этот день я считаю днем своего второго рождения — ведь впервые люди увидели мое творчество, и я был счастлив, что выставка пользовалась успехом.

Прощаясь, я спросила о планах художника.

— К сожалению, у меня сейчас совсем мало времени для работы над картинами! — ответил он.— Я принимаю участие в строительстве «коллективных деревень». Моя страна начала строить новую жизнь. У нас много проблем, и среди них — нехватка рабочих рук. Нам нужны рабочие руки, чтобы победить вековую отсталость, и я не могу быть в стороне от этой большой заботы страны. Я так рассуждаю — я не просто художник, я сын своей страны, с детства приученный к крестьянскому труду, и потому мое место сейчас не в мастерской, а в деревне, которая учится жить по-новому.

Мапуту — Москва.

НА ЛАДОГЕ СВЕЖИЙ ВЕТЕР

Сергей ВЫСОЦКИЙ

IX

В августе одна за другой произошли три кражи. Народу в селе было мало. Все пропадали в лесу да на лугах. Спешили закончить до дождей покос. Шестого августа ушел на целый день с женой на покос и сосед Лукина Пименов. Вернувшись, застал дверь в доме взломанной. Воры унесли одежду, кое-что из посуды, деньги.

«Что он, Федька, сдурел? — первое, что подумал Прокофьев, когда узнал о краже. Его одолевали сомнения.— Безголовым надо быть, чтобы к соседу своему залезть! Быть того не может!»

Но обыск у Лукина Андрей Прокофьевич все же сделал. В архиве есть маленький листок — свидетельство этого обыска. «Летучий ордер № 204. Действителен на один день». И протокол обыска, из которого ясно, что милиционер обнаружил свежие следы босых ног, ведущие из огорода потерпевшего к дому Лукиных. А краденого не нашли. Исчез и Федор Лукин.

Теперь уж Прокофьев не сомневался, что Лукин действует не один, что есть у него и берлога, где он отсиживается, прячет оружие, ворованные вещи.

В Кобоне долго говорили об этом случае. Возмущались. Разводили руками. Драки — да, бывали. Особенно по праздникам. Но чтобы обокрасть своего соседа?! В рыбаках искони жило бережное, трепетное отношение к таким понятиям, как дружба, товарищество, семья. Почитали старших, поминали умерших. И вдруг — такое! Казалось, что все рушится, что сняты все запреты.

«Старшему надзирателю Шумской [1] волости от младшего милиционера вверенной вам волости А. Прокофьева.

Как выяснено дознанием, к оперирующей шайке принадлежит Лукин Федор из села Кобона, который вооружен револьвером системы «наган», скрывающийся с места своего квартирования после налета на квартиру гражданина села Кобоны Пименова Филиппа».

Тринадцатого августа к Прокофьеву пришел житель одной из ближайших деревень Степан Тараскин и рассказал, что накануне ночью к нему постучал Федор Лукин и попросился переночевать. У Лукина был большой мешок, доверху набитый рожью и мясом. Лукин сказал, что едет из Петрограда, везет продукты с рынка.

— А через два дня, Андрей Прокофьевич, узнал я, что у Степана Архипова из деревни Курое украли мясо и рожь. В ту самую ночь, как Федька ко мне заявился. Вот и смекай, откуда он мешок тот волóк.— Тараскин выразительно посмотрел на Прокофьева.

— Показания напишешь? — спросил Андрей Прокофьевич.

— Почему ж не написать,— согласился Тараскин.— Сегодня у Архипова он пошалил, завтра у меня. Да еще предлагал вместе с ним на хлебный склад налет сделать. В Войбокало, на железной дороге.

Через полчаса Андрей Прокофьевич оседлал лошадь и помчался в Курое, к Степану Архипову.

Вечер был тихий, безветренный. Солнце уже укрылось за соснами, золотило теплые стволы. Пахло хвоей, вереском. Проезжая мимо озерка или мшары, всадник и лошадь словно окунались в холодную струю, пахнущую болотом. С озера гулко срывались утки и, сделав круг над дорогой, исчезали в ладожской стороне, там, куда садилось солнце.

Прокофьев скорее почувствовал, чем услышал выстрел. Пуля рассекла плотный, душистый воздух прямо перед лицом. Андрей Прокофьевич пригнулся и услышал второй выстрел. Боковым зрением увидел, как падают срезанные пулей сосновые ветки. Шурка понес. Прокофьев сорвал с плеча винтовку и, проскакав сотню метров, остановил храпящего, испуганного коня. Развернувшись и взведя затвор, медленно двинулся назад, стараясь высмотреть человека в густых зарослях подлеска.

— А ну выходи! — крикнул он и выстрелил наугад. А через секунду услышал, как, ломая кусты, кто-то побежал по лесу. Понесся, словно испуганный лось. Прокофьев выстрелил еще раз и прислушался. Лес молчал. В одиночку преследовать было бесполезно...

В семье у Архиповых было горе. Прокофьев сразу почувствовал это. По своему крестьянскому опыту он хорошо знал, что значит остаться на зиму без мяса, которого и хватило бы до рождества, самое долгое. И без хлеба.

Хозяин мрачно курил ядовитый самосад из трубки-носогрейки, наверное, привезенной с германской войны. Хозяйка, не старая еще женщина с припухшим сердитым лицом, возилась у плиты и так швыряла чугуны, что Андрей Прокофьевич подумал даже, как бы семья не осталась без обеда. Детей не было видно, и добрым, отзывчивым своим сердцем Прокофьев понял, что им сейчас горше всех. Переживая кражу и боясь попасть под горячую руку родителей, ребята попрятались кто куда.

Поздоровались. Архипов подвинулся, освободив на лавке место для Андрея Прокофьевича. Предложил самосаду.

— Не балуюсь,— отказался Прокофьев.

— Нешто и война не научила? — удивился Степан.— Табачок-то выдавали исправно.

— Своим посылал. Они тут его на хлеб меняли. У меня ведь их недавно восемь стало.

— Знаю,— кивнул Архипов. И, помолчав, сказал: — Поздно ты, Прокофьич, приехал. Кабы устеречь подмог...— Он тяжело вздохнул.— А теперь не вернешь. Только теленочка зарезали... Все, ироды, унесли. И ножки не забыли.

— Сдается мне, найдем твоего теленка,— сказал Андрей Прокофьевич.— Знаю я, чьих рук работа.

Архипов недоверчиво поглядел на него.

— Догадываюсь,— поправился он.— Ты только скажи, кто из ваших, деревенских, вору подсказать мог?

— Так ведь знали все, что телкá зарезал. У нас все открыто, все на виду. Мужиков собрал — печенку да ливер свежий женка зажарила.

— Ну да,— согласился Прокофьев.— Где хранишь — тоже всем известно.

— Да как же? — удивился Архипов.— Каждый ледник имеет. Там и храним. Это у вас в поселке теперь проходной двор. Без запоров не обойдешься. А мы живем по-простому, как отцы жили.

Ночью Прокофьев пришел в дом к Лукину с новым обыском. На этот раз его ждала удача. Федор заскочил на одну ночь домой. То ли хотел помыться в бане, то ли ноша у него была тяжелая. Решил денек передохнуть. Мешок с мясом и хлебом Андрей Прокофьевич нашел припрятанным на сеновале. На следующий день мясо взвесили в лавке — ровно двадцать пять фунтов, да телячьи ножки. Как и говорил Архипов.

Лукина прямо выворачивало от злости. На каждый вопрос Прокофьева он отвечал потоком брани. Не мог простить себе, что попал, как карась в мережу, в руки милиционера. Брань перемежалась с угрозами.

— Упустил я тебя, Прокофьев! Сидел ты у меня однажды на мушке, да дочку твою пожалел, возился ты с ней в горенке. А и вечер был темный и время глухое.

— Ну-ну! Мели, Емеля...— усмехнулся в усы Прокофьев.— Теперь мы тебя укротим. По амнистии не выскочишь. Может, в холодке и одумаешься, человеком станешь.

Об одном он жалел — оружия у Лукина снова не нашли. А прощупали не только весь дом, а каждое полено в поленнице.

Когда дело дошло до мяса, Лукин сказал коротко:

— Купил в Петрограде, на Покровской площади. Нес со станции, у Тараскина переночевал.

— Что с мясом-то делать? — спросил председатель сельсовета, присутствовавший при составлении протокола дознания.

— Степке Архипову отдадим! — весело сказал Прокофьев.— У них дома вторые сутки поминки идут.

— А по закону-то можно ли? — засомневался председатель.— Следствие надо закончить, потом суд...

— Что ж, ждать будем, пока протухнет?

— Положили бы на ледник...

— Знаешь, давай по-людски — составим протокол. Архипов распишется. У него свидетелей — полная деревня, все соседи знают, что телка зарезал...

Так они и сделали.

X

Двадцать шестого сентября 1923 года в Волхове состоялся под председательством судьи Иванова суд над Лукиным.

Окончание. См. «Огонек» №№ 24, 25.

[1] По новому административному делению.

С позиций сегодняшнего дня трудно давать оценку бесконечным откладываниям слушаний дела, оценку самому приговору. Может быть, повлияла тактика, которую избрали в своей защите Лукин и его адвокат, может быть, какие-то неизвестные нам соображения суда.

Прошедший курс тюремного «университета», Лукин решил клеветать на Прокофьева, подорвать у судей доверие к самому опасному свидетелю и своему смертному врагу.

«Милиционер Прокофьев идет против меня,— говорил на первом заседании суда Федор Лукин.— У меня был обыск, и Прокофьев просил у меня три пуда ржи, чтобы замять дело, но я отказал ему и про все сообщил начальнику милиции, за что на меня и сердит Прокофьев и он обещал меня все же засадить в тюрьму».

Здесь настолько наглая и неумелая ложь, что вызывает удивление даже то, что она с самого начала не была отвергнута судом и попала в судебное дело. Стоило поднять протоколы обысков у Лукина, которые делал Прокофьев, как сразу бы стало ясно, что он всегда ходил на обыск с понятыми. Их легко можно было вызвать для допроса. У начальника милиции легко было выяснить, жаловался ли ему Лукин! Если бы жаловался, Прокофьева давно бы уволили. Времена тогда были суровые. Да и как мог Лукин, скрывающийся от властей, совершающий одно за другим преступления, жаловаться в милицию!

Лукина спросили о прошлых судимостях.

— Судился ранее за ношение револьвера в двадцать первом году. Вышел по амнистии.

— Чем занимаетесь в настоящее время?

— Сапожничаю в Кобоне.

Опять беспардонная ложь! Много месяцев Лукин, разыскиваемый органами милиции, скрывался. Воровал.

— Признаете себя в краже мяса и зерна у Архипова? — спросил один из заседателей.

— В краже мяса и телячьих ножек у Архипова себя не признаю. Мясо купил на Покровской площади в Петрограде,— заученно ответил Лукин.

— Сколько? — спросил судья.

— Двадцать пять фунтов.

Спросить бы у Лукина: откуда у него, не заработавшего своим сапожным мастерством последний год ни одного рубля, нашлась крупная сумма денег на мясо? Но судьи промолчали.

Здесь, на суде, Лукин наконец признался, что украл у брата гимнастерку: «У брата своего родного взял гимнастерку, за что он меня ударил ножом».

«Вот,— удовлетворенно подумал сидевший на процессе Прокофьев.— Признался. Правду говорили люди. Врать они не станут».

А кражу у своего соседа Филиппа Пименова и кражу рам из одного кобонского дома Лукин упорно отрицал.

Да, у Советской власти в двадцать третьем году не было квалифицированных юристов. Не было не только в провинции, но и в Москве, в Петрограде. До революции профессия юриста была одной из самых привилегированных. Это была каста, поставлявшая кадры государственному аппарату. И лишь единицы правоведов поняли смысл и значение революции, стали служить ей. В суды пришли рабочие и крестьяне, пришли бывшие солдаты. При вынесении приговоров они руководствовались интересами революции. Сколько наветов, сколько злобы выплеснулось на страницы зарубежной печати о якобы творимых в России беззакониях, о чудовищных приговорах! А вот суд над Федором Лукиным в провинциальном городке Петроградской губернии Волхове, входившем в известность тем, что в нем строился первенец нашей энергетики — Волховская ГЭС, является примером того, как трудно, как осторожно выносились приговоры.

Неумелость, слабая компетентность судей очевидна, когда читаешь судебное дело Лукина. Но эта неумелость и некомпетентность (о предвзятости не может быть и речи) обращена в пользу подсудимого. Судьям что-то неясно, они не искушены в юриспруденции, чтобы перекрестными допросами, вызовом экспертов, дополнительных свидетелей обнажить истину. И они не торопятся вынести обвинительный приговор.

«...Суд признал, что предварительного материала недостаточно, и решил отложить дело слушанием на 13 ноября 1923 года».

13 ноября состоялось новое судебное заседание под председательством судьи Демидова и заседателей Платоновской и Поршнева.

На суд не явились Тараскин и Зудин. И снова было принято решение суд отложить. Несмотря на протест прокурора, настаивавшего на задержании Лукина, с него взяли подписку о невыезде и освободили. Свидетеля Зудина оштрафовали за неявку в суд на 30 копеек золотом.

Все эти дни Прокофьев ходил хмурый. Он понимал, что если Лукину удастся вывернуться, спокойной жизни в уезде не жди. Для Федьки это будет сигналом — воруй и дальше. А как посмотрят односельчане? Не нашел Прокофьев управы на бандита, кишка тонка! И кое-кому Федькина жизнь может показаться заманчивой. Коротки руки у власти! Пока она раскачается! Непросто, непросто было Андрею Прокофьевичу. Постоянные отлучки в Волхов на суд отрывали его от других дел. Да и зима на носу. И картошку надо было убирать и дрова готовить. Времени на сон оставалось мало. Но свой железный распорядок он не менял: утром обязательно гимнастика, турник, обливание холодной водой, ставшее забавой для ребятишек. Но редко теперь по вечерам он пел песни. А если и пел, то грустное: «На диком бреге Иртыша стоял Ермак, объятый думой...»

«Постановление

1923 года ноября 22 дня народный судья 4 участка Волховского уезда Демидов рассмотрел дело № 279 нарсуда 1-го участка... по обвинению гражданина Лукина... по 176, 180, 220 статьям уголовного кодекса и принимая во внимание, что обвиняемый Лукин в настоящее время под стражей не содержится и соблюдение циркуляра губсуда от 20/II 22 года за № 25 отпадает, а потому постановил:

Уголовное дело № 279... возвратить в нарсуд 1-го участка Волховского уезда».

И Федор Лукин остался на свободе.

Но всякий раз, когда в деле законности допущено отклонение, проявлена преступная халатность, не выяснены до конца и не проанализированы обстоятельства преступления, обязательно совершится трагедия. События январской ночи двадцать четвертого года были заложены в этом постановлении суда. Милосердие должно быть с разбором.

XI

«РСФСР. НКВД.

Дознание, произведенное Волховским отделением уголовного розыска по обвинению в афере и побеге неизвестного, назвавшего себя Лукиным с ночлега с деревни Посневo при переводе по сельскому наряду.

Начато 7 января 24 года.

Рапорт.

Довожу до вашего сведения, что в Мостоховском сельсовете был задержан гр-н, выдавший себя за секретного сотрудника и проводивший бесчинства в деревнях Моноково, Андреянково и других — занимался отбором ружей и т. п.

Упомянутый был отправлен Мостоховским сельсоветом мне, но ночью 22 таковой бежал от сельской охраны. От него отобрали сшитый кобур и деревянный револьвер, каковой он носил на боку, запугивая граждан, а также от него отобрано удостоверение от 13 ноября с/г (вот результат необдуманного действия суда!— **С. В.**) за № 1210, выданное Новоладожским домом заключения. Упомянутый гражданин одет в серый пиджак, черные галифе, черную фуражку, опоясан широким ремнем.., одета шерстяная рубашка, рост средний, черные волосы и усы подрезаны по-английски, обут в сапоги».

Надзиратель... Фамилия неразборчива.

О бесчинствах Лукина и о его побеге сразу же сообщили Прокофьеву. Началось для него горячее времечко.

Андрей Прокофьевич теперь редко ночевал дома, объезжая деревни, беседуя с представителями власти, с мужиками. Просил сразу же, как станет что известно о Лукине, присылать нарочного. В Кобоне договорился с активистами взять под наблюдение дом Лукиных. Одно было неудобно — уж больно близок к лесу. И прийти в него и ускользнуть можно незаметно. Одна надежда была на глубокий снег. Недаром говорили: где снег, там и след.

«В ВЧК.

Агент угрозыска административного отдела Волховского ВЦИК Савельев допрашивал Лукина. Тот признал, что присвоил себе звание секретного агента. Работал в деревнях Дубняки и Андреянково. Гражданину Андрееву обещал взять сына из тюрьмы на поруки, у гр. Рыжкова в деревне Андреянково взял охотничье ружье, двухстволку, в деревне Горка винтовку в разобранном виде.

Лукина арестовали и препроводили в деревню Городище к одному старику [1]. Хотел уйти, но старик предупредил: — Рано. Караул еще ходит. Ночью бежал. Вторично задержали в деревне Пруссыня, Пролетарской волости. С ночлега бежал и занялся в Пашской волости той же работой (взял кольцо у женщины).

В настоящее время местонахождение неизвестно».

Январь двадцать четвертого года выдался на редкость холодным. Днем над Ладогой стоял такой густой морозный туман, что мужики боялись уходить на подледный лов далеко от берега. Женщины по очереди дежурили у старой пристани и звонили в колокол. Чтобы мужья не сбились с дороги, не ушли вместо Кобоны на Валаам, в Финляндию. Когда в Кобоне топились печи, казалось, что туман держится на выходивших из труб дымах. Прекратят в домах топить печи — и туман обрушится на село, раздавит хрупкие, припорошенные снегом домики. По ночам далеко на Ладоге лопался от морозов лед. Гулкие удары были похожи на пушечную пальбу. Трещали в избах бревна, лопалась на деревьях кора.

«По примете, по примете трижды тихий по ночам, по-особенному ветер по-над Ладогой кричал».

Сейчас уже не установить, как узнал Прокофьев, что Федор Лукин тайком в девять часов вечера пришел домой. Андрей Прокофьевич даже жене своей ничего не сказал о Лукине. Не хотел беспокоить. Слишком часто ей и без этого приходилось переживать за опасную службу мужа.

Анна Степановна писала в своих показаниях: «Во втором часу ночи мой муж собрался куда-то идти». И все.

И пограничникам, к которым он обращался за помощью, Андрей Прокофьевич сказал лишь о самом факте: бандит Федор Лукин, которого разыскивает милиция, ночует сегодня в доме у матери.

Многие люди, хорошо знавшие милиционера Прокофьева, вспоминали о том, что у него было особое чутье на преступников, особая проницательность. Наверное, Андрей Прокофьевич решил, что повсюду преследуемый Лукин в эти январские стужи вынужден будет отогреваться дома. Решил и усилил наблюдение.

Поздно вечером в школе шло собрание. Был на этом собрании и Прокофьев.

...Из протокола допроса Суханова Николая Александровича, 22 лет, уроженца Симбирской губернии, Корсунского уезда, Юрловской волости, дер. Филатовка,— начальника кордона 10-й пограничной охраны:

«14 вечером подошел ко мне милиционер Прокофьев. Сообщил, что Лукин у матери. Уговорились идти в три часа ночи, чтобы застать спящим. Прокофьев зашел в три ко мне, я взял красноармейца Клышко Ивана.

[1] Из сельской охраны. (Примеч. автора.)

Подойдя к дому Лукина, стали стучать. Прокофьев перелез через забор и открыл калитку, через которую мы вошли во двор. В доме был очень слабый свет»...

«...горела лишь одна лампадка перед образами, очень слабо»,— показала на следствии мать Федора Лукина.

Красноармеец Иван Клышко постучал. Свет в доме погас.

Из показаний Суханова:

«Мы услышали шаги двух человек, шаги одного тихо приближались к дверям, а шаги другого человека быстро пробежали по сенях. Услышав это, я и Прокофьев, боясь, что Лукин может убежать через ворота сарая, побежали к воротам. Красноармеец остался стоять у дверей коридора. В этот момент где-то близко зашевелилась солома...»

И снова все стихло. И в этой тишине раздался — или Прокофьеву только показалось? — холодный, металлический щелчок.

— Федька! Что ты делаешь? — крикнул Андрей Прокофьевич. Это были его последние слова. Они повторяются в показаниях красноармейцев Ивана Клышко и Николая Суханова, записаны в обвинительном заключении.

«Федька! Что ты делаешь?!» Прокофьев не мог еще до конца поверить, что Федька Лукин, его односельчанин, когда-то ходивший в школу вместе с одним из его сыновей, решился на крайний шаг. В этом возгласе и удивление перед человеческой жестокостью, и предостережение, и, может быть, даже жалость. Прокофьев в этот предсмертный миг словно почувствовал ни с чем не сравнимые муки приговоренного к смерти молодого, полного сил человека, с тоской следящего сквозь зарешеченное окно, как ветер несет куда-то по голубому небу клочковатые облака. Может быть, в Кобону?

«В город Москва. «Кремль»

В Верховный суд РСФСР.

Принимая во внимание, что Верховный суд РСФСР, разбирая данное дело, если и найдет означенные преступления достойными высшему наказанию, все же прошу принять во внимание:

1) Мои молодые годы — 22.

2) Мою в то время бессознательную сторону поведения в этой отрасли и кто расстается с тем самым дорогим в мире, именно жизнью и еще какой, только что увидевшей свет солнца, только что начинавшей понимать, а в особенности когда ее отнимают, что такое жизнь.

Лишь не отнимайте, как я уже сказал, самого дорогого в мире — жизни.

Жизни молодой и цветущей, жизни, только увидевшей свет, и сознание в том, что она есть жизнь и ее больше никогда, нигде не будет.

Лукин Федор Киприянович».

Резкий выстрел громыхнул в темноте, отдался эхом в сосновом бору. Прокофьев упал в снег. Подбежавший Суханов увидел расплывающееся по снегу темное пятно.

«Раздался выстрел, и Прокофьев упал. Я не видел, откуда был выстрел, и, опасаясь вторичного выстрела, выбежал с тов. Клышко на улицу, и побежали оба в кордон за красноармейцами. Вызвав красноармейцев, сделали тревогу. Прибежав с красноармейцами к месту происшествия, мы обошли дом и видели: у задней стенки вверху выбиты доски, на снегу следы, ведущие в лес. Прокофьев лежал, убитый наповал».

Сколько недоуменных вопросов возникает, когда читаешь эти показания. Вдвоем упустили одного бандита! Прокофьев один не побоялся бы прийти за Лукиным, но крестьянский дом не городская квартира, выходов много. И через сени и через хлев. Окна на все стороны. А на дворе ночь, и лес начинается рядом с забором.

О том, что Федор Лукин скрывался дома один, свидетельствуют показания его матери:

«13 января сего года часов около 9 вечера пришел мой сын Федор Киприянович Лукин, ничего не говоря со мной, лег спать. На другой день сидел дома и ночевал тоже с 14-го на 15-е, с понедельника на вторник. Ночью раздался стук... Открыла дверь, вернулась в избу скорее и легла на печь. Когда вошла, не успела голову положить на подушку, как раздался выстрел...»

Конечно, Лукин успел уйти, пока Суханов и Клышко бегали за подмогой. Лес — вот он, шагнул из дверей и исчез, растворился среди сосен и январской вьюги. Лукин даже не очень торопился. Судя по показаниям его матери, он успел одеться — «ушел в пиджаке ватном серого шинельного сукна, с черным барашковым воротником, в валенках. Шапка высокая серая, солдатского образца».

А Прокофьев лежал с простреленной головой, и темное пятно на снегу все расплывалось и расплывалось. А потом его стало припорашивать свежим ночным снежком. И будь милиционер только ранен, кто знает, на что решился бы Лукин. Покинутый Сухановым и Клышко Прокофьев, человек, который уже несколько раз вставал у Лукина поперек дороги, не давал почувствовать себя вольным хозяином в уезде, был теперь в его власти. Федор по-настоящему боялся только его — Прокофьева. Потому что Прокофьев знал ему цену, знал все его преступления.

Кстати, серьезной судебно-медицинской экспертизы убитого не проводили. Да и откуда в те годы в Кобоне и даже в Новой Ладоге мог быть знающий судмедэксперт! Не хватало обычных врачей. А фельдшер, осматривавший рану, записал: «Входная рана в правую щеку и выход в нижнюю челюсть, причем челюсть и зубы окончательно разрушены... и сильное повреждение головного мозга».

Откуда же сильное повреждение головного мозга? Ведь пуля пробила щеку и разрушила челюсть, а это рана не смертельная. Значит, Лукин стрелял разрывной пулей...

В протоколе осмотра места происшествия было записано: «Дом Лукиных — по Александровскому каналу, третий по счету от края деревни. Обнесен забором не более 2-х аршин. Две калитки — в воротах и сзади. Около 2 калитки следы крови. Брызги крови на крыльце дома».

Как появились следы крови на крыльце? У второй калитки? Не подходил ли убийца, воспользовавшись отсутствием Суханова и Клышко, к Прокофьеву?

Это вопросы без ответов.

Дом Лукиных на тихом, покинутом канале стоит и поныне. В поисках этого дома я пошел по дороге, на которой сквозь камни проросла густая трава. Слева был лес, малинник с необобранными ягодами, пламеневшими среди зеленой листвы, справа — скромные крестьянские домики. Старые, но недавно подкрашенные в голубой и зеленый цвета. Мальчик и девочка лет по двенадцати колдовали над поставленным «на рога» велосипедом.

— Мальчик,— обратился я к пареньку в джинсах.— Не знаешь, который дом Лукиных?

Мальчик обернулся ко мне и с улыбкой, без обиды сказал нежным голоском:

— Я девочка. А дом Лукиных — вот этот.

Я проследил за рукой и увидел серый, некрашеный дом, чуть покосившееся крылечко, белые занавески на окнах. Изгородь подходила к самому лесу на задворках. Ни в доме, ни в огороде никого не было видно...

А дом Прокофьевых не сохранился. Разрушен в военные годы. На участке, заросшем высокой травой, три березы. И табличка: «Березы эти посадил поэт Александр Прокофьев в детстве».

Недалеко от этих трех берез, на канале старик мыл шваброй высокий коричневый забор. Увидев меня, он прислонил к забору швабру и спросил:

— Интересуетесь?

Я кивнул.

— К Прокофьевым много народу приезжает,— сказал дед так, словно Прокофьевы все еще живут здесь, в Кобоне.

— Я помню, когда Андрея Прокофьевича убили,— продолжал он.— Отец мой, Коротков, работал секретарем сельсовета. Ночью проснулся — стучат в дверь. Председатель прибежал. Кричит отцу: «Выйди, дело срочное!» Отец быстро оделся и ушел. А утром я узнал, что Прокофьева Лукин застрелил.— Он вздохнул. Посмотрел на меня пытливыми глазами.

— Люди к нам ездят. И писатели тоже. Сашины друзья. А вот не напишет никто про церкву. Видели? Скоро совсем разрушится. Ста-а-аринная церква. В Отечественную-то сколько приняла на себя! Колотил фашист по ней... А она, как белая лебедушка, для тех, кто из Питера плыл, лучше всякого маяка. Андрея-то Прокофьевича в ней и крестили. И венчался он с Анной Степановной здесь. Когда-то Кобона шумным селом была. Это теперь все по озеру плывут. А раньше флот по каналу двигался. Гонки бревен. Одних лошадей на канале двенадцать тысяч ходило. На каждом километре — ларек. Водку шкаликами да мерзавчиками продавали. Сто тридцать домов было, а счас восемьдесят. Да и то — в тридцати девяти лишь дачники...

Уже после войны внук героя-милиционера, сын поэта Прокофьева, сам прекрасный поэт, Александр Андреев опубликует стихотворение «Костер», памяти деда — Андрея Прокофьева:

С морозным белым ореолом
Висит над Ладогой луна,
Легла на все плечом тяжелым
Январской ночи тишина.
Деревьев траурные тени
Далеко врезались в поля...
Четыре дня, как умер Ленин,
Четыре дня в тоске земля.
И, как печаль людей большая,
В Москве четыре дня подряд,
Снега до камня прожигая,
Костры на улицах горят.
А здесь замерзшими слезами
Сверкает придорожный снег,
А здесь тяжелыми шагами
Идет тропинкой человек.
Как все, он потрясен несчастьем,
Но тверд он сердцем и сейчас...
Идет чекист
Советской власти
Суровый выполнить приказ!
Блестит луна в окне чердачном,
На окнах паутиной лед.
В сенях бандит и подкулачник
С винтовкой наготове ждет.
Душой кромешной, сердцем волчьим
Как ненавидит он людей,
Всех, кто зажег январской ночью
Костры московских площадей.
Всех, кто в почетном карауле
У гроба Ленина стоит...
С проклятой разрывною пулей
Ждет деда моего бандит!
И грохнул выстрел, раскатился.
Упал сраженный человек.
И против сердца задымился
От жара, багровея, снег.
Снег заструился к изголовью,
От крови горячей угля.
И, как костер, зажглась от крови
Насквозь промерзшая земля.

Прекрасные стихи, прекрасный памятник погибшему деду. Александр Андреев не точен лишь в одном: пуля попала не в сердце, а в голову. Я специально не говорю об оружии. По сложившейся версии Лукин стрелял из пистолета системы «бульдог» пулей от берданки. Но «бульдог» не был найден.

Лукин на допросе говорил: «Я не отрицаю. «Бульдог» у меня был, но я сильно был растерян и сразу же его там и бросил. В нем был один патрон». Но Лукину трудно верить. Например, на очной ставке с начальником погранпоста Карповым Лукин клеветал: «Карпов говорил, что если не покажешь, что убил милиционера, то я тебя повешу в уборной».

Карпов решительно опроверг навет: «В корне отрицаю! Кроме корректного отношения к Лукину, у меня ничего не было. Так же об этом могут подтвердить бывшие при допросе

сын Прокофьева Александр, так же и Василий и агент угро, фамилии не помню».

Да, Лукин в свои двадцать два года прошел уже хорошую школу в тюрьмах и малинах, прекрасно знал первую заповедь преступного мира — ни в чем не признавайся. Если сплоховал, признался — тверди потом, что заставили. Лукин, еще при жизни Прокофьева пытавшийся оклеветать его, теперь клеветал на тех, кто вел расследование.

...Утром пятнадцатого по всем погранзаставам была объявлена тревога — совершив убийство, Лукин мог попытаться сбежать за границу. В 16.20 из Новой Ладоги ушла телеграмма: «Волхов административный отдел Захарову Кобоне бандитом убит милиционер Прокофьев высылайте агента Карпенков».

Лукина задержали семнадцатого января бойцы 5-го погранотделения ОГПУ в деревне Сумское.

В книге регистрации происшествий Управления милиции Волховского уезда появилась запись:

«Января 20.

В ночь с 14/I на 15/I при задержании бандита в с. Кобона Шумской волости убит младший милиционер Шумской волости тов. Прокофьев Андрей Прокофьевич. Бандит задержан. Тело тов. Прокофьева предано земле по-граждански в с. Кобона. Дело передано следователю 2-го участка.

Справка: Рапорт н-ка отделения милиции № 600».

В Кобоне это были первые похороны без церковного обряда.

У раскрытой могилы Александр Прокофьев сказал: «Отец, нам двоим с бандитом не ходить по земле»...

31 марта 1924 года в 22 часа 40 минут выездная сессия Ленинградского губернского суда приговорила Федора Лукина к высшей мере наказания — расстрелу.

«В Ленинградский губсуд

Сообщаю для сведения, что 3-го сего апреля во вверенный мне ЛЕНИНГРАДСКИЙ ДОМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ поступил лишенный свободы ЛУКИН Федор Киприянович, осужденный Выездной сессией губсуда в городе Новая Ладога... по делу № 30 в/с к высшей мере наказания расстрелу.

Начальник Ленинградского домзака» (подпись неразборчива).

18 июня 1924 года приговор был приведен в исполнение.

В кармане шинели убитого Прокофьева нашли сложенный вчетверо листок бумаги. Выписку из приказа начальника милиции.

«11 сего ноября 1923

Рабоче-крестьянская милиция празднует 6 годовщину своего существования. Являясь младшей сестрой Рабоче-крестьянской Красной Армии, сформировавшейся на другой день Красного Октября, встала на защиту трудящихся и в течение 6 лет ведет упорную борьбу с врагами тыла, памятуя, что от внутреннего порядка зависит многое в победе Красной Армии над внешним врагом.

При сем объявляю список чествуемых героев труда вверенной мне уездной милиции.

1. Прокофьев Андрей Прокофьевич, младший милиционер Шумской волости».

Всего в этом списке было шесть милиционеров.

Приказом министра внутренних дел СССР милиционер Прокофьев навечно зачислен в списки милиции. В Ленинградском и Центральном музеях милиции Андрею Прокофьевичу посвящены специальные стенды.

Судьбе было угодно, чтобы история Кобоны прочно вошла в историю России, в историю советской литературы, в историю рабоче-крестьянской милиции.

На ладожские плесы,
Покинув ближний стан,
Идет густой, белесый
И стелется туман.

А ветер от Олонца
И от больших морей,
И опускалось солнце
На тридцать якорей.

ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК

Зоя КРЯКВИНА

Древнее поверье гласит, что земля наша держится на трех китах. Город Николаев тоже держится на трех «китах», на трех «китах» судостроительной промышленности: Черноморский судостроительный, завод имени 61 коммунара, «Океан».

...Он еще не родился, а профессия ему уже была определена: строить суда. Его биография — от первого колышка, вбитого в прибрежный песок строителями ингульской верфи почти двести лет назад, от первого фрегата, спущенного на воду предками сегодняшних корабелов в 1790 году, до нынешних дней — связана с судостроением. На всех морских и океанских линиях, во всех международных портах под флагом Советского Союза встретишь суда из Николаева.

...Утро города. Горожане спешат на работу. И больше всего людей устремляется к трем николаевским «китам». Еду и я на Черноморский судостроительный: накануне в горкоме партии мне посоветовали встретиться с бригадой токарей Героя Социалистического Труда Михаила Александровича Малого.

На огромной площади разместились корпуса, и, пожалуй, не хватит дня, чтобы обойти все цеха. Завод, словно город. На улице Машиностроителей выхожу. Мемориальная площадь. Здесь в камне зримо запечатлена история завода. Год рождения — 1897-й. Каторжные условия труда. Вспоминаются строки стихов поэта — рабочего судостроительного завода: «Льется пот со всех ручьями, грохот, лязг и стонов звон, чад парит над головами, смерть глядит со всех сторон...» Красным Питером на Юге называл В. И. Ленин Николаев. В 1903 году здесь достраивался и вооружался легендарный броненосец «Потемкин», в двадцатые восстанавливались боевые корабли.

Ярко пламенеет Вечный огонь. На мраморных плитах — имена судостроителей. Память о них не подвластна времени. А здесь, на аллее Трудовой славы, портреты творцов всего того, чем знаменит сегодня завод. Тут и Михаил Александрович Малый.

...Главный механосборочный цех. Огромный, освещенный солнцем пролет. Вдоль стен мощные современные станки. Здесь я и познакомилась с Михаилом Александровичем. У него выразительное лицо, живые глаза, и говорит он о людях по-доброму:

— У меня в бригаде люди все разные, и каждый интересен посвоему. Скромные, вроде бы и неприметные, а присмотришься получше, поработаешь рядом, и открываются такие кладези, о которых и не подозревал, характеры проявляются. Взять хотя бы моего первейшего помощника Александра Иванова. В наш корабельный край Саша приехал из небольшого северного села Юрино, Новгородской области, двадцать лет назад. Приехал погостить, да так и остался в Николаеве, сердцем прикипел к заводу, стал отличным корабелом. Женился, сына растит. Уважаемый человек, награжден орденами и медалями. Вячеслав Иванович Куликов родом тоже не наш, не николаевский, а прижился и от завода никуда. Вместе с женой Александрой Сергеевной трудятся много лет. Или вот Саша Цибульский... От природы горяч, стоит какой-нибудь бригаде вырваться вперед, бросает клич: «Обгоним!» И обгоняем. Даже рекорды ставим. Вот что значит вовремя поднять настроение. Вениамин Шилович Гриневич — этот постоянно что-то совершенствует, а Николай Васильевич Пастушенко — прекрасный наставник. Его девиз — поставить ученика на ноги, да так, чтобы он был лучше учителя.

— Что ж это получается, Михаил Александрович, выходит, у вас все в лучших?..

— Да, получается так. Иначе и быть не должно, ведь звание лучшей бригады не один человек завоевал, а весь участок, все семнадцать.

Михаил Александрович подвел меня к уникальному станку — на нем можно обработать деталь весом до 50 тонн. Махина! Внутри электроника, а снаружи вроде бы все предельно просто: пульт управления и кнопки. Нажал — и резец вгрызается в металл. Но это лишь на первый взгляд. Здесь, как нигде, нужны четкость и точность до сотой доли миллиметра. Станок — последнее звено в технологической цепи, отсюда валы идут на сборку.

— Мне пришлось осваивать его первым,— рассказывает Михаил Александрович.— С непривычки было страшновато. Опыта нет, а ответственность большая, каждая заготовка стоит десятки тысяч рублей. Запороть легко, а исправить не всегда удается... Освоился, свыкся... Словно врач, по звуку могу теперь определить, как чувствует себя мой подопечный вал, так ли режет резец. И токаря Иванова научил. Теперь вместе учим Валентина Дюмина. Парень он грамотный, техникум судостроительный окончил.

Михаил Александрович знакомит меня с Вячеславом Ивановичем Куликовым. Специалист высокого класса, коммунист, общественник, он более сорока лет работал токарем индивидуально. И вот впервые в бригаде.

— Скажите, Вячеслав Иванович, сейчас легче вам работается, интереснее или...

— Конечно, интереснее. Коллектив, он ведь подтягивает, не дает расслабиться, да и самому отставать не хочется. Соревнование идет бригадное, вместе обсуждаем итоги, планы, радуемся успехам друг друга. В десятой пятилетке сорок раз выходила наша бригада победителем в социалистическом соревновании по заводу. Но не это главное. Нравственную победу, если так можно выразиться, одержали. Мы, станочники, работали в одиночку, и, естественно, у каждого были свои секреты, свои беды и заботы. Бывали, как говорится, у мастера выгодную работу, никому не хотелось оставаться внакладе, нередко доходило до ссоры. Если кому-либо удавалось сделать ма-

ленькое открытие, выточить какую-то деталь лучше и быстрее, то своим секретом с товарищем поделиться он не спешил. Есть и теперь у каждого что-то свое, но тайн из этого никто не делает. Какие могут быть секреты у бригады?! Ведь работаем на единый наряд.

В разговор вступает токарь Анатолий Васильевич Савенко:

— Да, бригада дисциплинирует. К нам много молодых приходит, а в бригаде им учиться значительно легче. Настраивая станок новичку, не думаешь о том времени, которое тратишь, знаешь, что оно скоро окупится с лихвой. Чем быстрее молодой рабочий постигнет мастерство, тем от него отдача больше, а в выигрыше от этого все: ты, бригада, цех, завод.

Такой бригада стала не сразу.

— Все началось с поездки в Ленинград, на Балтийский судостроительный завод,— рассказывает Михаил Александрович.—Там я познакомился с бригадой из четырех человек, обслуживающей станок «Шкода». Понравилась она мне. И, вернувшись домой, предложил создать такую же бригаду и на нашем участке валов. Создали. Прошло шесть-семь месяцев, и люди почувствовали, что вместе работается споровистей. Трудоемкие, тяжелые валы не надо снимать со станка, смена сдавалась на ходу. Вырос и заработок. Станочники стали просить: «Александрович, возьми и нас в бригаду». Были, конечно, и противники, но большинство высказывалось «за». И я решился — возглавил первую на заводе комплексную бригаду станочников. Не сразу сложился наш коллектив. Легче легкого просто объединить людей. Труднее сделать так, чтобы каждый понял: его отношение к работе сказывается на конечном общем результате. Выбрали совет бригады, стали применять коэффициент трудового участия. Естественно, при распределении заработка прежде всего учитывалось количество и качество труда. Но и нарушителей трудовой дисциплины не жаловали. Ввели книгу учета, в которую совет бригады, мастер и я регулярно вносили свои записи. За опоздание на работу, за прогул, за лишний перекур сбрасывались баллы. Рабочие правильно оценили все это. Скептики стали капитулировать, и через два-три месяца сторонников принципа «каждый работает на себя» почти не было. И дело здесь не только в деньгах. Коэффициент трудового участия, я бы сказал, воспитывает человека, заставляет ответ держать перед своей совестью, пробуждает здоровое соперничество. Постепенно в бригаде сложился такой моральный климат, который заставил подтянуться и нерадивых. Появилось чувство ответственности не только за себя, но и за товарища. Мы забыли, что такое простои. Каждый старается работать на том станке, где он может достичь наивысшей производительности. Все овладели смежными профессиями, взаимозаменяемость полная. В бригаде двенадцать токарей и расточников, а подручных всего лишь пять. А когда в одиночку работали, подручный был у каждого. Вот и считайте, сколько мы сэкономили за пятилетку только за счет этого? К тому же выработка возросла на двенадцать процентов.

Рождение бригады,— продолжал Михаил Александрович,— это большое событие в моей жизни, если говорить о десятой пятилетке. Да и в личной жизни эти годы знаменательны. Вернулся сын из армии и пришел на наш же, Черноморский судостроительный. Был я делегатом XXVI съезда партии, жители родного Николаева избрали меня депутатом Верховного Совета Украины. В составе заводской делегации был гостем XXII Олимпийских игр в Москве. И все же главное — это рождение бригады. Горжусь тем, что удалось создать сплоченный коллектив, стал он для каждого второй семьей. «Один за всех и все за одного» — вот по какому закону живем. И если кто проявил нерадивость или, скажем, недостойно вел себя — с такого со всей рабочей строгостью спросят. Пришел в бригаду из соседнего цеха Василий Ш. А вместе с ним пришла и «слава» нарушителя дисциплины. Не раз говорили с ним один на один наши ветераны, ставили в пример его отца, отлично работавшего на этом же станке. Подействовало! Парня словно подменили. Молодежь, она у нас хорошая. Надо только ключ к сердцу найти.

Михаил Александрович — частый гость в профтехучилище.

Бригадир М. А. Малый.

Как-то на встрече с молодежью его спросили: «Вот вы отлично работаете, рекорды ставите,— а сами от этого что имеете?» «Что я имею? — вопросом на вопрос ответил бригадир. — Моральное удовлетворение. Уважение коллектива да и заработок хороший... Разве этого мало?»

Отлично работает бригадир. Отлично работает весь небольшой коллектив. Досрочно справляется с плановыми заданиями, досрочно выполняет социалистические обязательства, всю продукцию сдает с первого предъявления.

Корабелы Черноморского судостроительного предложили в одиннадцатой пятилетке значительно увеличить объем производства, сократив при этом количество работающих. За словом последовало дело: бригадный подряд. Среди пионеров новой организации труда была и бригада Малого.

Уже на первом этапе внедрения бригадного подряда сократились сроки постройки судов. На 8—12 процентов выросла производительность труда. Это позволило высвободить более 400 судостроителей и использовать их на других участках производства.

...В тот день наша беседа с Михаилом Александровичем неожиданно оборвалась — его куда-то срочно вызвали. Он извинился и предложил:

— Приходите вечером на депутатский прием, продолжим разговор.

...Я сижу в стороне, присматриваюсь к людям, пришедшим на прием, к манере депутата слушать, отвечать, задавать вопросы. Кто-то хлопочет о пенсии, другой — о жилье, а третий жалуется, что не сложились отношения в коллективе. По-дружески, спокойно беседует с людьми депутат. Даже если и откажет, то человек уходит от него без обиды: нельзя, значит, нельзя, тут уж ничего не поделаешь. «Я к вам еще приду»,— говорит старушка, жалующаяся на соседей. «Я сам к вам приду,— улыбается Малый.— На месте разберемся. Приду на той неделе, в пятницу, в шесть вечера...»

Закончился прием. Мы выходим на улицу. Тихий вечер. Величественно, неторопливо несет свои воды Ингул, нежно покачивая суда. Возможно, завтра они поплывут к морю. Любуясь родным городом, мой спутник восторженно говорит о нем. И тут уж разговор выходит на автобиографическую орбиту.

Нелегким выдалось его детство. Отец сам любил трудиться и сыновей с детства к тому приучал. «Трудолюбие,— говорил он,— еще никому не вредило, а кто полюбит труд, у того и жизнь красивой будет». Врезались в память те отцовские слова, он сумел пронести трудолюбие через всю жизнь. И оно воздало ему сторицей. Михаилу было всего десять, когда началась война. Потом разруха. На всю страну прозвучал призыв: молодежь — в ремесленные училища! Одним из первых он подал заявление. В 1948 году пришел на Черноморский судостроительный токарем. Работали так: за себя и за погибших. Вот здесь будущий бригадир и выдержал первый экзамен на прочность. Работали в три смены. Мастер требовал от новичков полнейшей отдачи. Когда уходил на службу в армию, строгий мастер сказал ему: «Ты парень с головой. Будем ждать тебя. Возвращайся».

Отслужил и вернулся в Николаев. И снова родной завод. Вскоре женился. Жена, Тамара, хоть и окончила железнодорожный техникум, тоже пришла на судостроительный. И сын, корабел, в одном цехе с отцом трудится.

Начав с азов, Михаил Александрович в совершенстве постиг премудрости токарного дела, стал признанным мастером, одним из самых известных в стране судостроителей. Орден Ленина, орден Октябрьской Революции, орден Трудового Красного Знамени, орден «Знак Почета» — такова оценка его труда.

Речь снова зашла о родных краях. Михаил Александрович оживился, в голосе его появились теплые нотки:

— Видно, так уж устроен человек — нет для него ничего роднее и ближе, чем земля, где родился, где детство и юность прошли. Дороже города, чем Николаев, для меня нет. Где бы я ни был, помню его улицы и дома, слышу тихое журчание речек, голоса родных и друзей. Бывал я в Берлине, Париже, но города дороже, роднее Николаева нет для меня. Я люблю свой город, его людей, своих товарищей, судостроителей. Знаете, как приятно мне было в Москве во время работы XXVI съезда партии увидеть на страницах «Правды» фотографию нашего супертраулера «XXVI съезд партии», как приятно было принимать поздравления друзей, делегатов съезда и чувствовать себя николаевцем.

С ВАМИ ОБЕДАЕТ КРОКОДИЛ ГЕНА

Вам никогда не приходилось ждать поезда на вокзале? Если приходилось, то вы знаете, с какими неудобствами это чаще всего связано. А если к тому же вы с маленьким ребенком?

...Ярославский вокзал. Один из самых оживленных в Москве. Залы переполнены. Кругом усталые лица пассажиров. Сумки, чемоданы, авоськи... Гул не умолкает ни на минуту... Но если подняться на второй этаж, то в глаза бросится разноцветная вывеска: «Детский буфет. Работает с восьми до двадцати трех часов». А со стены весело подмигивают три поросенка. Вокруг нарисованы герои детских сказок, развешаны воздушные шарики; витрину украшают зеленые крокодильчики, красные петушки. Этими петушками сыт не будешь, но в буфете есть все, что нужно ребенку: кипяченое молоко, миниатюрные котлетки с пюре, горы всевозможных бутербродов и пирожных, выпекаемых кондитерским цехом, который находится тут же, на вокзале.

Буфет рассчитан на пятьдесят мест; шесть столиков совсем крошечные, для самых маленьких посетителей... За день здесь побывает две, а то и две с половиной тысячи человек. И обслуживают их так, что книга предложений полна благодарностей. Люди из многих городов пишут теплые слова работникам буфета, говорят спасибо за чуткость, за разнообразное меню, за вкусную пищу, за вежливость.

Правда, иногда бывают особо привередливые посетители — ревут и ни в какую не хотят есть. Тогда вместе с ними обедают кукла Таня и крокодил Гена.

В буфет хотят попасть многие. Поэтому у дверей стоит администратор и регулирует очередь. Пассажиры с малышами идут первыми. Затем школьники. А взрослые люди без детей — самые последние.

В кафе всегда людно, особенно летом, во время школьных каникул. Но ребятам рады в любое время года.

М. НИКУЛИНА

Посетители кафе.
Фото А. Козьмина

ХИРУРГИ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Фото Алексея МАСЛОВА

— Давайте сразу договоримся. Все, что сделано в нашем институте,— плод работы всего коллектива, поэтому...

— О вас не писать,— закончила я за профессора В. Д. Федорова, уже немного представляя его характер.

— Да, пожалуйста, не надо.

— И не упоминать.

Владимир Дмитриевич не принял шутку.

— Упомянуть можно,— вежливой улыбкой он пытался смягчить категоричность своего решения.— Пишите об институте, о сотрудниках, у нас работают замечательные люди...

Я пришла в НИИ проктологии Минздрава РСФСР в день, когда здесь был праздник — директора института профессора В. Д. Федорова накануне избрали членом-корреспондентом Академии медицинских наук. Немногие советские врачи удостаивались этой высокой чести до пятидесяти лет: ведь надо иметь исследовательские работы, книги, внести крупный вклад в медицину, пользоваться высоким научным авторитетом. А хирургам, как известно, книг писать некогда: они лечат, они спасают людей.

В тот день профессор Федоров утром проводил, как всегда, институтскую конференцию, консультировал больных, с десяти оперировал, потом читал лекцию врачам на кафедре проктологии Центрального института усовершенствования врачей.

...Мне выдали белоснежный халат, шапочку, тапки, сказали расписание конференций, врачебных обходов, операций. Ходить по институту могу везде, говорить, с кем понадобится. И с врачами, и с сестрами, и с больными. Только вот одно «но»... тот разговор с В. Д. Федоровым. Получается, что я должна писать об институте и не говорить о его директоре, рассказывать о работах учеников и молчать о трудах учителя, о том, кто стоит сегодня во главе советской проктологии. Задача не из легких... Впрочем, попробуем...

ЯДРО УСПЕХА

— Не охай, Наталья. Раньше никак нельзя. Операцию сделаем только на следующей неделе. Тебя еще надо подкормить. Поколем витамины, перельем белок, подготовим тебя получше. А ты пока используй время, чтобы позаниматься — не зря же учебники привезла.

— Юлий Вячеславович, а гулять мне можно?

— Да. Выпишем тебе пропуск. Но одно условие — гулять час в день и только по нашей территории. Туда, где машины, не ходить... Да, Наталья, а сессию как сдала?

Перед заведующим отделением общей проктологии Ю. В. Дульцевым, недавно защитившим докторскую диссертацию, сидит хрупкая девушка. Нежный овал лица. Синеглазая, темноволосая. Она из далекого сибирского города. Студентка, первокурсница. В клинике уже второй раз, и Юлий Вячеславович, видно, полностью в курсе ее дел.

— Планы наши, Наталья, такие. Сейчас небольшая операция. В конце лета опять к нам, ненадолго. А после второго курса будем думать о серьезной полостной операции. Июль, август, сентябрь — наши. Подгадаем, чтобы не срывать тебе учебу. Следующим летом — опять к нам. К пятому курсу постараемся тебе все наладить. Ясно?

Сквозь деловой тон хирурга пробивается чуть заметная ласка: ему хочется ободрить девушку, не обидеть жалостью, а вселить в нее уверенность.

После ухода Наташи Юлий Вячеславович раскрывает историю ее болезни...

Девушка родилась без прямой кишки — бывают такие врожденные дефекты. Ей было пять дней от роду, когда она перенесла первую операцию. В три года — вторую. Случай был сложный, и врачи думали тогда лишь о том, чтобы спасти девочке жизнь...

В Москву Наташу привезли уже ослабленной, с повышенной кровоточивостью. Четыре месяца она лечилась в Институте гематологии. И сейчас ей предстоит сложнейшая для хирургов многоэтапная пластическая операция, рассчитанная на несколько лет. Врачи планируют лечение, стараясь приноровиться всячески к больной, к условиям ее жизни.

— Мы должны думать о социальной и трудовой реабилитации наших пациентов,— говорит Юлий Вячеславович.— Наташа, например — если, разумеется, все пройдет, как мы задумали, а я надеюсь, что это так и будет,— после завершения серии пластических восстановительных операций закончит институт, сможет нормально жить и работать, выйти замуж, рожать детей... И, слава богу, забыть нас, хирургов.

Вот забыть — вряд ли...

— Конечно, наверное, будет иногда вспоминать, возможно, и с благодарностью, но лучше бы вовсе забыла. Много страданий переносят наши пациенты, такие у них болезни.

Каждая операция, которую делают в институте, чрезвычайно сложна, по существу, уникальна. Вся восстановительная хирургия почти на 50 процентов складывается из исправлений либо врожденных пороков, либо последствий предыдущих операций. Иногда лечение растягивается на долгие годы. Оно требует от хирургов чрезвычайного мастерства, знаний, опыта. И, пожалуй, самые искусные врачи в этой области работают здесь.

Когда встречаешься с такими хирургами, как, скажем, Юлий Вячеславович Дульцев, всегда интересно знать, почему они выбрали именно эту профессию, что помогло им угадать в себе божий дар.

— Наверное, то, что в девятом классе мне сделали операцию по поводу тяжелого аппендицита, и я два месяца провалялся в больнице,— говорит Дульцев.— И уже серьезно:— А может, это влияние моих родственников — тети и дяди, военных врачей, людей, преданных медицине, влюбленных в нее.

Выпускник 2-го Медицинского института, теперь заместитель директора НИИ проктологии, начал свой путь хирурга в 1961 году, на целине, в сельской больнице.

— Запомнили первую операцию?

— Конечно, хотя она не была «операцией века». Грыжесечение.

В сельской больнице, где работал тогда Дульцев, оперировать приходилось все — травмы, полученные при несчастных случаях, аппендицит, грыжу, холециститы...

— Нас несколько человек с курса поехало на целину,— вспоминает Юлий Вячеславович.— Я работал в Северо-Казахстанской области, а Геннадий Воробьев (он здесь тоже заведует отделением, недавно представил докторскую к защите) был в Целиноградской области.

Накануне сквозь стеклянный фонарь в операционной, затаив дыхание, я следила за операцией, которую делал Геннадий Иванович Воробьев. Всего выполнено 17 таких операций. Я присутствовала на восемнадцатой. Воробьев оперировал молодого мужчину, у которого в результате рака полностью удалили прямую кишку и сделали искусственный вывод на брюшную стенку, как говорят врачи, наложили колостому. Прошло пять лет, и хирурги решились делать восстановительную пластическую операцию, возвращающую теперь уже излеченного пациента к обычному состоянию.

Разработаны подобные сложнейшие операции в НИИ проктологии. А начинал их, как почти все здесь, В. Д. Федоров.

Беседуя потом с Воробьевым, я спросила, возможна ли пересадка отделов кишечника от одного человека к другому.

— В принципе возможна, но необходимости большой в этом нет. У человека, как известно, только одно сердце и лишь две почки. Здесь поиски по пересадке неизбежны. Но при операциях на кишечнике можно изыскать резервы за счет собственных тканей оперируемого. Это ядро успеха проктологических операций.

Ядро успеха... Есть оно и в работе института. Чем больше я присматривалась к отношениям врачей и больных, тем яснее понимала, что вмещает в себя это емкое понятие: ядро успеха. Конечно, в него входят высокий научный уровень исследований, квалификация врачей, талант хирургов... Но есть здесь еще нечто, объединяющее весь коллектив, от директора до санитарки, будто все они прошли некую общую морально-этическую подготовку. Это — особое, бережное, тактичное отношение к больным, сопереживание их страданиям. «Здесь как ставят руку, так ставят и поведение»,— сказал мне совсем молодой врач, секретарь комсомольской организации института Саша Титов.

Существует мнение — хирург должен быть жесток. В этом его сила, иначе он не поможет больному. Из современных фильмов, книг, очерков начинает складываться некий стереотип хирурга: на операциях он от напряжения рычит на сестер и ассистентов, «разряжается», ругаясь чуть ли не матом, до предела груб с провинившимся подчиненным. Он борется с устаревшими авторитетами, молод, ультрасовременен, смел, талантлив, умен, но... Нет, об этом прямо не говорится, но получается, что такой хирург никого не любит и не уважает, кроме себя. А вдруг и больных тоже?

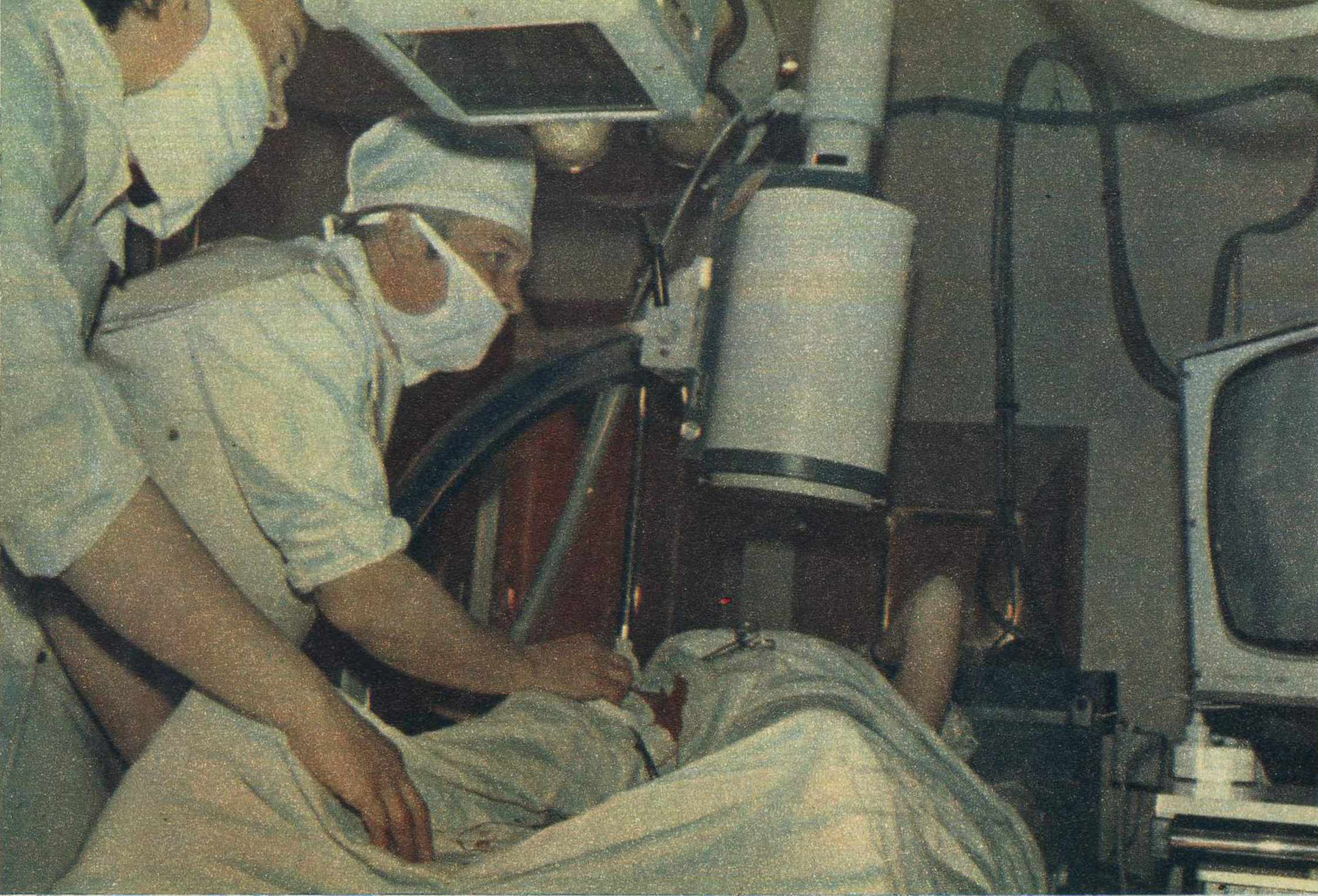
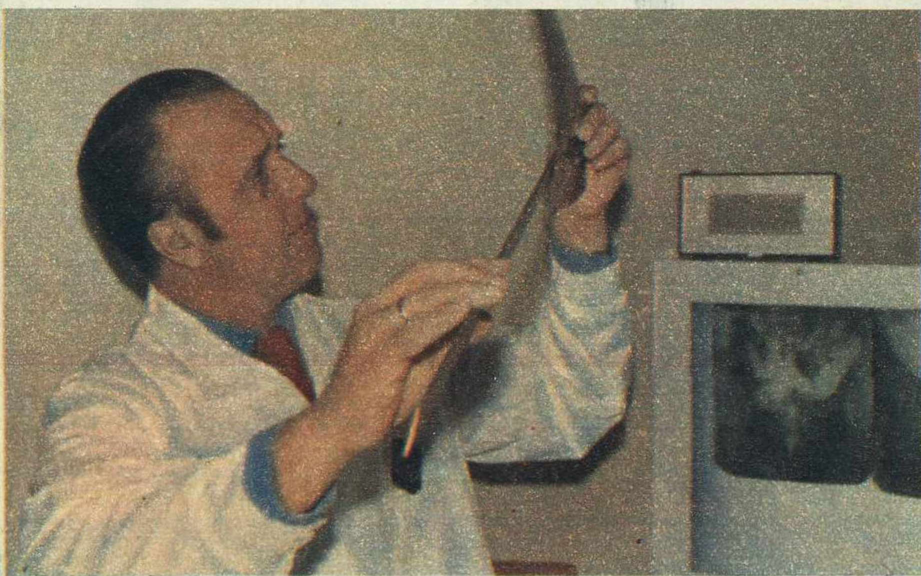
В Институте проктологии стиль иной и врачи тоже иные, хотя они молоды и вполне современны. Возраст в основном от тридцати до сорока. Из 500 сотрудников института больше ста — комсомольцы. И оборудование здесь по последнему слову техники. Но лежит на институте легкий налет очаровательной старомодности, с которой связываются такие понятия, как воспитанность, тонкая интеллигентность, пунктуальность, уважение младших к старшим и доверие старших к младшим. И даже за тем, как на ежедневных конференциях все встают, когда входит профессор Федоров, или начинают доклад словами «уважаемый Владимир Дмитриевич, уважаемые коллеги», как говорят вместо «заболевания больных» — «страдания больных», видится не внешняя форма, а самая суть.

Не было случая, чтобы кто-либо из врачей или сестер не приехал ночью, если больному стало плохо или чтобы помочь коллеге при операции. Не было случая, чтобы отказался дать свою кровь боль-

---

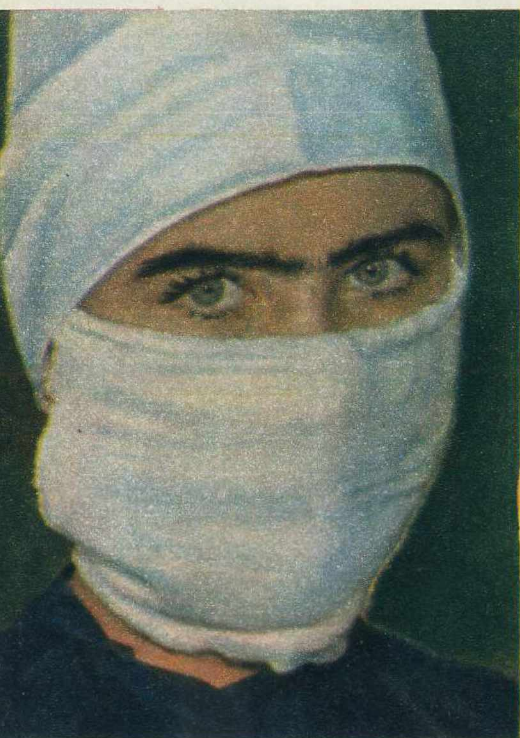
Оперирует член-корреспондент АМН СССР профессор В. Д. Федоров * Борьба за жизнь.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Старший научный сотрудник В. Г. Ананьев выполняет исследование сосудов * Заведующий рентгенорадиологическим отделом доктор медицинских наук В. М. Араблинский * В лаборатории * После операции. Врач-анестезиолог А. Н. Балабашин * Курсанты Центрального института усовершенствования врачей Минздрава СССР на показательной операции.

ному. Закричать на операции или разрядиться руганью просто никому не придет в голову.

— Грубый, жестокий хирург? Нет! Хирург должен быть добрым. Очень добрым. Достаточно того, что сами по себе методы нашей работы жестоки,— сказал мне Геннадий Иванович Воробьев. И добавил: — А стиль института идет от наших учителей — профессоров старой школы. И еще объясняется личностью Владимира Дмитриевича Федорова. Его характером, его влиянием на всех нас.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ №...

В кабинете доцента А. М. Никитина, заведующего одним из отделений института, висит групповая фотография семнадцатилетней давности. В совсем юных лицах врачей легко узнаются теперешние известные хирурги и ученые: В. Д. Федоров, Ю. В. Дульцев, Г. И. Воробьев. А вот и хозяин кабинета Александр Максимович Никитин, в начале этого года с блеском защитивший докторскую диссертацию.

На фотографии в центре — заведующий госпитальной хирургической клиникой 2-го Московского медицинского института, Герой Социалистического Труда, заслуженный деятель науки профессор Валентин Сергеевич Маят и его заместитель профессор Игорь Николаевич Рыбушкин.

— Мы все их ученики,— говорит Александр Максимович Никитин.— Но Федоров — лучший. Это от них, своих непосредственных учителей, перенял он отношение к медицине как служению, те качества характера, что всегда отличали русского врача — и прославленного хирурга и безвестного сельского фельдшера. И их скромность, их ненавязчивое внимание, их доброту к больному.

Владимир Дмитриевич не только продолжил школу Валентина Сергеевича Маята, который и сейчас продолжает руководить кафедрой 2-го Медицинского института, но и внес в нее много принципиально нового.

Александр Максимович Никитин только что вернулся с операции, и чувствуется, что недоволен. Нет, операция с точки зрения хирургии сделана чисто, и больной в хорошем состоянии. Пораженная полипозом часть кишечника удалена и станет теперь учебным экспонатом на кафедре проктологии. Но Александр Максимович подавлен тем, что пришлось наложить колостому. Ничего не поделаешь: мальчишке спасали жизнь. Тысячи полипов буквально усыпали его внутренности, из каждого полипа могла развиться раковая опухоль. Мальчик был хилым, бледным, плохо ел, сильно отставал от сверстников в росте. После операции он должен физически окрепнуть, догнать в развитии однолеток. Но этот вывод на брюшную стенку, пусть даже временно...

— Ничего другого я не мог сделать. У мальчика был диффузный полипоз,— огорченно говорит Никитин.— Эта болезнь поражает, как правило, людей в совсем молодом возрасте, детей. Единственный способ лечения — хирургический. У нас создан целый ряд оригинальных методик подобных операций, позволяющих избежать тяжелых инвалидностей. Есть несколько авторских свидетельств, около семидесяти исследований, в том числе докторских и кандидатских диссертаций. Научные работы в институте обобщают конкретный практический опыт, так у нас заведено.

Конечно, сделано немало. Но остается то, что иногда болезнь оказывается сильнее врачей.

— Часто ли приходится прибегать к наложению колостомы? — спрашиваю я.

— Мы это делаем, когда практически нет иного пути. И рассматриваем как вынужденный, временный этап. Ведь подобные операции тяжело воспринимаются больными, отражаются на их психике.

Об этой же стороне дела рассказывала мне и заведующая онкопроктологическим отделением доктор медицинских наук Тамара Семеновна Одарюк.

Кроме операций диффузного полипоза, в отделении Никитина накоплен, пожалуй, самый большой в мире опыт по удалению врожденных опухолей и кист в области малого таза. Над этой проблемой работает А. М. Коплатадзе, защитивший недавно докторскую диссертацию.

В подобных случаях труден диагноз, врачи пока мало знают о проявлениях болезни. Поэтому опухоли обнаруживаются в критических ситуациях. В институте разрабатывают не только технику самих операций, но и диагностику.

Смотрю истории болезни, фотографии, и передо мной проходят судьбы людей...

Несколько лет назад у молодой женщины здесь удалили кисту. Опухоль обнаружилась неожиданно во время родов. Пришлось делать кесарево сечение. А знай диагноз заранее, этого можно было бы избежать. Теперь, после удаления кисты, пациентка без всяких осложнений родила второго сына.

В кабинет заглядывает девушка лет восемнадцати в пестром домашнем халатике.

— Заходи, Олечка,— приветливо говорит ей Никитин. И поясняет мне, что Ольга здесь уже во второй раз. Приехала на восстановительную операцию.— Ты, Оля, молодец, прекрасно выглядишь, похорошела, порозовела. А была...

— Вспомнить страшно,— подсказывает Ольга.— Намучились тут со мной. Мама говорит, с того света вытащили...

Именно так и было. Шесть месяцев шла борьба за жизнь Ольги, студентки техникума из Ставрополья. Привезли ее в клинику с диагнозом — диффузный полипоз почти всех отделов толстой кишки. Общее состояние плохое — слабость, малокровие, сильное истощение.

Хирургическое вмешательство было необходимо. Федоров и Никитин сделали сложнейшую пластическую операцию на кишечнике, сохранили здоровые участки, переместив их. Хирурги знали об общем тяжелом состоянии девушки, но возлагали надежды на резервы молодого организма. Однако резервы эти были подорваны долгой болезнью.

Начались осложнения. Высокая температура. Не срастались швы. И, наконец, перитонит. Пришлось делать вторичную операцию. На третий день разошлись все швы. Девушка умирала. В палату пустили мать...

Но за жизнь здесь борются до конца, до последнего предела. «Неужели мы допустим, чтобы девочка умерла?» — сказал тихо Федоров. Это было ночью, он приехал в клинику, и они с Никитиным сидели возле больной. Нет, не сдались врачи. На спасение Ольги был брошен мощный арсенал медицинских средств — от прямого переливания крови и всевозможных питательных растворов до антибиотиков, до новейших противовоспалительных средств. Средства эти подробно перечислены в истории болезни под определенным номером. Но не нашли в ней отражения те душевные силы, что затратили на спасение девушки врачи, не записаны там ни их бессонные ночи, ни морщинки, навсегда легшие на лица, ни рано поседевшие волосы.

Возле Ольги постоянно дежурил хирург Олег Николаевич Баранов, по 5—6 раз в сутки делал перевязки. И так почти полгода.

— Открою глаза — Олег Николаевич сидит возле меня. Ночь ли, день ли — он все здесь,— вспоминает Оля.— Выходили меня. Четыре месяца пролежала в реанимации, а домой уехала человеком...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Теперешний заведующий отделением реанимации и анестезиологии Евгений Георгиевич Костылев пришел в НИИ проктологии по объявлению. Участвовал в конкурсе и начал работать младшим научным сотрудником. Было это восемь лет назад. Как-то незаметно и для себя и для окружающих молодой анестезиолог занял ведущее положение в отделении. И когда открылась вакансия заведующего, исполнять его обязанности стал кандидат медицинских наук Костылев. Подписанный через год приказ о назначении его заведующим лишь закрепил то, что уже произошло на деле. Так здесь бывает почти всегда. «В. Д. любит долго проверять людей на ответственные посты,— рассказывали мне в институте.— Главное, что ценится им в руководителе,— это глубокое понимание своей ответственности и инициатива. Но инициатива должна быть управляемой: сначала продумай, потом посоветуйся со старшим. И уж тогда действуй. За действия ответишь сам». «В. Д.» — так между собой зовут Владимира Дмитриевича Федорова его сотрудники.

В отделение реанимации, или, как называют его теперь, интенсивной терапии, больные попадают сразу после операций. Они беспомощны, уязвимы, нуждаются в ежесекундном внимании, самом бережном отношении. Если пользоваться представлениями обычной хирургии, таких больных вообще не выходишь. Ведь проктологические операции очень травматичны. Организм после операции так ослаблен, что, кажется, все болезни, все инфекции притаились и ждут, чтоб наброситься на больного. Защита от операционной травмы — лишь одна сторона дела. Страдают еще и сердце, легкие, почки пациента.

Особый подход требуется и к наркозу. Операции длятся подчас до 8—10 часов, идут на органах, где расположены мощные нервные сплетения. Значит, и наркоз должен быть более глубоким, надежным. Тайные огрехи анестезиолога могут свести на нет блестящий успех хирурга.

— У нас разработаны новые методы наркоза и дыхательные смеси. Например, в дыхательных и наркозных аппаратах мы применяем гелий-кислородную смесь,— рассказывает Костылев.— Этот легкий газ как бы подхватывает кислород и несет его в самые суженные участки легких, облегчая дыхание больного. При использовании гелия лучше восстанавливается кровообращение, нет застоя в легких. В результате — сокращение послеоперационных легочных осложнений.

Механизм действия еще до конца не понятен,— задумчиво говорит Костылев,— но уже ясно, что использование гелия улучшает кровоток и работу сердечной мышцы, как бы снижается сопротивление при дыхании, увеличивается поступление кислорода в легкие. Особенно незаменим этот метод для больных с бронхиальной астмой. Мало кто, после ингаляции кислородно-гелиевой смесью становится легче дышать уже обычным воздухом. Может быть, увеличивается дыхательный объем легких?

Как всегда, новой проблемой первым заинтересовался В. Д. Федоров. Он достал баллон с гелием. «Зачем? — удивился Костылев и даже пошутил: — Для глубоководных погружений?» Федоров объяснил, что гелий помогает при ослабленном дыхании, и посоветовал заняться разработкой проблемы. Сейчас это докторская диссертация Костылева.

В последнее время в отделении появились приборы, постоянно следящие за состоянием больного, записывающие кардиограмму, пульс, частоту дыхания. Если возникают какие-либо нарушения, автоматически включается сигнал тревоги.

Пока Евгений Георгиевич водил меня по палатам отделения, объясняя, как действуют приборы, как ведется наблюдение за состоянием больных, наступил вечер. Однако Костылев домой не торопился. Утром оперировали больного, за которым требовался глаз да глаз, причем свой, живой, а не автоматический. А между тем Евгения Георгиевича очень ждали дома — в этот день ему исполнился сорок один год.

ТОЧНОСТЬ

Работа в НИИ проктологии фактически начинается с восьми утра. В 8.30 на всех этажах идут короткие совещания в отделениях, отчеты о том, как прошла ночь, послеоперационные, предоперационные осмотры больных.

Затем в 9.15 — общеинститутская конференция на первом этаже. Проводит ее обычно сам В. Д. Федоров или его первый заместитель заслуженный деятель науки профессор Г. А. Покровский. Опоздать даже на секунду нельзя. Замечание опоздавшему не сделает никто, в том числе и профессор. Но все знают — нельзя. Сам же Федоров всегда и во всем точен.

После конференции с десяти до двух операция. Однако сегодня профессор вышел из операционной лишь в половине четвертого.

— Хотите посмотреть, что вынули у больного?

Утренний обход. Т. С. Одарюк, П. В. Еропкин, В. И. Рыков, В. Д. Федоров, В. И. Смирнова * Операционная сестра Надя Родичева * Совет сестер проводит старшая медсестра Л. И. Маврина (в центре) * Блок палат интенсивной терапии. Ночная смена.

Идем в лабораторию. Здесь уже много врачей — весть о сложной операции, как всегда, разнеслась по институту. Вот все и собрались узнать подробности, хотя заранее известно, что на завтрашней утренней конференции операцию будут досконально разбирать. Такой тут порядок — опыт каждого становится достоянием всех.

Нечто прикрытое влажной марлей лежит на лотке лабораторного стола. Размер опухоли с хорошую кастрюлю литра на три.

На Владимира Дмитриевича все взирают с восхищенным уважением.

— Как же вам удалось?

— Вот так...

— Это сплошные кровеносные сосуды, понимаете, опухоль вся проросла ими, каждый надо было перевязать,— горячо шепчет мне на ухо кто-то из окруживших профессора сотрудников.— Отделить опухоль было почти невозможно, в любой момент могло начаться кровотечение, с которым не справиться. Он удалил опухоль в пределах здоровой ткани, не нарушая ее капсулы, оболочки, понимаете? И о том думал, чтобы не было рецидивов. Какая точная, нежная, какая анатомичная операция!

Анатомичная — очень высокая похвала для хирурга. Это значит — выполнена операция с величайшей точностью, с тончайшим учетом анатомии, когда движения скальпеля рассчитаны до сотых долей миллиметра.

ЛЕЧИТЬ, НО КАК!

Операции... Операции... Замечательные, самоотверженные здесь хирурги. Наверное, одни из лучших в стране. Но ведь оперируют они иногда, как бы это сказать точнее... от безысходности. Оперируют, чтобы спасти жизнь, оперируют, когда неизвестно, как лечить иным способом.

Доцент Б. В. Киркин руководит в НИИ проктологии терапевтическим отделом. Сюда направляются со всей страны особо тяжелые больные с различными воспалительными и язвенными процессами кишечника, в основном толстой кишки. Эти длительные, изнурительные болезни изматывают человека, приводят не только к физическому истощению, но и к нарушениям нервной системы, даже психики. Почти половина больных — инвалиды. И пока полностью вылечить их, вернуть к труду не удается. Не удается, хотя лечение тянется иногда годами, хотя врачи и пациенты проявляют огромное терпение, выдержку, стойкость.

— Не болезни это, а страдания,— говорит Б. В. Киркин.— Возьмите такое сложное, мучительное заболевание, как неспецифический язвенный колит или не менее тяжелую болезнь Крона, названную по фамилии врача, ровно пятьдесят лет назад описавшего ее. Казалось бы, без всяких причин возникает огромная язва, проникающая через всю толщу кишки. Почему? Не ясно. Причины заболевания не выяснены, а число больных из года в год растет. И заболевают в основном люди молодые, от 20 до 40—50 лет.

— Есть ли методы лечения этих болезней, кроме хирургических?— спрашиваю я.

— Есть. Созданы некоторые сульфапрепараты, специальные эмульсии. В последнее время шире стала использоваться гормональная терапия, однако многое здесь еще не ясно, требует дальнейших исследований. Изыскиваются различные укрепляющие средства. В результате удалось сократить число оперативных вмешательств в среднем с 20 процентов до 6. Это уже некоторый успех консервативного лечения.

...«Некоторый успех». И это говорится в научном учреждении, имеющем самый большой опыт по лечению подобных больных, испытывающем самые новые лекарственные препараты. Одно это показывает, сколь сложна проблема...

— Большое внимание мы уделяем вопросам медицинской и трудовой реабилитации больных после различных резекций,— продолжает Киркин.— У половины больных теперь возможны вторичные, уже восстановительные, операции. Но главная наша задача — выяснение причин заболеваний, совершенствование диагностики, исследование самого механизма болезни. Без знания этих вопросов невозможно разработать эффективные методы лечения. Конечно, один наш отдел проблему эту не решит. К проктологам должны присоединиться врачи различных профессий: инфекционисты, специалисты по кишечно-желудочным заболеваниям, терапевты, хирурги...

— А чем все-таки объясняется растущее число проктологических болезней? Существует мнение, что они связаны с неправильным питанием, недостатком в пище современного человека грубой клетчатки?

— Однозначно ответить на этот вопрос нельзя, причины, по-видимому, сложнее. Но, безусловно, отсутствие в пище грубой клетчатки ведет к нарушениям в работе кишечника, не дает ему необходимой нагрузки. Наш институт вместе с Институтом питания дал рекомендации по использованию отрубей в качестве лечебного средства, заставляющего кишечник усиленно работать. Опубликовали на эту тему статью в «Медицинской газете». И теперь мы не оберемся хлопот и волнений. В магазинах отрубей для лечебного питания нет, а вот на птичьих рынках они появились, и в размерах много больших, чем надо птичкам. Но что это за отруби, каков их питательный состав и, главное, достаточно ли они очищены, не принесут ли вместо пользы вред — неизвестно. А ведь в отрубях, взятых без всякой проверки, могут оказаться вредные вещества от удобрений, от химической защиты растений. Нельзя их без контроля использовать в пищу, да еще как лечебное средство. А пока можем рекомендовать хлеб «Здоровье», в состав которого входят отруби.

Я слушаю Бориса Васильевича и думаю о том, как много, казалось бы, неожиданных вопросов должен решать институт. По существу, организация всей проктологической службы ложится на плечи его сотрудников.

До встречи с Киркиным долго беседовала с секретарем партийной организации института А. С. Артюховым, старшим научным сотрудником научно-организационного отдела. Он только что вернулся из Иванова, где организовывал семинары по проктологии. До поездки в Иваново несколько специалистов института вылетали в Красноярск. Они делились опытом, консультировали больных в поликлиниках города, читали лекции, проводили беседы с врачами. Такие выезды бывают постоянно. Этим руководит профессор Ю. М. Милитарев, в свое время еще работавший с профессором А. Н. Рыжихом, начинавшим проктологическую помощь в Москве.

Есть при институте консультативная поликлиника. Каждый год ее посещает более шестнадцати тысяч больных со всего Союза. Заведует поликлиникой заслуженный врач РСФСР И. Д. Головина.

Сотрудники НИИ проктологии принимают у себя на консультации не только больных, они проводят обучение врачей-проктологов, организуют съезды, конференции, готовят научную литературу. Словом, возглавляют всю проктологическую службу страны.

— И не только страны,— говорит Артюхов.— Постоянно в институте стажируются проктологи из-за рубежа. Недавно мы получили переходящее Красное знамя Минздрава СССР и ЦК профсоюза медработников. Оказались первыми среди научно-исследовательских институтов медицинского профиля. Это, конечно, большая честь, но и большая ответственность.

Вот уже десятый год избирается Александр Степанович секретарем партбюро института. Он член райкома партии, депутат районного Совета. А в Москву приехал с Алтая. Окончил в 1957 году 2-й Мединститут, работал на Камчатке. Через несколько лет вернулся в ординатуру. В 1968-м защитил кандидатскую.

Сейчас Александр Степанович представил к защите докторскую: «Организация проктологической службы и перспективы ее развития». Тема важная, животрепещущая.

БЕЗ СКАЛЬПЕЛЯ

Наркоза больной не давали. Никто не следил за давлением и пульсом. Не было ни крови, ни наложения швов. Однако операция шла здесь самая настоящая. И сложная — удаление полипов прямой кишки. К тому же и больная была в преклонном возрасте — 72 года. В этом возрасте любое хирургическое вмешательство опасно, раны заживают долго. А здесь...

После операции больная встала и сама поднялась на лифте в палату. Через пять-шесть дней она уже будет дома.

Чудо? Нет. Операция выполнена методом эндоскопического вмешательства.

Я беседую с заведующим отделением эндоскопии доктором медицинских наук В. П. Стрекаловским.

— Институт наш — научное учреждение, но работаем мы на основе практики и для практики. Поэтому у любой работы две задачи — научная и практическая. В том числе и у таких методов исследования, как эндоскопия, колоноскопия, и некоторых других,— говорит он.— При помощи стекловолокнистой оптики мы получили возможность заглянуть практически во все отделы желудочно-кишечного тракта, обнаружить полипы, язвы, всевозможные образования, вплоть до мельчайших в 40—50 микрон. И сделать это быстро и, главное, безболезненно для пациента. Методика наша, а аппарат усовершенствован совместно с японской фирмой «Олимпус».

Колоноскопия — метод исследования, диагностики,— продолжает Стрекаловский,— но он позволяет, как вы сами видели, выполнять операции — удалять полипы, проводить расширенные биопсии.

Да, я видела, как черный эластичный шнур легко входит в кишечник пациента и мягко ползет, показывая врачу все, что встречается на пути. Одновременно изображение подается на экран цветного телевизора, идет видеозапись.

Владимир Павлович ставит пленку, и на экране проходят кадры недавних исследований. Он комментирует: это диффузный полипоз 14-летнего паренька с Алтая, оперировал потом Никитин. Это болезнь Крона — огромная язва. А вот совсем неприятный случай — на фоне неспецифического язвенного колита развился рак.

Отличный прибор! Но пока сам метод очень дорог и таких установок мало.

— Сколько же исследований вы провели колоноскопическим методом?

— Более 18 тысяч. Пожалуй, такого опыта не имеет никто в мире.

— А сколько выполнили операций?

— Около 5 тысяч. К сожалению, было шесть осложнений, после которых потребовалось хирургическое вмешательство традиционными методами.

Вместе со мной смотрят запись и слушают Стрекаловского несколько врачей из других городов. Они приехали сюда на стажировку. «Всего шесть! — восхищаются они.— Ведь пациенты с полипами были пожилого возраста, и осложнения у них при традиционных хирургических операциях возможны неизмеримо чаще, всего шесть!»

Но Стрекаловский не разделяет восторга, он огорчен: «К сожалению, шесть».

Колоноскопия — только один из методов, применяемых в отделении. Совместно с японской фирмой созданы комбинированные приборы для осмотра, по существу, всего пищеварительного тракта и органов брюшной полости.

Метод колоноскопии был темой докторской диссертации Стрекаловского.

Владимир Павлович родился в северной русской деревне, медицину изучал в Казани, работал в сельской больнице. Аспирантуру окончил в Москве. В лабораторию, ставшую потом НИИ проктологии, пришел десять лет назад, в 1972 году. Эндоскопия тогда только начиналась, отделения, естественно, не было. В кабинете стоял один эндоскоп.

— Скажу вам по секрету,— говорит Владимир Павлович,— нам уже тесно. В. Д. пробивает новое здание, по проекту института, с учетом того нового, что вошло в науку. К тому времени, надеюсь, у нас появятся новые отечественные приборы. Разработки ведутся, но нельзя выдавать желаемое за действительное. Это — первое правило научной честности. В институте Федорова его не нарушают.

— А какие еще незыблемые правила есть у вас в институте?

— Первое — гуманное отношение к человеку, к больному, прежде всего как к живому существу, древнее правило медицины, но о котором теперь в мире иногда забывают даже врачи. Второе — безнадежных больных нет. Врач борется за жизнь и здоровье каждого больного до конца. И третье — сотрудники имеют полную свободу творчества, которая выражается в праве доказывать и отстаивать свои взгляды. А потом отвечать за них. Правила эти идут от Федорова...

«То, что сделано в нашем институте,— плод работы всего коллектива, поэтому обо мне лично писать не надо, пишите о коллективе, о сотрудниках, об институте»,— вспомнились мне слова Владимира Дмитриевича Федорова.

Я выполнила его пожелание. И не моя вина, что за каждым врачом, за каждым больным незримо стоял Федоров. В каждом научном исследовании, в каждой операции, выполненной здесь, чувствовались его мысль и труд. В стиле работы института угадывалась манера самого Федорова, его характер. НИИ проктологии и профессор В. Д. Федоров неразделимы. Здесь уж ничего не поделаешь.

ТЕАТР ДЕЙСТВИЯ

Московскому экспериментальному театру-студии скоро исполнится десять лет. Как говорится, уже можно подводить первые итоги. Однако предвидим удивление многих москвичей: что за театр такой, где он находится? Действительно, московские зрители знакомы с деятельностью московского театра гораздо меньше, чем жители других городов нашей страны...

Объяснение этого явления, а также рассказ о жизни, творческом лице театра-студии читатель сможет найти в интервью, взятом корреспондентом «Огонька» у главного режиссера Геннадия Ивановича ЮДЕНИЧА.

— Геннадий Иванович, помнится, задолго до появления экспериментального театра вы, будучи еще студентом Щукинского училища, создали театр «Скоморох». Существует ли какая-либо связь, преемственность между этими двумя театрами?

— Да, существует. «Скоморох» возник потому, что мне и моим друзьям-единомышленникам уже не хватало училища; не хватало более жестких требований к нам, не хватало нагрузок, близких к предельным. Мы хотели продолжить наше обучение — личностное, профессиональное. Я задумался над тем, как создать театр, который бы привел к становлению синтетического актера, не только владеющего голосом, мимикой, жестом, но и музыкального, ритмичного, пластичного. Задумался, с чего начать. Поиски пошли в сторону площадного театра. Ведь театр вообще начинался с площади — и греческий, и итальянский, и русский. Мы пошли к истокам театра.

Взяли для постановки серию сказок народов мира. Сказки сатирические, лирические; о мире, о демократии, гуманизме, о подлости, пошлости... Нас тогда было всего пять человек. Театр был эстраден, условен, подвижен, в то же время мы старались поднимать глобальные проблемы.

Нашей целью было найти средства театра яркой формы и публицистического содержания. «Скоморох» существовал семь лет. Его эстрадность стала перерастать в драматизм,— надо было идти дальше, совершенствоваться. Постепенно мы научились быстро перевоплощаться, ритмически ощущать роль; узнали, что такое трибунность театра, что такое общение «без четвертой стенки», что такое психологизм, «жизнь человеческого духа» на сцене. Так мы пришли к экспериментальному театру, созданию народно-музыкального действа, полифонической драмы.

— Одной из первых постановок театра-студии была «Оптимистическая трагедия» Вишневского, пьеса, много раз шедшая на сценах страны, но, как замечала пресса, поставленная вами по-новому. «Юденич угадал первоначальный замысел Вишневского,— читаем мы в одной из рецензий,— его публицистичность. Как талантливо все найдено и заострено. Перед нами очень интересное явление...» Это была, можно сказать, ваша программная работа, как бы визитная карточка. Тогда и критике и вам, наверное, было еще непросто сформулировать в полной мере главные принципы вашего театра, его кредо. И его отличие от других. Ведь не будь отличия, новый театр не стоило бы создавать?

— Действительно, одинаковых театров быть не должно, тем более в театральной столице.

Мы исходили из того, что драма — могучее средство выявления всех противоречий, существующих в мире. Поэтому мы считаем себя политическим театром. Хотя вообще-то любой театр должен быть политическим, но мы акцентируем именно это, именно театр публицистического звучания! Вот потому мы и взялись за работу над спектаклями, на наш взгляд, остропублицистическими: «Город на заре», «Вестсайдская история», «Мать» Чапека, наконец, «Птицы нашей молодости» Друцэ... Арбузов создавал «Город на заре» как лирическую драму, а мы сделали ее в новом ключе — музыкально-героическом. Мы старались показать наш сегодняшний мир, сегодняшний задор молодежи. Хотели показать строительство городов не только прошедшего, но и будущего.

В «Вестсайдской истории» мы отказались от знаменитой музыки к ней Бернстайна, сконцентрировав все внимание на либретто. Мир сытой, талантливой, бравурной Америки — и то, что скрывается за внешним благополучием, что внутри, социальные противоречия. Мы заострили драму до трагедии... Мы никогда не забываем, что сверхзадача искусства — это **действие.** Мы создавали Театр действия, пытаясь найти психологическую наполненность этого действия. Мы экспрессивны, мы театр сегодняшних ритмов и темпов.

Нам кажется, что сегодня, когда на сцене порой слишком много разговаривают или подолгу молчат, когда события происходят в замедленных ритмах, зритель хочет видеть героя действия, верит в поступки, в реально происходящие на его глазах свершения. У нас — ритм, темп, музыка. Но при этом внимание концентрируется на смысловом заострении политического содержания спектакля. Доводим его воздействие на зрителя до созвучия с героической кантатой, ораторией, гимном, а по форме сценического выявления — до полифонической драмы. Повторяю: политический театр полифонической драмы, стремящийся к многообразию стилей, форм, жанров в сочетании с хореографией, вокалом, музыкой.

Если в оперетте все существует в общем-то отдельно, так сказать, дивертисментно: песня, танец, диалог, то у нас все — в единой композиции. Любая часть спектакля — танцевальная ли, вокальная, драматическая — участвует в общей конструкции спектакля, неся на себе логическую нагрузку, стараясь говорить о серьезных сегодняшних коллизиях.

— Судя по всему, актерам в вашем театре приходится нелегко?..

— Так же, как нелегко театру находить актеров! Нам нужны люди высокоодаренные, неординарные. Их не так уж много. К тому же у нас конкурс очень трудный. Его проходят далеко не все. Поэтому бывает нехватка и текучесть кадров, за что нас нередко упрекают. Наши требования таковы: актер должен уметь двигаться, обладать очень хорошей дикцией, должен быть эмоционален, музыкален, уметь от гротеска переходить к бытовой драме, а от драмы к трагедии: жанрово менять себя. Но и это не все. Артист, прошедший конкурс, еще должен пройти у нас стажировку: быстро войти в массовку, потом сыграть одного из героев, то есть пройти все этапы рождения этого жанра. И через год-полтора мы видим, подходит он или нет... У нас есть своя студия, куда принимаем ребят 15—16 лет. Нам очень нужна эта студия, иначе бы мы не имели пополнения.

Конечно, за время существования театра у нас сложилось крепкое актерское ядро. Назову Оксану Осипенко, сыгравшую главные роли во многих спектаклях; Сандлера, Мазурина, Ельцова, Лебедева, Андрианову, Ульянову, Когут... Многие из них не только актеры, но режиссеры и педагоги в студии театра.

Вообще я мечтаю о том, чтобы все дети с 7—8 лет начинали учиться музыке, живописи, драме, хореографии, пластике, спорту, гуманитарным наукам... Мне повезло: я с детства учился драматическому искусству в прекрасной театральной студии ЗИЛа, откуда вышли Лановой, Носик, Таланкин, Вера Васильева... Там начальный комплекс предметов был направлен на создание интегральной духовной личности. К пятнадцати годам мы уже знали, свяжем жизнь с театром или нет. И хотя я учился еще и в музыкальной школе по классу валторны и оканчивал институт как инженер, в конце концов театр все-таки перетянул меня к себе.

— Следовательно, задачи вашего театра-студии всегда требуют особого подхода к той или иной пьесе, будь то классика или современное произведение... А не может случиться так, что во имя заранее заданного художественного, режиссерского решения забываются требования самой пьесы?.. Отсюда, между прочим, происходят столь нередкие сейчас, и притом нелепые, переделки классики.

— А мы не переделываем ее! Зачем кромсать классику, она и так гениальна. Надо только найти и выделить конкретную предельную ситуацию, которая представлена в пьесе ее автором, современным ему обществом... Можно, например, ставить Чехова иллюстративно, сопереживая, читая. И это будет скучно. А можно применить новаторство, оправданное требованиями сегодняшнего дня, помогающее зрителю лучше понять не только драматурга, но и самого себя. Это относится и к современным пьесам.

— А какой бы вы хотели видеть современную пьесу?

— Она должна меньше уходить в быт, меньше заниматься, так сказать, «грязными наволочками». Пьеса должна быть наполнена объективными, обобщенными событиями, страстями, сгустками человеческих отношений, а не мелкими бытовыми ситуациями. Писал же Погодин на «производственную» тему! Но это всегда было гражданское обобщение. Были общечеловеческие коллизии, проблемы нравственного выбора... А иные драматурги пишут не о мире, не о планете, а об «ячейке»; поэтому их пьесы быстро забываются. Темы поверхностные, мало кому нужные.

— В последние годы на страницах нашей печати идут дискуссии, каким считать сегодняшний театр — режиссерским или актерским. Как бы вы определили ваш театр в свете этих дискуссий?

— Считаю, что любой театр — это прежде всего театр **построения спектакля,** построения актерского, режиссерского и драматургического. В сочетании и единстве этих компонентов — сила настоящего театра.

Если ставить вопрос иначе, то надо утверждать, что театры, в которых работали Станиславский, Вахтангов, Таиров, Дикий,— режиссерские театры, но ведь эти режиссеры скрывали себя в актере! Все театры режиссерские и актерские одновременно. Только одни режиссеры умеют себя спрятать в актере, а другие — нет, выделяют себя, свою работу, выдвигая на передний план постановочное решение. Это, очевидно, и называется «режиссерским» театром.

Короче, я против подобных определений театра.

— Ну, вот теперь, когда мы затронули творческие вопросы, волнующие вас, выяснили, чем живет театр, давайте спустимся на «грешную землю», поговорим о том, как он живет, как существует и где... Насколько известно, открываясь, Экспериментальный театр-студия не имел своего помещения; какое-то время ему предоставлял кров Институт стали и сплавов. Театр числился при Союзконцерте, то есть был чем-то вроде разъездной бригады, вернее, подразделения концертной организации; большую часть времени находился в гастрольных поездках... Конечно, это способствовало популярности вашей труппы в городах и республиках страны и, судя по отзывам местной прессы, доказало и подтвердило вашу необходимость, полезность советскому зрителю как театра-пропагандиста, агитатора. Но, с другой стороны, подобная кочевая жизнь — без своей базы, сцены, репетиционных помещений — большое и трудное испытание. Театр его выдержал, но все-таки оно должно рано или поздно кончиться. Три года назад Моссовет передал Министерству культуры СССР здание для размещения Экспериментального театра-студии...

— Горько об этом говорить, но с тех пор положение не изменилось. Театральная Москва по-прежнему не видит нас да и почти совсем забыла. Старинный юсуповский особняк, отданный нам, нуждается в капитальном ремонте и реконструкции. Министерство культуры так и не отделило нас от Союзконцерта, передав помещение на его баланс. А у Союзконцерта нет средств на нужный ремонт, не говоря уже о реконструкции здания. А мы мечтаем, чтобы наш зрительный зал отвечал самым современным требованиям. Особая конструкция пола позволит переносить сцену с декорациями и занавесом в любое место зала; зрительские кресла также смогут менять свое положение по отношению к сцене.

Вот если бы здание числилось на нашем балансе, тогда нас отделили бы от концертной организации, назвали театром и дали деньги, то есть сделали самостоятельным организмом. Тем не менее министерство этих шагов не предпринимает, хотя внешне будто бы нас поддерживает. Абсурдная ситуация: театру как будто бы дали все, но никто им не занимается — играть нам негде, площадок в столице почти не выделяют. Вот и спасаемся гастролями. А ведь спектакли «разбалтываются» в поездках, половину я уже снял с производства.

И все равно: мы задумали новую, очень интересную работу. Целый триптих. Три спектакля — о революции, о войне, о становлении нашего государства. Называется «Судьба поколений»...

Беседа с Юденичем, человеком энергичным, одержимым, оставила двойственное впечатление. Тут и радость за театр, за его главного режиссера, актеров, работающих столь преданно и убежденно, нашедших свой, единственный театр. Яркий, праздничный, публицистичный.

Однако же встреча с Геннадием Ивановичем навеяла и весьма невеселые размышления о судьбе этого сплоченного, зрелого коллектива единомышленников, влачащего по сию пору незавидное существование. Жаль, что их усилия, энтузиазм наталкиваются на холодное равнодушие отдельных работников министерства.

Хочется верить, что театр действия недолго будет пребывать в искусственно созданной, губительной атмосфере бездействия...

Беседу вела Н. АЛЕКСЕЕВА.

Надежда КОНДАКОВА

Зимняя ветка

* * *

Так вот я за что отвечаю
На этом высоком ветру:
За хату, стоявшую с краю,
За смерть, что красна на миру,
У тонкой карельской березки,
Вдали от уральских ракит...
За землю, в которой сиротски —
Без имени — дед мой лежит.
И вечность стоит за плечами,
И годы — бессменный конвой.
Так вот я за что отвечаю
На свете своей головой.

РЕВНОСТЬ

Я тебя ревную в тоске черной
к дочерней слезе
и черному дню.
Ревную к судьбе своей непокорной,
которую к ногам твоим уроню.
С тобою каждой минутой вместе,
в каждой кровинке твоей жива,
я знаю, что боль — это форма мести
той жизни,
где без тебя жила.
Я тебя ревную к репью с крапивой,
к камням, что помнят шестнадцатый век.
Я эту любовь на земле копила,
как золото — жадный и злой человек.
И то, что другие зовут грязью,
выпалывают, как сорную траву,
я называю бесстрашно связью,
роднящей поле и синеву.
И, проходя по белому свету
дорогою грешною и земной,
я тебя ревную даже к ревности этой
и — не ревную к женщине
ни одной.

* * *

Анастасия Павловна, тетя Настя,
На молочной ферме нелегок труд.
Но если бы вы знали, какое счастье
Мне, городской, стоять на ветру
На самом откосе и смотреть, как мерно,
Окруженное годовалым молодняком,
Движется стадо с клеверным, сенным
В тяжелом вымени молоком.
Бычки ревут протяжно и длинно,
А в загороди орут петухи.
И это больше похоже на былины,
Чем на сегодняшние стихи.
(Сегодня хотят, чтоб в стихах меньше
Было навоза, назёма, зерна...)
А мне хочется воспеть одну из женщин,
На руках которых держится моя страна.
Эти руки пропахли луговою викой,
Коровьими лепехами, медом, парным молоком, ботвой...
Померяйся силой, поэт, сравни-ка
С чем-нибудь эти руки, если ты поэт с головой,
Если сердце твое почти обмирает
Здесь, на откосе, на краю села,
В час, когда медленно движется сырая
С Гундарева кордона вечерняя мгла.
Или, скажем, если тебя разбудит
В четыре утра какой-то стук.
А это, оказывается, давно проснулись люди,
И сонливых расшевеливает кнутом пастух.
По сельской дамбе идут машины,
Внакид груженные золотым зерном.
И пахнут хлебом руки мужчины,
А не сигаретами и вином.
И жизнь, кажется, такая простая штука:
Живи, работай, землю свою любя.
И тяжелые Анастасии Павловны руки,
Если сорвешься, спасут тебя.

* * *

Родное время — засуха в степи,
Где, выжженные добела, прогреты
Солончаки худые. И скупы
В грозу — меж синих туч — полоски света.
Ты выбрало меня и навсегда
Решило спор с пространством и кочевьем,
Родное время! Силою свеченья
Ты прожигаешь прошлые года
И, в будущее дверь приотворив,
Нам открываешь истину до срока.
Родное время! Жестко и жестоко
Люблю твой ярый норов и порыв.
Люблю в июле засуху в степи,
Меж синих туч в грозу — полоски света.
Чем больше пьешь, тем больше хочешь пить.
От жажды и рождаются поэты...

* * *

Человек ошибся номером,
И в ответ — гудки, гудки.
Эти пущенные по́ миру
Позывные коротки.
Человек ошибся номером,
И в ответ — тоска, тоска.
Ничего не слышит, кроме он
Безответного гудка.
И надеяться на чудо ли,
На технический ли век?
Иль помехи сам почувствует
И ответит человек?..

МЕДЛЕННЫЙ СНЕГ

Медленный снег засыпает мой город —
Словно дневной выключается свет.
Крыш, светофоров, людских разговоров
Тихо касается медленный снег.
Прочно сшивает он землю и небо,
Нижет на нить бытия своего
Грохот трамваев и запахи хлеба,
Скрежет железа и нежность его.
Век мой железный, застывший над бездной,
Век скоростной, завершающий бег,
Пусть над тобой в высоте поднебесной
Ласково вьется и кружится снег.
Словно в замедленном сне, осторожно
Машет мне зимняя ветка рукой,
Кружится медленный снег, и тревожно
Время проходит сквозь снег молодой.
Жизни осталась всего половина,
Только успеть бы ее срифмовать
С этой картиной — и взгляд лебединый,
Медленный взгляд от земли оторвать,
Словно прощаясь со всем, что любимо:
С веткой еловой, скамьей городской,
С сизым колечком домашнего дыма,
С тысячелетней печалью людской.
С жизнью прощаясь, как будто прощая
Ей все обиды и беды... Навек
Тем, кто придет после нас, завещая
Этот тревожный и медленный снег.

Теодор ГЛАДКОВ,
Аполлинарий СЕРГЕЕВ

Последняя акция Лоренца

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ГЛАВА 5

Сегодня, в четверг, генерал Ермолин ушел со службы ровно в восемнадцать ноль-ноль, и ни минутой позже. Конечно, ничего не изменилось бы, если бы гостей пригласили на пятницу, предвыходной день, а то и в субботу, когда никого не беспокоит, что утром надо рано вставать. Но у них с Соней еще на заре совместной жизни установилось твердое правило: семейные торжества никогда на более удобные дни не переносить, отмечать именно тогда, когда положено по календарю. Исключение за многие годы было сделано лишь однажды, когда праздновали пятидесятилетие Владимира Николаевича. Да и то перенесли на субботу лишь большой обед со всей родней, старыми друзьями и сослуживцами, а малым семейным кругом дату отметили все равно вовремя. Что же касается таких поводов для больших сборищ, как продвижение по службе или присвоение очередного звания, то Ермолин их и вовсе за таковые не признавал, полагал просто неприличным бить по случаю еще одной звездочки во все колокола. Это у него повелось от фронта, где получил и свои первые погоны, сменившие петлицы, и первый орден — Красной Звезды, который тогда еще носили слева на груди, а не справа, как нынче.

Сегодня был день рождения Татьянки. Дочери, по выражению матери, исполнилось ни то ни се, то есть семнадцать лет. Ни то ни се потому, что паспорт Татьянка получила еще в прошлом году, а до совершеннолетия требовалось прожить еще год. Вот человек и не знает, кто он: взрослый или дитя неразумное. Родители, естественно, к негодованию самой Татьянки, пользовались этим обстоятельством беспринципно: требования предъявляли, как к большой, а ругали за все, как маленькую.

Свое собственное семнадцатилетие Владимир Николаевич помнил отчетливо, словно то было вчера. Родители подарили ему в этот день велосипед, купленный им на самим же заработанные деньги. Он гордо вывел велосипед, как тогда говорили, за ворота, лихо вскочил в седло и — на глазах доброй половины поселка — грохнулся о землю. Да так плотно, что сломал ногу. Потом долго лежал в гипсе и злился на самого себя: из-за дурацкого самолюбия постеснялся попросить когонибудь из приятелей попридержать машину, на которую сел, вернее, попытался сесть впервые в жизни. Правда, и велосипед был в их уральском поселке одним из первых.

Твердо решив, что сегодняшний вечер принадлежит только семье и домашним заботам, Ермолин вышел из подъезда, пересек улицу и вошел в гастроном. Он простоял в очереди добрых полчаса, пока приблизился к прилавку с тортами. «Свой» торт — единственный в витрине — с шоколадным зайцем почти в натуральную величину Ермолин выбрал еще издали и теперь, когда перед ним оставалось всего человек пять, волновался, что это чудо кондитерского искусства в последний момент ктонибудь перехватит.

Никто, однако, на шоколадного великана не покусился, и заяц достался Владимиру Николаевичу, чтобы сегодня же быть съеденным сластеной Татьянкой целиком: от длинных ушей до коричневого шарика-хвоста.

Довольный удачной покупкой, Ермолин покинул гастроном и зашагал вниз по Кузнецкому мосту. Он вошел в зоомагазин, свернул налево и в отделе кормов купил пятьдесят граммов трубочника для своих гуппи. Татьянка называла трубочник «солярисом» — его шевелящаяся масса действительно поразительно напоминала кадр из нашумевшего в свое время фильма. После зоомагазина Ермолин уже никуда больше не заходил. Главный подарок для дочери — часы в модном массивном корпусе с двойным календарем на металлическом браслете (убить такими запросто можно, что в них, этих будильниках, нынешние девчонки находят только?) был куплен заранее. Владимир Николаевич просто шагал по Кузнецкому к улице Горького, где ему предстояло сесть на двадцатый троллейбус, радовался хорошей погоде, шоколадному зайцу и «солярису», который в магазине бывал далеко не каждый день.

Впрочем, очень скоро — примерно возле Выставочного зала — мысли Ермолина снова обратились к служебным делам. Точнее, к делу. Утром пришло письмо. Оно было адресовано компетентным органам СССР. Не «советским», а как-то подчеркнуто официально: СССР.

Письмо, написанное по-английски, могло иметь непосредственное отношение к делу Котельниковой — Ларионовой, а могло и не иметь никакого. Оно вызвало у Ермолина противоречивые чувства.

«Уважаемые господа!

Я хотел бы сообщить вам нижеследующее. Резидент координационного центра научно-технической разведки, действующей против СССР и других социалистических стран с территории ..., встретился с советской гражданкой Баронессой, настоящее имя которой мне неизвестно. Баронесса предложила резиденту Лоренцу первую часть технической документации, касающейся производства нового сплава. Остальные документы она передаст в распоряжение названного резидента в Советском Союзе, когда будут выполнены поставленные ею условия. С согласия своего шефа Лоренц дал Баронессе необходимые гарантии. В свою очередь, он предложил ей передавать его людям, посещающим по различным каналам вашу страну, другие научные и технические секреты. Баронессе даны пароль и условия контактов с людьми Лоренца.

С уважением, ваш Доброжелатель».

Ниже следовала приписка:

«Лоренц действовал как представитель крупного европейского концерна. В организации контакта с Баронессой ему помогала его агент Полли».

...Нет, все же пешие прогулки после работы полезны не только для утоления гиподинамического голода, порождения эпохи и последствия долгого пребывания на ответственных должностях. Ермолин ценил эти, увы, не слишком долгие минуты пешего хождения и за то, что как-то особенно ясно и отчетливо в сознании проигрывались по пути уже пережитые ситуации, осуществленные поступки и принятые решения. У него было даже придумано название для такого занятия — «крутить кино».

Именно поздним вечером, гуляя перед сном в компании бессловесного пуделя Ромы, Владимир Николаевич давал оценку уже проделанной работе, вносил коррективы в намеченные на завтра планы, порой весьма существенные. Ермолин всерьез считал, что привычная обстановка служебного кабинета определяет и привычные, стереотипные формы мышления. А это для чекиста всегда плохо, а иногда и опасно. Владимир Николаевич был убежден, что большинство своих самых ценных и неожиданных идей, успешно впоследствии осуществленных, пришло ему в голову в обстановке неслужебной. Хотя и вовсе не обязательно, чтобы именно в компании с Ромой, кофейного цвета карликовым пуделем.

Сейчас, по пути к троллейбусной остановке, Ермолин снова «крутил кино» минувшего дня.

...Письмо Доброжелателя было запечатано в обыкновенный советский конверт с четырехкопеечной маркой и, судя по лиловому штемпелю, опущено в один из почтовых ящиков в московском международном аэропорту Шереметьево.

Судя по почерку, письмо было написано американцем, а не англичанином. Видимо, его автор вчера улетел из Москвы. Прилетевший в советскую столицу в девяносто девяти случаях из ста опустил бы письмо в городе, а не на аэродроме. Но кто улетел? Куда? Какими мотивами руководствовался Доброжелатель?

Несколько сотрудников в спешном порядке уже изучили списки пассажиров всех самолетов советской и иностранных компаний, вылетевших вчера с Шереметьевского аэродрома.

Письмо Доброжелателя подтвердило то, о чем Ермолин уже почти знал: бог весть какой важности информация ушла — это раз.

Ушла, судя по ее характеру, из научно-исследовательского института, возглавляемого Осокиным,— это два. Но кто такая, черт бы ее побрал, Баронесса? И кто скрывается за псевдонимом Лоренц? Никогда раньше этот безразличный, в сущности, псевдоним Ермолину не встречался. Никому из его коллег — тоже.

Подспудно всплыл еще один вопрос: не связана ли Баронесса с той информацией, об утечке которой за границу его поставил в известность профессор Эминов? Тут, правда, неясно: откуда один и тот же человек знает достаточно много и профессионально о столь разных вещах, как замораживание крови и создание нового сплава для оборонной техники. В современной науке такие универсалы поистине эдисоновской всеядности давно не встречаются, но подумать об этом стоит.

Совещание с полковником Турищевым заняло сегодня почти три часа. Григорий Павлович уже с достоверностью знал то, о чем лишь предполагал Ермолин после юбилея в осокинском институте: между ученым и Ларионовой существует не только личное знакомство, но и то, что принято называть близкими отношениями. Возникли они недавно, однако до поездки Юлии Николаевны за границу. Ларионова характеризовалась со всех сторон не лучшим образом, кроме, правда, ума, образованности и деловых качеств.

В одном был вынужден признать Ермолин правоту полковника Турищева: загадка утечки секретной информации таится в ближайшем окружении Осокина. Этим уже занимается Турищев и его подчиненные.

— Продолжайте работать в намеченном направлении, Григорий Павлович,— закончил разговор Ермолин и отпустил полковника.

...На троллейбусной остановке стояла толпа.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 24, 25.

О том, чтобы на углу улицы Горького и проезда Художественного театра взять в пятницу в этот час такси, нечего было и думать. Ермолин, махнув рукой, решил идти до площади Маяковского, а оттуда к Грузинам пешком. К тому же он увлекся размышлениями, а транспортная толчея только помешала бы ходу мыслей. Приходилось принимать во внимание и шоколадного зайца — обеспечить его сохранность в «пиковой» толчее было делом почти безнадежным.

По словам Веры Эминовой, Осокин очень доверчив, только этим она объясняет его позднюю, после стольких лет вдовства, дружбу с Ларионовой.

«Значит, так,— повторил про себя Ермолин,— подведем итоги. За границу ушла важная научная информация, это факт. Ушла из осокинского института через Баронессу, пока не идентифицированную личность. Значит... Значит, нужно выиграть следующий раунд схватки с тем, чтобы обратить победу, одержанную Лоренцем сегодня, в его поражение завтра. Но как?»

ГЛАВА 6

Мелодичный электрический звонок дал знать, что в салон кто-то вошел. Уже весьма немолодая дама, но еще подвижная, одетая не по-домашнему элегантно, удивленно взглянула на дверь — обычно в этот час посетителей не было. Она вздохнула и с привычной ослепительной улыбкой направилась навстречу посетителю. Улыбка, впрочем, тут же исчезла, уступив место выражению досады и озабоченности:

— Что случилось, Даша? Почему ты не с черного хода?

— Простите, Елизавета Аркадьевна! Но я так спешила, что все позабыла... Он здесь!

— Кто он?

Это было сказано механически. По лицу той, кого Дарья Нурдгрен с привычной почтительностью назвала Елизаветой Аркадьевной, было видно, что она уже и сама поняла, кто такой этот «он».

— Энтони. То есть мистер Ричардсон. Я относила платье горной советнице Глемме, и когда проходила мимо отеля «Эксельсиор», то увидела, как он вышел из дверей и сел в автомобиль.

— Ты слишком впечатлительна, Даша. Мало ли людей...

— Нет! Я не могла ошибиться. Это точно Энтони. Он совсем не изменился, только еще больше поседел.

Елизавета Аркадьевна, казалось, успокоилась. Опустившись в кресло, она взяла из стоявшей на журнальном столике сигаретницы из карельской березы русскую папиросу с длинным мундштуком, прикурила ее от серебряной газовой зажигалки, выполненной в виде избушки на курьих ножках, и рассудительно сказала:

— Мистер Ричардсон всегда был деловым человеком. Видимо, у него здесь дела.

— Он не телефонировал вам?

Елизавета Аркадьевна недовольно поморщилась. Даша извинилась. Ей не следовало задавать этот вопрос, и она поспешила пройти в мастерскую.

«Господи! Неужели годы так ничему и не научили эту дурочку?— с раздражением подумала Елизавета Аркадьевна.— Сколько воды утекло, чего только не было, и каждый раз все повторяется сначала. Даша уже давно могла бы иметь взрослых детей, так нет, до сих пор не может избавиться от этого наваждения, словно колдовство какое... Правда, это идет на пользу дела, но все же смешно. И странно, очень странно. Она, Елизавета Аркадьевна, тоже любила, тоже страдала, однако... Так переживать, так переживать! Это уже просто неприлично».

Она машинально перебрала разложенные на столике, инкрустированном серебром и перламутром, свежие журналы мод, полученные из Парижа, Лондона, Рима, Стокгольма, Москвы и Риги... Как же все-таки быть с этой Дашей?

...Молодой американец появился в их доме в Териоках лет сорок назад...

— Здравствуйте, госпожа Дальберг, здравствуйте, господин Дальберг,— сказал он по-русски почти без акцента.— Меня зовут Энтони Ричардсон.

Дальберги уже давно ждали этого визита. Старинный знакомый Свена Аугустовича бывший приват-доцент Петербургского императорского университета Афанасий Петрович Коновалов, лет пять назад переехавший в Соединенные Штаты Америки, написал им, что сын его новых друзей Энтони Ричардсон хочет пожить несколько месяцев в Финляндии, в русской семье, с целью практики в разговорном языке. Коновалов просил Дальбергов поселить молодого человека в своем доме или помочь ему устроиться у кого-нибудь.

Елизавете Аркадьевне и Свену Аугустовичу Ричардсон понравился. Главным образом тем, что в отличие от других иностранных туристов, особенно своих соотечественников (и зимой и летом их много наезжало на перешеек), был крайне тактичен в обхождении и абсолютно лишен той заокеанской беззастенчивости, которая так коробит северян.

В свою очередь, Энтони не скрывал, что ему понравился и двухэтажный дом Дальбергов, и подступающие к самым окнам корабельные сосны, и гостеприимные хозяева, и великолепная библиотека Свена Аугустовича на нескольких языках. За обедом Ричардсон рассказал о себе.

Он родился в семье банковского служащего средней руки. Отец Энтони в свое время не смог получить законченного образования, всего достиг самоучкой, но уж постарался, чтобы его единственный сын поехал учиться не куда-нибудь, а в лучший университет Нью-Йорка — Колумбийский, основанный еще в 1754 году. Энтони намеревался изучать здесь французский, испанский и итальянский языки. Его привлекали литература и искусство эпохи Возрождения. К третьему году обучения Энтони уже почти свободно владел тремя романскими языками, не считая классических древнегреческого и латыни. Молодого полиглота приметил известный профессор Александр Новицки и уговорил заняться славянской филологией, в первую очередь русским языком. Профессор с пафосом говорил, что Россия, эта великая страна, раскинувшаяся на двух континентах, должна стать объектом пристального внимания всего свободного мира западной демократии.

Энтони и сам понимал, что специалисты по России после окончания университета могут рассчитывать на куда более заманчивые предложения, нежели самые эрудированные знатоки эпохи Возрождения. Вздохнув, но не колеблясь нисколько, он перешел на кафедру профессора Новицки.

В разговоре с Дальбергами Энтони Ричардсон, однако, кое о чем умолчал, а именно, что еще на последнем году обучения в Колумбийском университете он принял предложение поступить в разведку сухопутных войск, известную в узких кругах как отдел «Джи-2». Теперь же, зимой тридцать седьмого года, он приехал в Финляндию для языковой — и не только языковой (об этом Ричардсон также не распространялся) — практики уже в качестве слушателя разведывательной школы при отделе, одним из преподавателей которой и был бывший петербургский приват-доцент и деникинский офицер Коновалов.

Поселившись у Дальбергов (они, разумеется, оставили его у себя), Ричардсон еще долгое время и виду не подавал, что ему известны кое-какие обстоятельства той поры жизни Свена Аугустовича, когда тот был верноподданным Российской империи.

Обед подходил к концу, когда в столовую влетел крепко сбитый голубоглазый мальчишка лет двенадцати в лыжном костюме. Весь — от пьексов до ворота красного вязаного свитера с белыми оленями на груди — он был запорошен снегом.

— Мама! Что я видел в лесу!— в восторге закричал он еще от дверей, но тут же запнулся, заметив за столом незнакомого человека.

— Лео!— всплеснула руками Елизавета Аркадьевна.— Ну сколько раз я тебе говорила: нельзя так врываться в столовую...

Мальчик смутился, и Ричардсон поспешил вступиться за него.

— Не будьте так строги к сыну, госпожа Дальберг,— с улыбкой сказал он.

— Лео,— обратилась к сыну Елизавета Аркадьевна,— это мистер Энтони Ричардсон. Он приехал из Америки и будет жить у нас.

— Из настоящей Америки?— Глаза мальчика стали совсем круглыми.— И вы видели живого Джо Луиса?

— Не только видел, но даже провел с ним несколько раундов. На тренировке, разумеется,— улыбаясь, подтвердил Ричардсон.

— Вы мне расскажете?— В голосе мальчика слышались надежда и волнение.

— Конечно! Могу даже показать. А ты любишь бокс?

— Мы видели этого самого Джо Луиса в кинохронике в Гельсингфорсе,— вмешался Свен Аугустович,— и с тех пор мальчик совсем сошел с ума. Все время просит, чтобы мы купили ему боксерские перчатки. Но с кем ему здесь боксировать? С медведями или Дашей, нашей горничной?

— Не надо ничего покупать. Я напишу домой, и мне пришлют все необходимое. Хочешь, я буду с тобой заниматься боксом?— Последние слова уже адресовались к Дальбергу-сыну.

Мальчик смотрел на Ричардсона влюбленными глазами, от радости он, казалось, лишился дара речи и только согласно кивал.

С этого дня Энтони Ричардсон и Лео Дальберг стали неразлучными друзьями. Они вместе ходили на лыжах в лес, дрессировали Кида — шестимесячного щенка немецкой овчарки, занимались боксом. Энтони сдержал обещание и действительно выписал из Америки две пары перчаток, пневматическую грушу на платформе, набитый песком мешок, лапу, скакалки и прочее спортивное снаряжение. По просьбе Елизаветы Аркадьевны молодой американец охотно практиковал мальчика и в английском языке.

Дальберги не успевали удивляться работоспособности и энергии своего постояльца. Молодой гость, казалось, не знал усталости. Он не только с удовольствием возился с их сыном, но и успевал часами штудировать все русские книги, какие только можно было купить в магазинах Хельсинки, не говоря уже о привезенных с собой или принадлежащих Дальбергу.

Узнав, что в Выборге есть довольно многочисленная русская община, Ричардсон стал частенько наведываться и туда, посещал спектакли самодеятельного русского театра и даже службы в православной церкви. Дальберги были немало удивлены, когда узнали случайно, что молодой американец с интересом читает и различные советские издания, вплоть до политических и технических журналов. Это, правда, им уже не понравилось.

Во время своих продолжительных лыжных походов Ричардсон иногда так близко подходил к границе, что Дальберги даже высказали опасение, как бы он в один не столь прекрасный день не заблудился в лесу и не попал ненароком на ту сторону, к большевикам. Энтони только посмеивался и отшучивался: у него нет дел к большевикам, и он постарается не попадаться на глаза русским пограничникам. С него хватит и того, что он изучает русский язык в Финляндии.

— Судя по всему, вы, Энтони, в будущем все же собираетесь вести дела в России,— сказала как-то госпожа Дальберг.— Вы так прилежно изучаете не только русский язык, но и всю жизнь Советов. Я видела у вас даже газету «Красный спорт»...

— Да, конечно, Елизавета Аркадьевна. Какой же я буду специалист по русским проблемам, если не буду знать, как и чем живут там, в Советах. Так мы скорее поймем молодую Россию, нежели, скажем, французы или англичане. Мой профессор выгонит меня из университета, если я скажу ему, что провел целую зиму вблизи Ленинграда, всего лишь катаясь на лыжах.

Елизавете Аркадьевне стоило больших усилий не сделать гримасу при слове «Ленинград». Она с тоской и болью до сих пор каждодневно чувствовала где-то рядом с собой присутствие родного ей Петербурга. В их семье никогда не употребляли даже слова «Петроград», не то что «Ленинград». По той же

причине Дальберги упорно продолжали называть Хельсинки Гельсингфорсом, а Таллин, куда частенько по делам отправлялся Свен Аугустович, Ревелем.

«Что ж, он прав, пожалуй, этот молодой человек,— подумала Елизавета Аркадьевна.— У него ясная цель, и он не отклоняется в сторону на пути к ней. Конечно же, этот Ричардсон будет хорошо знать Советы»,— заключила она, уложив в логический ряд все то, чем занимался Энтони, живя у них.

Действительно, штудирование трудных русских глаголов и падежей не было единственным занятием Энтони Ричардсона, хотя он, точно, немало времени отдавал учебникам русского языка, усердно и с интересом читал вслух не только литературные произведения, но даже словари.

Елизавете Аркадьевне вспомнилось: встретив в какой-то книге слово «умопомрачительный», Энтони долго и безуспешно искал в словарях его точное значение, а не найдя, спросил об этом ее. Она объяснила, как могла, что происходит это слово от «умопомрачения» и означает оно, кроме прямого значения, нечто необычайное, изумительное, сводящее тем самым с ума. К примеру: колье умопомрачительно дорогое, девушка умопомрачительно хороша.

— У-мо-пом-ра-чи-тель-но!— смеясь, по слогам повторил Энтони в полном восторге понравившееся ему слово и с тех пор стал частенько повторять его в своей речи, как бы щеголяя тем, что он, иностранец, знает такое трудное и звучное русское слово.

Энтони любил перелистывать имеющиеся в домашней библиотеке Дальбергов собрания сочинений русских классиков, изданные еще Смирдиным, а Пушкина читал с упоением.

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись...—

нередко декламировал Ричардсон, входя с мороза в жарко натопленную гостиную и грея озябшие ладони на бирюзовом кафеле голландской печи.

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росою хладной:
Ах, лейся, лейся ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне быль...

— Как выразительны эти пушкинские стихи!— задумчиво говорил Энтони.— Лейся, лейся... Журчи, журчи... Серебряная пыль... Это бесподобно! Я так и вижу этот фонтан, слышу его говор.

Сам того не подозревая, Ричардсон глубоко тронул Елизавету Аркадьевну тем, что ему понравились именно эти, любимые ею строки Пушкина.

Однажды, перелистывая какую-то советскую книгу, Энтони неожиданно спросил:

— Свен Аугустович, а почему вы не читаете советских авторов?

— Мне это не нужно, а Лиза их не любит. Лео не до них: греческий и латынь, да свои финские и шведские классики заедают, да и ни к чему ему советские писатели. Что у них может быть путного? Ничего.

— Напрасно, напрасно,— покачал головой Ричардсон.— Я только что прочитал еще не законченный роман молодого советского писателя Михаила Шолохова. Называется «Тихий Дон». Умопомрачительная вещь! И еще я понял из романа, что кое-кто из казаков не за Советскую власть!— Ричардсон многозначительно посмотрел на хозяев.— И наоборот, из стихов русских эмигрантов,— продолжал он,— я понял, что кое-кто из них не прочь вернуться в Россию. Вы не слышали такое прелестное стихотворение:

Граница. И чем ближе к устью,
К береговому янтарю,
Тем с большей нежностью и грустью
России «здравствуй» говорю.

Там, за рекой, все те же дюны,
Такой же бор к волнам сбежал,
Все те же древние Перуны
Выходят, мнится, из-за скал.

Но жизнь иная в травах бьется
И тишина еще слышней,
И на кронштадтский купол льется
Огромный дождь иных лучей.

Черкнув крылом по глади водной,
В Россию чайка уплыла —
И я крещу рукой безродной
Пропавший след ее крыла.

Все молчали, то ли оттого, что стало грустно, то ли от бестактности Энтони. А он, словно не чувствуя общей неловкости, заметил:

— Стихотворение, кстати, весьма неплохое и потому добавляет ветра в паруса большевистского корабля.— Потом, как бы вспомнив, сказал: — Что же касается классиков финской литературы, то их переводили даже Блок и Брюсов.

Оба замечания Ричардсона заставили Елизавету Аркадьевну признать, что гость не только образован, но и не так прост, каким показался ей в начале знакомства.

Продолжение следует.

«СВИТАНОК»

О. ШМЕЛЕВ.
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Километрах в пятнадцати от города Черкассы есть удивительно красивый уголок. Здесь могучий Днепр как бы подбоченивается, изгибая свой неширокий рукав. По правую сторону этого рукава раскинулся сосновый бор — высокие стволы мачтовой стати отсвечивают на солнце пушечной медью, их зеленые кроны струят к земле хвойный дух.

Бор большой и необитаемый, если не считать белок, дятлов, ежей и прочих его крылатых и четвероногих постоянных жителей,— можно часами бродить и не встретить ни души. Но на самом берегу днепровского рукава среди сосен стоят светлые здания, между которыми проложены дорожки, отороченные цветниками,— есть даже розы, что очень неожиданно (дендрологи знают, как трудно расти в сосновом бору и менее прихотливым цветам). На одном здании табличка «Поликлиника», на другом — «Грязелечебница». Вот столовая, вот новенький кинотеатр. Вот танцплощадка с эстрадой. В жилых корпусах — холлы с цветными телевизорами.

А рядом — другой лесной городок, где тоже есть решительно все для беспечной жизни, но его хозяева не взрослые, а дети — здесь пионерский лагерь, по-украински табор.

Это очень удобно: родители при желании могут так подгадать, чтобы поехать отдыхать вместе со своими ребятишками. Точнее: ребятишки — отдыхать, а родители — лечиться, «ремонтировать» здоровье. Врачи здесь строгие и зоркие, а стопроцентно здоровых людей не столь уж много на свете, так что у любого из приезжающих найдется не замечавшаяся ранее болячка, а коли уж ее обнаружили — будьте любезны лечиться, благо для этого имеются разнообразные средства и возможности, в том числе грязи (их, кстати, привозят из довольно отдаленных краев — с одесского курорта «Куяльник»).

Когда же человек освобождается из-под опеки врачей, он может идти на пляж, где белый песок так чист и нежен, что приходит на ум: не этот ли насыпан и в песочные часы, которыми отмеряют время в процедурных кабинетах?

Бок о бок с пляжем — лодочная станция. Можешь взять у сторожа весла, и плыви себе меж островками, а то хоть и в главное русло Днепра.

Привычный к чтению найдет в библиотеке книгу по вкусу и на украинском и на русском языке. Библиотека тут прекрасная, и периодику выписывают вряд ли не всю.

Иные могут сказать: ну и что? Обыкновенный санаторий, экая невидаль!

Правильно, санаторий, и необыкновенен он для завсегдатая курортных вотчин лишь тем, что здесь и утром, на завтрак, так же как и в обед, подают первое — суп или борщ (но об этом чуть ниже). Однако называется он не совсем привычно: областной межколхозный объединенный санаторий и пионерский лагерь «Свитанок», что в переводе означает «Рассвет». Обратите внимание на слово «межколхозный» — в этом определении заключается особенность санатория «Свитанок» и ему подобных.

Давно ли сельские жители начали регулярно пользоваться санаторным лечением и отдыхом на курортах? Еще не в столь отдаленные времена бывало так: предлагают колхознику — вот, Николай Иванович (или Мыкола Тарасович), бери путевку, езжай, отдохни, подлечись, а он посмотрит с удивлением и откажется: чего это, мол, куда-то ехать за тридевять земель? Да и не больной я...

В представлении тех горожан, которые, подобно известному литературному персонажу, всерьез полагают, что молоко делается из творога, а не наоборот, деревенские люди вообще не нуждаются в каких-то там курортах. Работают на свежем воздухе, воду берут из колодца, нехлорированную, морковку и лук дергают прямо с грядки,— зачем им санаторий? Но земледельческий труд ничуть не легче фабричного и заводского, а часто и тяжелее. А что касается профессиональных заболеваний и недугов вообще, то крестьянин отличается от горожанина разве только тем, что меньше печется о своем здоровье и гораздо реже обращается к врачам, обходясь при надобности домашними средствами — травами, банькой и т. п.

Так или иначе, в деле санаторного лечения колхозников существовали известные недостатки. Пример «Свитанка» показывает, каким образом положение стало меняться...

В 1965 году в Черкасской области решили создать специальный санаторий — для колхозников. Несколько хозяйств внесли пай. Крупная сумма была получена из централизованного союзного фонда социального страхования колхозников. Руководителем поставили энергичного человека — Владимира Филипповича Иванова. Выбрали, облюбовали красивый уголок на днепровском рукаве и приступили к строительству. Трудно было, конечно, но в январе 1966 года санаторий принял первых своих гостей.

Путевки выдаются профкомами — бесплатно или за тридцать процентов стоимости (а стоимость, между прочим, немалая — 170 рублей за 24 дня). Колхозы-пайщики обеспечивают санаторий собственными продуктами, так что, можно сказать, приезжающие сюда лечиться не отрываются от домашней грядки.

Немного позже подняли знамя в пионерском лагере, а недавно начало функционировать кардиологическое отделение — это великолепный комплекс, оборудованный по последнему слову медицинской науки, который сейчас действует как самостоятельный санаторий.

За год в «Свитанке» проходят лечение девять с половиной тысяч колхозников, а в пионерском лагере за три смены отдыхают полторы тысячи ребят.

Чтобы понять размах дела, нелишне знать, что с 1966 по 1981 год в него вложено 9 миллионов рублей, из них четыре дали колхозы, а пять — централизованный фонд.

Решением областных организаций определено развитие «Свитанка» на ближайшее время. Будет, в частности, построен девятиэтажный спальный корпус со всеми удобствами на двести мест, новый лечебный корпус, бассейн и многое другое. Средства на это есть...

Без денег, разумеется, не обойтись. Но когда речь идет об отдыхе и лечении, для нас, наверное, не менее важно, в чьи руки мы вверяем заботу о своем здоровье, кто нас лечит и кормит.

Персонал «Свитанка» — 297 человек — может послужить образцом для любой здравницы где-нибудь на Черноморском побережье Кавказа или на Южном берегу Крыма.

С первого дня по нынешний руководит сложным и хлопотливым хозяйством по-прежнему Владимир Филиппович Иванов.

Тысячи бывших пациентов доктора Ольги Витальевны Саяниной, заведующей терапевтическим отделением Анны Михайловны Калашник, стоматолога Александра Григорьевича Коваленко и их коллег наверняка помнят и с благодарностью вспоминают своих добрых врачевателей.

Случаются здесь, конечно, и недовольные. Это любители плотно поесть, которых врач-диетолог Евдокия Алексеевна Гапина в их же интересах держит на строгой диете, за соблюдением которой следит удивительно добрая, но не допускающая нарушений диеты сестра Лидия Филипповна Авдиенко. Недовольных понять можно и даже посочувствовать. Действительно, на что это похоже: там вон людям утром — суп с пельменями, а тебе манная кашка. Заскучаешь...

Первое блюдо готовят здесь и на завтрак, между прочим, по той простой причине, что так крестьянский уклад жизни велит. Колхозник поднимается до света и уходит на работу, а возвращается, когда темнеть начнет. Так что утром надо заправиться основательно, на весь день. А многовековые обычаи своих кратковременных подопечных персонал санатория изменять не хочет...

* * *

«Свитанок» входит во Всесоюзное объединение «Союзколхозздравница» при Союзном совете колхозов. В Москве мы встретились с заместителем начальника объединения **Вячеславом Михайловичем Дегтяревым** и задали ему несколько вопросов.

— **Вячеслав Михайлович, как обстоят дела вашего объединения во всесоюзном масштабе?**

— В соответствии с решениями ЦК КПСС и правительства за последнее время в целях улучшения санаторно-курортного лечения и отдыха тружеников сельского хозяйства повсеместно развернулось строительство межколхозных здравниц.

Особенно массовое развитие это движение получило после 1970 года, когда из образованного на III съезде колхозников централизованного союзного фонда социального страхования колхозников стали выделяться значительные средства на строительство санаториев, санаториев-профилакториев, домов отдыха и пионерских лагерей.

За десять лет на эти цели из централизованного фонда выделено 500 миллионов рублей, а колхозами — более 250 миллионов. По бесплатным и льготным путевкам лечилось и отдыхало более трех миллионов колхозников и около семи миллионов их детей.

В сравнении с 1970 годом количество санаторных путевок для колхозников увеличилось в четыре раза.

В настоящее время в стране функционирует более 200 межколхозных здравниц и около 300 стационарных пионерских лагерей.

Межколхозные санатории, санатории-профилактории и дома отдыха располагаются на многих курортах страны.

Большую популярность среди сельских тружеников получили санатории «Тихий Дон» и

На днепровском рукаве * Беседа под сенью сосен * Кардиологическое отделение «Свитанка» — теперь самостоятельный санаторий.

«Ставрополье» в Сочи, «Нива», «Тарханы» и «Дон» на Кавказских Минеральных Водах, «Золотой колос», «Славутич» и «Полтава» в Крыму, «Линас», «Эгле», «Нарва Йэссу» и «Тервис» в Прибалтике и другие.

Широкое развитие получило строительство межколхозных здравниц на курортах местного значения.

Введены в действие и строятся санатории и дома отдыха во многих краях и областях. Это «Свитанок» в Черкасской области, «Хмельник» в Винницкой области, «Лисова писня» в Волынской области, «Прикамские нивы» в Пермской области, «Инжавинский» в Тамбовской области, «Ак-каин» в Казахской ССР, «Зумрад» в Таджикской ССР и т. д.

Сейчас в стадии строительства и реконструкции находятся 170 межколхозных здравниц на 40 тысяч мест и 150 крупных пионерских лагерей.

— Каковы перспективы?

— В XI пятилетке основные силы и средства будут направлены на завершение строительства здравниц. Намечается ввести в эксплуатацию крупные санатории: «Краинка» в Тульской области на 1100 мест, для взрослых с детьми в Анапе на 1500 мест, «Золотой колос» в Ярославской области на 300 мест, «Зори Ставрополья» в Ставропольском крае на 500 мест, в Цхалтубо на 500 мест и в Боржоми на 250 мест, «Берестье» на 500 мест в Белорусской ССР, «Версме» на 400 мест в Литовской ССР и другие.

Это позволит к концу пятилетки принимать ежегодно более одного миллиона человек.

Развитие системы межколхозных здравниц в перспективе будет продолжаться. Развернется строительство крупных санаторно-курортных учреждений на курортах России, Украины, Белоруссии, Грузии, Литвы и других республик.

Именно в целях улучшения санаторно-курортного обслуживания и отдыха колхозников и их детей, дальнейшего развития системы межколхозных и колхозных здравниц и образовано наше всесоюзное объединение «Союзколхоззздравница».

Аналогичные объединения действуют в десяти республиках (РСФСР, Узбекской, Казахской, Грузинской, Литовской, Таджикской, Белорусской, Армянской, Азербайджанской и Молдавской ССР), 20 краях и областях.

Для более рационального размещения межколхозных здравниц эти органы совместно с Минздравом СССР изучают структуру заболеваемости колхозников, что позволит обеспечить перспективное планирование профилизации коечного фонда и целенаправленное строительство здравниц. Такая работа уже проведена по Украинской ССР.

Совместно с советами колхозов союзных республик на местах, по республикам и в целом по стране разработан план развития сети межколхозных здравниц и пионерских лагерей до 1990 года.

Проводится всесоюзный смотр межколхозных здравниц и пионерских лагерей. По итогам прошлого года первое место завоевали санаторий «Свитанок» Черкасской области, пансионат для семейного отдыха «Линас» Литовской ССР и пионерский лагерь «Отважных и смелых» Краснодарского края.

— Вячеслав Михайлович, вероятно, как во всяком большом начинании, у вас существуют трудности?

— Не без этого, конечно. Планы строительства межколхозных здравниц, как правило, не выполняются — в основном по вине строительных организаций. Особенно плохо ведет строительство Росколхозстройобъединение, в прошедшем году объем строительно-монтажных работ по межколхозным здравницам выполнен всего лишь на пятьдесят процентов. Из-за отсутствия планового обеспечения многие действующие и строящиеся здравницы испытывают затруднения в приобретении необходимого инвентаря, оборудования и автотранспорта.

Иван Васильевич Макаренко, шофер колхоза «Коммунист», Золотоношского района, Черкасской области, с рыбалки без улова не приходил * Один из корпусов «Свитанка» * Пионерский костер.

МНЕНИЯ РАЗДЕЛИЛИСЬ

Вопрос, поднятый Тарадиным, автором письма «Неужели я не прав?» в № 2 «Огонька», очень актуален. И, естественно, одними разговорами его не решишь. Решение его прежде всего зависит от Министерства культуры СССР, министерств союзных республик, радио и телевидения, кино, то есть всех тех, кто непосредственно занимается пропагандой музыкальной культуры в нашей стране.

Если токарь запорол заготовку стоимостью в 40—50 копеек, то он ответит за этот брак. А чем исчисляется вред, наносимый обществу пропагандой чуждой нам идеологии, чуждого образа мыслей? Вспоминаю, каким всегда праздником был приезд фронтовых бригад, артистов в части во время войны, какие красивые песни пели в те годы, как вдохновляла талантливая русская песня бойцов на боевые дела. Пора бы давно серьезнее отбирать и утверждать репертуар современных молодежных ансамблей, среди которых есть, безусловно, интересные, но, к сожалению, немало халтурщиков, людей, слабо одаренных, бесталанных.

М. Н. НОВИЦКИЙ

Умань,
Черкасской обл.

Много ли песен остается в народе, как «Подмосковные вечера», «Катюша» и другие? Ведь песенные конкурсы по телевидению мы смотрим каждый год. И, к сожалению, не всегда они на должном художественном уровне. Хочется больше истинно народных песен, таких, что живут веками, вроде «Тройки», «Ямщика»... Кто же защитит, сохранит для народа наши русские традиции, как не работники культуры, композиторы, поэты, певцы?

М. Н. РУДАКОВ, участник Великой Отечественной войны

Анапа.

Думается, что товарищ Тарадин несколько неточно оценивает некоторые явления современной культуры, искусства, жизни вообще. Ему непонятен гром эстрадной музыки, раздражают душераздирающие вопли шлягеров в исполнении известных и малоизвестных ансамблей. А нам лично понятен хард-рок, бит и другое. Любим мы и советские ансамбли «Машина времени», «Воскресение», «Аракс» и другие. В песнях этих ансамблей глубокий смысл, прекрасная сложная музыкальная культура. А знает ли тов. Тарадин, какой огромный вклад внесла в эстрадную музыку группа «Битлз»? Очень жаль, что вам не удалось познакомиться с лучшими образцами современной эстрадной музыки.

А. В. ЕРОХИН

Лесосибирск,
Красноярского края.

Мода — явление не стихийное. У нас в стране есть что противопоставить иностранному влиянию, есть что показать. Как-то по телевидению выступал оркестр народных инструментов. Ю. Богатиков пел народные песни. Как ему аплодировал зал, а еще, вероятно, телезрители!

Значит, надо активнее пропагандировать богатство нашей народной русской песни, популяризировать хорошую советскую музыку. Пора покончить с благодушием и верой, что люди, мол, сами разберутся. Музыкальную культуру надо воспитывать в людях.

А. И. АЛЕКСЕЕНКО

Волгоград.

Тема, затронутая в письме Тарадина, давно волнует меня. Автор справедливо отмечает, что молодежь не поддерживает свои национальные песни, танцы, традиции. Некоторым людям народная музыка вообще кажется каким-то архаизмом. А почему? Думаю, что народное творчество все больше и больше переходит во власть так называемых профессионалов не всегда высокого класса. Все отработано, четко, а души-то и нет. Мне 23 года. Родился в Донецкой области, объездил много городов на Украине, Дальнем Востоке, был на Севере. Но почти нигде в городах не видел, чтобы молодежь на танцплощадках исполняла народные танцы и песни.

Приведу один пример. На свадьбе друга предложил поставить свою пленку. И когда зазвучали народные песни, все (в возрасте от 17 до 30 лет) запротестовали, хотя исполнители были первоклассные. К сожалению, пропаганда народной музыки поставлена плохо и ценителей истинной народной песни все меньше и меньше, а жаль!

С. ЛЕДЕШЕВ

Хабаровск.

Несколько слов о музыке, вернее, о том, что пишет товарищ Тарадин о современной музыке. Чувствуется, что он далек от современных ритмов. А слышал ли он об английском фестивале «Рок против расизма»? О прогрессивном роке «Отдайте Ирландию ирландцам», группе «Pink Floyd» и т. д.? Изменился стиль музыки, и дело не в громкости.

Я люблю рок-музыку, люблю и классику. Любой интеллигентный человек обязан быть терпимым ко многим проявлениям истинной культуры, а не охаивать огульно. Я люблю Моцарта, Сен-Санса и современную музыку.

А наши русские песни самые чудесные в мире. Их слушает и исполняет молодежь так же охотно, как и люди старшего поколения. Знает молодежь и русские танцы. А то, что есть в эстраде и немало халтурщиков, так это верно.

Б. М. МИШИН, член штаба «Комсомольский прожектор»

Хмельницкий.

Полностью согласен с Тарадиным. И что обидно? У нас всегда много было и есть талантливых исполнителей, способных нести в народ свою родную культуру. Как хороши народные хоры имени Пятницкого, Волжский, Воронежский, Пензенский, Уральский, Северный и другие.

Хочется назвать и талантливых певцов: Зыкину, Воронец, Мордасову, Шульженко, Семенкину, Фролову, Русланову, Бернеса, Трошина и многих других. Их исполнение привлекает не только красотой голосов, а высокой культурой пения, задушевностью. Но все реже и реже звучат записи этих исполнителей.

И. Д. НАЙМУШИН

с. Бакчар,
Томской обл.

ОТ РЕДАКЦИИ. Нами получено много откликов, вызванных письмом Е. Тарадина. Мнения читателей разошлись. Одни поддержали автора письма, другие спорят с ним. Наш разговор с читателями не окончен.

ПАЛЕСТИНА

Анатолий СОФРОНОВ

Солнечным, ярким утром 20 мая этого года мы простились в Дамаске с гостеприимными хозяевами, которые принимали нас в Сирии, на симпозиуме, посвященном проблемам драматургии и театра в Азии и Африке, и на двух машинах отправились в Бейрут. Короткие формальности на границе, и вот мы уже катим асфальтовой дорогой по территории Ливана. Не первый раз я проделываю этот путь. В памяти как бы выбиты суровые, каменисто пустынные пейзажи Сирии, а затем, уже вскоре после ливанской границы, весенняя буйная зелень. Крестьянские дома и участки, на которых буйволы тащат что-то среднее между сохой и плугом, а крестьянин так же, как у нас когда-то где-нибудь в Рязанской губернии, управляет, только не тощей конягой, а мускулистым мохнатым буйволом. Шесть дней мы пробыли в Сирии, и вот предстоит пять суток побыть в Бейруте, заняться вопросами журнала «Лотос» — органа Ассоциации писателей стран Азии и Африки, редакция которого располагается в Бейруте, повстречаться с ливанскими и палестинскими писателями, с которыми нас связывает многолетняя дружба.

Здесь на дорогах сейчас строго. Проезжаем сторожевые посты, где за мешками с песком часовые в красных беретах внимательно смотрят на мелькающие мимо машины. Возле сторожевых постов машины словно автоматически притормаживают. Иначе нельзя. Часовые в случае ослушания могут пустить вслед автоматную очередь. Здесь тревожно. В памяти у всех кровавая бомбардировка Израилем Бейрута 21 апреля этого года. Десятки убитых. Сотни раненых. Еще в Дамаске нас спрашивали с тревогой: «Вам обязательно ехать в Бейрут?» «Да, обязательно». «Зачем?» «Повидаться с друзьями». «Не очень подходящее время». «Для работы и для встреч с друзьями время всегда подходящее».

...Проехав с десяток километров от сирийско-ливанской границы, мы оказались в небольшом, чистом, красивом городке Штура. 15 июня мы видели с телеэкрана разбомбленную Штуру и, по-моему, хозяина магазина, в котором мы пили чай. Он говорил: «Израильтяне с самолетов убили здесь сотни ливанцев».

Сюда за нами из Бейрута должны были приехать наши друзья.

Фаиз Ахмад Фаиз — поэт, главный редактор «Лотоса», с которым я познакомился еще в 1949 году в его родном городе Лахоре в Пакистане, и его первый заместитель по «Лотосу», палестинский поэт Моин Бсису, вышли из своей машины.

Бсису спросил:

— Попьем чаю?

— Конечно.

Мы прошли в не очень большой магазин, где у входа стояли два столика. Вскоре мы неторопливо пили вкусный, ароматный чай. Тех, кто должен был забрать нас от границы, еще не было. Мы могли спокойно наблюдать неторопливую жизнь городка. Смотреть на тех, кто пользовался товарами этого в общем-то универсального магазина, на тех, кто оставлял у входа машины и неторопливо отбирал разложенные на полках продовольственные и иные товары, оплачивал чеки в кассе, а затем уносил купленное в багажники машин.

Если Фаиз спокойно сидел за столиком, то Моин Бсису явно нервничал. Впрочем, нервничал он еще и в Дамаске. Объяснений по этому поводу не требовалось. Именно в эти дни снова в Бейруте назревали трагические события. И кому, как не Моину Бсису, стоило волноваться,— не только потому, что его семья жила в Бейруте, но просто потому, что он, и не только интуитивно, понимал, что новые трагические события приближаются. Пресса сообщала, что в последние дни вновь наблюдались интенсивные военные переброски вооружения, личного состава и боеприпасов в район израильско-ливанской границы. Новые батареи артиллерийских орудий устанавливались в районе Марджаюна, Хияма, Ярина и в ряде других деревень.

Командование объединенных сил Палестинского движения сопротивления и Национально-патриотических сил получило сведения о том, что планами агрессоров предусматривается осуществление главных целей при проведении широкомасштабной операции на юге. Тель-Авив прежде всего намеревается разгромить вооруженные формирования ПДС, уничтожить политическую, экономическую и военную структуру ООП, лишить ООП возможности влияния на палестинские народные массы на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, навязав им проект «административной автономии», захватить территорию Ливана вплоть до реки Литани, использовать ее воды для развития засушливых хозяйственных районов в Верхней Галилее. Кроме того, Тель-Авив надеется проведением такой акции оказать влияние на исход президентских выборов в Ливанской Республике, намеченных на лето 1982 года, или сорвать их.

Премьер-министр Бегин и начальник генерального штаба Эйтан выступили с заявлениями, в которых вновь подчеркнули, что соглашение о прекращении огня на юге Ливана они больше не признают и будут действовать в соответствии со своими планами.

...Сообщалось, что начальник генерального штаба израильских войск генерал Эйтан совершил инспекционную поездку по северным районам Израиля, прилегающим к ливанской границе, а также побывал в анклаве ливанских сепаратистов. Генерал заявил средствам израильской информации: «Совершенно верно, что мы сконцентрировали войска на севере страны. Совершенно верно, что армия приведена в состояние чрезвычайной готовности... Соглашения о прекращении огня больше не существует».

Выступая по израильскому телевидению, генерал добавил, что «Израиль находится в состоянии войны».

Над всей территорией Ливана продолжались разведывательные полеты израильских самолетов. Дважды в течение одного дня они появлялись в небе ливанской столицы. Политические наблюдатели, связывая эти полеты с недавними налетами израильской авиации на южные районы Ливана, обращали внимание на то, что подобным же образом израильтяне вели себя и накануне израильской агрессии против юга Ливана в марте 1978 года. Последние налеты израильской авиации на юг Ливана, состоявшиеся 21 апреля и 10 мая этого года, стоили жизни более чем тридцати ливанцам и палестинцам.

Наряду с концентрацией армейских подразделений в районе границы Ливана усиливались угрозы Тель-Авива в адрес этой суверенной страны. В последних заявлениях министр иностранных дел Израиля Шамир и начальник генерального штаба вооруженных сил Эйтан подтвердили прибывшему с очередной «миротворческой» миссией в Израиль американскому эмиссару М. Дрейперу свою «решимость расправиться с Палестинским движением сопротивления и Национально-патриотическими силами на юге Ливана».

В конце апреля председатель Исполкома Организации освобождения Палестины Ясир Арафат в интервью одной из саудовских газет заявил:

«Мир на Ближнем Востоке не может быть достигнут до тех пор, пока будут игнорироваться законные национальные права палестинского народа. Что касается борьбы палестинцев за восстановление своих прав, то она будет продолжаться столько, сколько необходимо, и никакая сила в мире не в состоянии прервать ее. Залогом этого служит то обстоятельство, что палестинский народ ведет борьбу не по решению каких-то лидеров, а руководствуясь своим чувством национального самосознания, своей решимостью добиться свободной жизни на земле своих предков. Другими словами, в борьбе за права палестинцев определяющую и главенствующую роль играет весь палестинский народ, а не его отдельные представители и руководители.

Поэтому борьба палестинцев на оккупированных территориях и за их пределами неразделима и представляет собой единое целое. Заявления израильских руководителей, что они смогут ликвидировать Организацию освобождения Палестины и палестинскую революцию на оккупированных территориях, являются несуразной глупостью, поскольку никто не в состоянии ликвидировать 4 миллиона палестинцев. Весь мир должен осознать, что борьба палестинцев в конечном счете завершится победой и Иерусалим станет столицей независимого палестинского государства».

...Вскоре две машины из Бейрута остановились возле магазина. Из них вышли наши друзья. Здесь же мы попрощались с провожавшими нас и взяли курс на Бейрут.

Теперь все, что видел я раньше и не один раз, как бы прочитывалось заново. Ливанские небольшие города на подступах к Бейруту. Разбитые кирпичные дома и рядом с ними строящиеся новые — все было рядом, все мелькало мимо глаз.

Но вот, наконец, и Бейрут. Тот же и не тот... Да нет, скорей не тот же — много взорванных домов. А рядом с ними многоэтажные, в лесах, новые строящиеся здания. Как во всем этом разобраться?

Первая встреча состоялась на другой день в редакции журнала «Лотос». Расположена редакция недалеко от морского берега, где, как всегда, пестрел базар. Много небольших лавочек. Разве что бросилось в глаза — так это меньшее количество людей, покупающих товары.

Мы подъехали к зданию, где помещалась редакция «Лотоса». Наискосок от редакции были видны остатки взорванного здания: пепел, обожженное железо, крошево камней и кирпичей... Да и здание, в котором на одном из этажей помещался журнал «Лотос», тоже выглядело неважно. В трещинах, наскоро замазанных, словно все в ожогах.

В редакции нас встретили Фаиз Ахмад Фаиз и Моин Бсису. Я подозрительно оглядел их кабинеты. Нет, здесь было все в порядке.

— А что с этим зданием?— спросил я.

— Внизу, если помнишь, помещалась иракская авиакомпания...

— Ну и что?

— С проезжавшей мимо машины были брошены две гранаты...

БУДЕТ ЖИТЬ!

Убили привратника. И нам попало... Но только потрясло,— сказал Бсису и посмотрел на Фаиза.

Фаиз закуривал очередную сигарету и улыбался. В феврале прошлого года мы отметили его семидесятилетие. Он всегда отличался, кроме большого поэтического таланта, еще и спокойствием. Видимо, годы не убавили у Фаиза ни того, ни другого.

— А что за здание напротив, от которого ничего не осталось?

— Там было еще недавно иракское посольство.

...Вскоре мы уже сидели возле письменного стола Фаиза и обсуждали планы «Лотоса» на ближайшие полтора года. В сентябре 1983 года Ассоциация писателей стран Азии и Африки собирается отметить 25-летие со дня организации, происшедшей на I конференции писателей Азии и Африки, состоявшейся в сентябре 1958 года в столице Узбекистана Ташкенте.

Фаиз неторопливо высказывал свои претензии к тем, кто готовит и печатает журнал...

— Но есть еще и другие заботы. Надо заказать медали и грамоты к этой конференции, которая также состоится в Ташкенте... Оплата художника...

Да, все это была не только высокая поэзия, но и обыкновенная проза. Проза работы.

— Как отражается Кэмп-Дэвид в литературе и искусстве?

На этот вопрос зло ответил Моин Бсису:

— Египетские писатели сообщают, что Израиль пытается своей дешевой во всех смыслах литературой захватить египетский книжный рынок... А вы знаете, что было с Бегином, когда он однажды пожелал посетить египетский национальный театр?! Когда актеры узнали об этом, они отказались играть спектакль, предложив специально для Бегина создать пьесы «Убийца наших детей» или «Смерть палестинца»... Бегин так и не попал в каирский театр...

Обедали мы в ресторане «Мериленд» на берегу моря. Обычно ресторан многолюден. На этот раз мы сидели почти одни.

Синие морские волны. Несколько катеров... Кажется, все было так же, ничего не изменилось... К концу обеда на стол принесли фрукты, похожие на небольшие абрикосы. Мы их уже пробовали в Дамаске. И вдруг Фаиз, все так же чуть улыбаясь, сказал, обращаясь ко мне:

— Когда ты, Анатолий, тридцать три года назад приезжал с Николаем Тихоновым в Лахор, у меня дома на столе стояли такие же фрукты. Я жил в обычной квартире. Мама готовила плов... Но во дворе у нас росло дерево акидынья... Вот эти фрукты мама тогда специально собрала для вас с Тихоновым.

Когда мы выходили из ресторана, раздалось несколько автоматных очередей.

— В этом случае у нас произносят обычную фразу: «Кто-то проехал и пострелял».

Моин протянул мне журнал:

— Это парижский еженедельник «Нувель обсерватер». Здесь интересная статья «Израиль: новая война» Жозетты Алиа. Приедешь в Москву, переведи и прочти.

«Начинается период открытой или завуалированной конфронтации, появляются первые признаки, предвещающие конец того, что все же можно было считать сосуществованием. Теперь уже никто не ездит по арабской территории на машине с израильским номером без пистолета в перчаточном ящике. Я насчитала на одной лишь улице арабской части Иерусалима 9 израильтян в штатском, но с револьверами на боку. Это еврейские поселенцы, которые не рискуют возвращаться вечером из города домой без оружия. На дороге между Рамаллахом и Наблусом раздраженные военные останавливают машины и заворачивают их обратно, и мой шофер (араб) начинает проявлять беспокойство: у израильского военного заграждения на дороге, как и на улицах арабских деревень, может произойти все, что угодно. Израильтяне не чувствуют себя больше в безопасности на Западном берегу Иордана. Арабы не чувствует себя больше в безопасности в Израиле.

...Каков же итог операции? Голанские высоты превратились в очаг сопротивления, нельзя было эффективнее и быстрее причинить больший политический вред. Но принципы не были поколеблены, Голанские высоты — отныне составная часть земли Израиля: новая аннексионистская политика Бегина осуществляется».

Жозетта Алиа приводит далее слова преподавателя университета в Наблусе Саеда Эраката: «Я учился в Станфордском университете, в Калифорнии. Когда я вернулся, оказалось, что 143 дунама земли, которыми владела моя семья в районе между Иерихоном и Иерусалимом, были конфискованы. Поскольку у меня был — это весьма редкий случай — составленный по всей форме документ о том, что я являюсь владельцем этих земель и что я ничего не продавал, мне удалось возбудить процесс в Верховном суде, но я его проиграл. Свое решение суд мотивировал соображениями военной безопасности. Сегодня на этой земле разместилось небольшое еврейское поселение, которое непрестанно разрастается».

«Второй важнейший фактор — вода. В самый последний момент Бегину удалось добиться включения в кэмп-дэвидские соглашения очень важного пункта: во всех случаях за Израилем сохраняется полное право распоряжаться водными ресурсами. Вследствие этого ни один фермер-араб не может сегодня прорыть скважину на своих полях, не испросив на то разрешения израильских властей, которые чаще всего отвечают отказом. Проезжая по наблусской дороге в прошлое воскресенье, я видела солдат, устанавливающих у дороги транспарант: это был указатель нового поселения, расположившегося зверху на холме. Видна была ведущая к нему недавно проложенная дорога и рядом с ней — трубы водопровода. Так что здесь вода расходуется неограниченно, но эта вода, идущая в еврейские поселения, отбирается у арабских полей».

Думаю, что читателям будет также интересно познакомиться с некоторыми положениями статьи Тьерри Энш из журнала «Монд дипломатик». Но теперь речь идет уже о Ливане.

«Израильский министр обороны Ариел Шарон не скрывает своих намерений и, не стесняясь, определяет «глобальную стратегию» Израиля, интересы которого выходят далеко за географические и политические рамки Ближнего Востока. У Тель-Авива есть, кажется, основания для нанесения сильнейшего удара по южному Ливану: сокрушить военным ударом ООП и установить в Бейруте «дружественное» правительство, состоящее из христиан, либо по крайней мере расширить территорию, контролируемую произраильски настроенными право-христианами. Проект этот не нов. Как нам стало известно из дневника Моше Шарета, занимавшего пост министра иностранных дел и совсем недолго — премьер-министра в первое десятилетие после создания еврейского государства, израильское правительство еще в 1954 году рассматривало возможность военного вторжения в Ливан, чтобы создать там маронитское государство, находящееся под контролем Израиля. Таков был, естественно, в самых общих чертах сценарий, по которому 25 лет спустя стали развиваться события и в соответствии с которым появилось на свет марионеточное государство майора Хаддада».

Конечно же, в один из вечеров мы были в гостях у Моина Бсису. Жена Моина — Сахба недавно побывала в Москве. Нам было радостно принимать их в Москве вместе. Здесь же в городе все время взрывы. Идет «динамитная война». Заминированные машины взлетают в воздух. Много жертв.

В квартире Моина собрались наши палестинские и советские друзья. Почти все были мне знакомы раньше. Чуть позже других пришел высокий, чем-то похожий на Моина человек с чуть полноватой, ожидающей ребенка женщиной.

Моин сказал:

— Это мой двоюродный брат Абу Али Магда...

Сахба отвлекла Моина, и он ушел помогать ей готовить плов.

Что-то в глазах Абу Магды было такое, что заставляло всматриваться в них. Абу Магда заметил мой взгляд, сказал:

— Я понимаю... Вы раньше не встречали меня в Бейруте... Я чем-то вас заинтересовал?

— Не скрою... Заинтересовали.

Вместо улыбки Абу Магда сказал:

— А меня и не было раньше в Бейруте... Я был в израильском концентрационном лагере... Сравнительно недавно «Красный крест» обменял меня в группе других палестинцев на израильтян...— Он показал на женщину, пришедшую с ним.— Это моя жена... Она была тоже в концлагере... Я полюбил ее там... Но не только любовь помогала мне тогда... Не только... Я читал советские книги «Как закалялась сталь», «Повесть о настоящем человеке». Я читал их и закалялся... Читал и становился настоящим борцом... Мне снились сны... Мне казалось, когда я почти совсем терял сознание,— выдай своих товарищей, и тебе будет легче... Кажется, я говорил об этом Надие... Но она тихо отвечала: «Ты не смеешь этого делать. Как ты можешь? Твои товарищи ведут борьбу против сионистов... Что ты?»

Мы посмотрели на Надию.

— Нет, он никогда не говорил мне этого.

— Да, не говорил... Мне это только казалось... Но очень реально...— В этот момент Абу Магда улыбнулся.

— Но об этом надо писать!

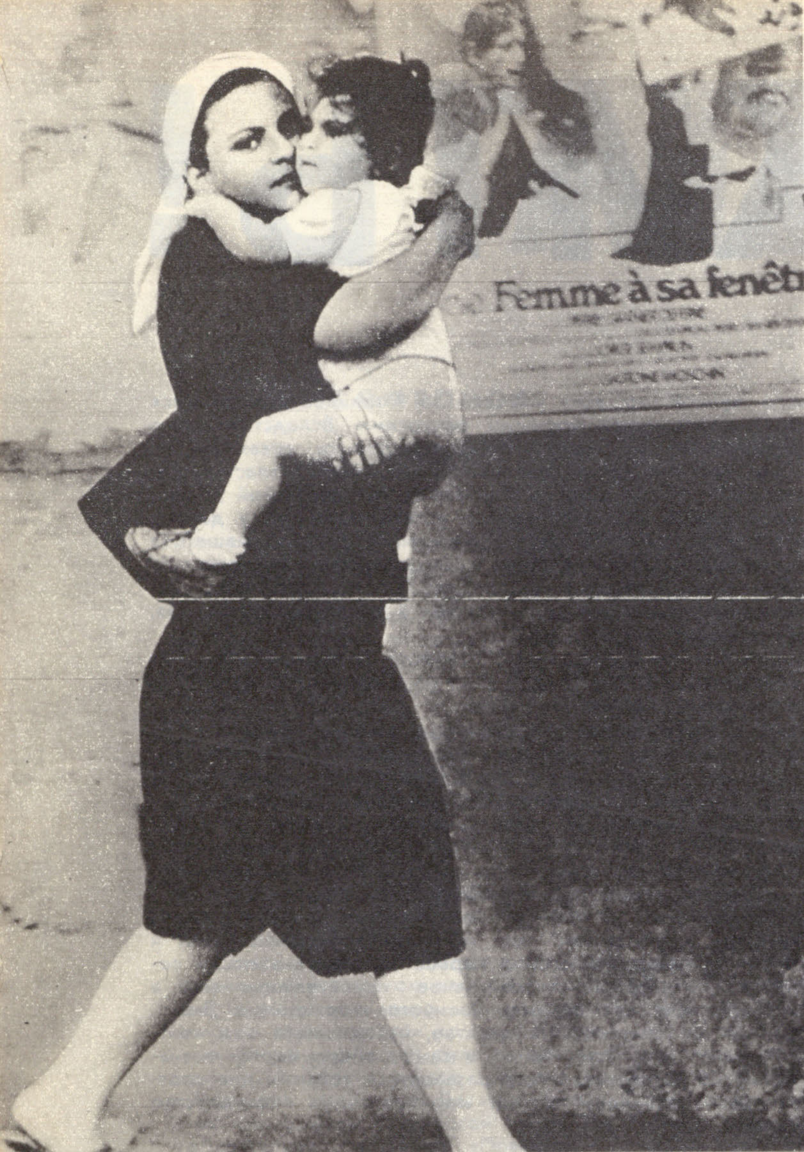
— Вот я и пишу сейчас... Пробую силы... Половину уже написал.

Где-то раздался взрыв. За ним другой. Послышались сирены «Скорой помощи». Я смотрел на хозяев дома. Никто из них не обращал внимания ни на взрывы, ни на воющие сирены.

...Когда-то, приезжая в Бейрут, мы обычно находили время, чтобы посмотреть два-три фильма. В Бейруте, который называли в те годы «арабским Парижем», можно было увидеть тогда неплохие фильмы. На сей раз было и не до этого, да и фильмов таковых не было. И все же однажды, проезжая мимо одного из кинотеатров, я зацепился взглядом: «Битва при Эль-Аламейне».

— А не выберем мы все же полтора часа?

— Можно, конечно...— чуть уклончиво сказал мой друг.

Сегодня на улицах Бейрута

— Дело в том, что я был в тех самых местах в Египте, где недалеко от моря расположено английское кладбище. Там лежат тысячи молодых англичан, австралийцев да и других молодых, по девятнадцать, двадцать лет, сражавшихся в пустыне с армией Роммеля.

— Пожалуйста...

— Я был и на немецком кладбище, где захоронены солдаты Роммеля... Оно содержится похуже, чем английское... Интересно, что сотворил Голливуд?

Мы выкроили полтора часа и посмотрели этот малоинтересный фильм, в котором, пожалуй, запомнилось лишь портретное сходство актеров с Монтгомери и Роммелем. Никаких сверхбатальных сцен сражений в фильме не было, что явно противоречило количеству похороненных на кладбищах Эль-Аламейна. Недавно я перечитывал книгу воспоминаний маршала Жукова. Не могу не привести один из разговоров Жукова и Монтгомери.

«Монтгомери был выше среднего роста, очень подвижен, по-солдатски подтянут и производил впечатление живого и думающего человека. Он заговорил со мной об операциях в районе Эль-Аламейна и в Сталинграде. В его представлении обе эти операции были равноценны.

Ни в какой мере не желая преуменьшать заслуги английских войск, я все же был вынужден разъяснить ему, что операция в районе Эль-Аламейна была операцией армейского масштаба. В Сталинграде же действовала группа фронтов, осуществлявшая операцию крупного стратегического значения, вследствие которой крупнейшая группировка немецких войск и войск их союзников была разгромлена в районе Волги и Дона, а затем и Северного Кавказа. Эта операция, как известно, явилась началом коренного перелома в войне и положила начало массового изгнания немецких войск из нашей страны».

Да, страсть к преувеличениям своих военных заслуг всегда была свойственна тем, кто воевал не по-настоящему. Об этом говорит история.

С особо тревожным чувством встретились мы все в Союзе палестинских писателей. Наш добрый друг, возглавляющий Союз писателей, Яхья-Яхья, с которым мы встречались в Москве, Дамаске и Бейруте, сказал о том, как палестинские писатели глубоко ценят дружбу с писателями Советского Союза и ту помощь, которую оказывает Союз советских писателей их палестинским друзьям. В беседе приняли участие романист Абу Шабр, поэт Абу Намре, ответственный секретарь Союза Махмуд Кадри и другие палестинские литераторы.

На другой день такая же дружеская встреча состоялась в отеле с ливанскими писателями. На этой встрече вспомнили и о том, что именно здесь, в Бейруте, весной 1967 года состоялась III конференция Ассоциации писателей стран Азии и Африки, на которой были приняты важные решения, преградившие дорогу попыткам китайских резидентов превратить организацию писателей в маоцзедуновский филиал. Большой вклад в это большое дело внесли в ту пору прогрессивные ливанские писатели. Именно тогда и было принято решение о создании журнала «Лотос». Встречи с палестинскими и ливанскими писателями в эти тревожные дни снова подтвердили нашу верность друг другу, желание всегда быть рядом.

В сентябре 1981 года на конференции солидарности в столице Ливии Триполи я познакомился со скромным, мужественным человеком Владимиром Ковнатом, корреспондентом советского телевидения. Не один раз, смотря на телеэкране его репортажи с юга Ливана, из тех мест, по которым прошли башмаки израильских оккупантов, ужасаясь вандализму израильских сионистов, систематически разрушавших цветущие города и селения на побережье Средиземного моря, мы про себя благодарили этого талантливого и пытливого человека, появлявшегося со своим киноаппаратом в опасных местах. И вот здесь, в Бейруте, мы снова встретились. Владимир Ковнат, сидя за рулем, показал нам во время четырехчасовой поездки весь Бейрут, а затем предложил продемонстрировать слайды фотографий, которые он сделал на юге Ливана. Полтора часа с короткими пояснениями смотрели мы на белой стене эти цветные, в несколько раз увеличенные снимки, которые как бы иллюстрировали людоедское высказывание Бегина в ту пору, когда он еще не стоял во главе послушного орудия американского империализма, государства Израиль:

«Мы должны уяснить для себя, что в этой стране нет места для двух народов... Единственным решением является Палестина без арабов... Не существует иного пути, чем депортация арабов в соседние страны, всех без исключения. Здесь не должна оставаться ни одна деревня, ни одно племя...»

Фотографии эти — страшные, наглядные документы политики сионизма на арабском Востоке. Но все это было снято еще до последних июньских событий — израильской агрессии, явившейся прямым следствием Кэмп-Дэвида, грязного символа американско-израильского военного союза.

Как известно, даже в самом Израиле нет единства взглядов на все то, что сионисты вытворяют на арабских землях. Д. К. Шиплер опубликовал в одном из майских номеров «Нью-Йорк таймс» статью, в которой приводил письмо Гиллиан Хирш, матери семнадцатилетнего юноши. В нем она писала, что она «такая же, как мать юноши, убитого израильскими солдатами в Эль-Бирехе... Как мне объяснить сыну, что он должен служить в армии, цель которой — помешать его двоюродному брату, стремящемуся к независимости, и попытаться приостановить ход истории? Как мне внушить своим детям гордость за страну,

Телефото ЮПИ — АП — ТАСС

которая следует репрессивным и жестоким курсом всех завоевателей? Когда-то я думала, что Израиль будет иным... Я никак не могу оправдать гибель этого юноши. Я могу только горевать вместе с его матерью за всех наших сыновей».

В этой же статье Шиплер цитирует слова Фелиции Лангер, принадлежащей к небольшому числу еврейских адвокатов, готовых защищать палестинцев:

«По моему мнению, эта оккупация представляет собой катастрофу для израильского общества. Она подрывает его устои, ведет к жестокости, безнравственности. Эта безнравственность не может ограничиться определенной территорией. Если, например, в какой-нибудь день вы побывали в Рамаллахе и орудовали там дубинкой и стреляли, когда считали нужным, то вы не можете вернуться домой и остаться таким же, каким вы были раньше. Что-то в вас уже изменится.

Это своего рода цепная реакция. Вначале считают преступлением само дело палестинцев. Затем тот, кто поддерживает палестинцев, становится преступником. Потом преступником считают того, кто публикует высказывания палестинцев, а потом того, кто защищает издателя, опубликовавшего эти заявления. Палестинца можно избивать, но у него нет права слова. А у нас нет права даже знать, что он говорит».

Фелиция Лангер не только адвокат, но она и писательница-коммунистка. Совсем недавно в «Огоньке» был напечатан отрывок из ее повести «Они — мои братья».

В заявлении Центрального Комитета Коммунистической партии Израиля в связи с 15-й годовщиной начала арабо-израильской войны 1967 года говорится: «Справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке может быть достигнут только на основе признания законных национальных прав арабского народа Палестины, в том числе его права на создание собственного независимого государства. Единственный реальный путь урегулирования ближневосточного кризиса — созыв международной конференции с участием всех заинтересованных сторон, включая Израиль, а также единственного законного представителя арабского палестинского народа — Организации освобождения Палестины».

Незаконная оккупация арабских территорий остается одним из главных факторов сохранения напряженности на Ближнем Востоке в целом. Заключенные с Египтом кэмп-дэвидские соглашения не только не устранили опасность развязывания новой войны, но даже усилили ее. Продолжение официальной израильской политики с позиции силы, поддерживаемой Вашингтоном, серьезно угрожает делу мира и существованию самого Израиля».

...Накануне нашего отлета из Бейрута было взорвано здание французского посольства. Погибли женщины и дети...

До сих пор звучит в ушах гром израильских самолетов, преодолевающих над Бейрутом звуковой барьер. До сих пор звучат в ушах автоматные очереди и сирены машин «Скорой помощи», несущихся по улицам Бейрута. Но что это все значит по сравнению с той варварской каннибальской войной, со всей кровавой бойней, которую Израиль по приказу Бегина устроил на арабской земле Ливана?! Как бы ни был изощрен сионизм — от прямого военного разбоя до сложных ухищрений сионистской мафии в любых областях человеческой жизни в экономике, литературе, искусстве, на любых землях, под любыми холодными или жаркими небесами,—сионизму никогда не победить прогресс, свободу, любовь к родной земле! Как бы ни содрогались наши сердца в эти тяжелые дни, когда израильские сионисты под покровительством американской военщины развязали преступную войну, мы были, есть и будем всегда тверды. Но неспокойны... Да, неспокойны! Кто из нас может быть спокоен, когда на телеэкранах мы видим только малую часть сионистско-американских преступлений!

Председатель Исполкома Организации освобождения Палестины Ясир Арафат, выступая в Бейруте, заявил, что «ливанские и палестинские бойцы в Тире, Сайде, Айн аль-Хильве, Дамуре, Хальде и других местах опрокинули ложные представления американо-израильского противника о том, что он способен уничтожить палестинскую революцию и унизить ливанский и палестинский народы. Враг понес такие потери, которые превышают его потери во всех предшествовавших арабо-израильских войнах. Это признают сами израильские генералы. Мы доказали, что время израильских молниеносных войн прошло. Сражение продолжается».

Если захватчики и их хозяева — американские империалисты полагают, что они способны сломить волю ливанского народа и палестинских народных масс, то они тысячу раз ошибаются, сказал в заключение Я. Арафат.

Нет, как бы ни старались враги человечества, им никогда не победить тех, кто уже давно вышел на широкую дорогу дружбы и помощи одного народа другому!

Да, мы трезво понимаем, как непроста эта борьба в нынешних условиях.

Но как бы ни старались израильские бандиты и их американские вдохновители — что, впрочем, одно и то же!— им не повергнуть в прах и тлен человечество!

Им не бросить на колени сражающиеся арабские народы!

Им не повергнуть Палестину!

Палестина будет жить!

Жить вечно!

Бейрут — Москва

ХУДОЖНИКУ-БАТАЛИСТУ

К 100-летию со дня рождения Митрофана Борисовича Грекова — основоположника советской батальной живописи, в Новочеркасске, в доме № 124 по улице его имени, после реконструкции открылся мемориальный музей.

Здесь собрались многие почитатели его таланта, представители Ростовского обкома КПСС, областного управления культуры, Союза художников СССР, студии имени М. Б. Грекова. К памятнику-бюсту ложатся цветы, и среди них алая лента от команды теплохода «Митрофан Греков» с далекого Иртыша.

В этом городе художник прожил четырнадцать лет (1918—1931) и создал более девяноста произведений, среди которых ставшие широкоизвестными «В отряд к Буденному», «Тачанка», «Кавалерийская атака», «Бой под Егорлыкской» и первая советская диорама «Взятие Ростова».

Мемориал включает основное здание, в котором жил и работал мастер, и флигель. Здесь собраны его картины, эскизы, этюды, личные вещи и обстановка. По материалам экспозиции посетители смогут ознакомиться с детством и юностью, учебой и годами, проведенными на фронтах первой мировой войны, жизни в Новочеркасске и Москве. Большое место занимает раздел «Советские баталисты — продолжатели творческих традиций М. Б. Грекова».

На снимке: открытие мемориала М. Б. Грекова.

Фото М. Савина

«ЮБИЛЕЙНЫЙ», ВПЕРЕД!

Сойдя с электрички на станции Кратово, я спросил, как пройти к детской железной дороге. «Игрушка-то? Вон там она — за пруд и налево»,— указал дорогу солидный гражданин. Признаться, слово «игрушка» несколько смутило. Но только на миг. Еще издали, не доходя до платформы, я услышал восторженные голоса девчонок и мальчишек. Затем увидел и юных пассажиров, торопящихся, радостных, по-вокзальному суетливых, с билетами в руках. Малыши с мамами и папами, а дети постарше самостоятельно входили в вагоны, устремлялись поближе к окнам. Шум, гвалт, прощальные возгласы. На всех четырех вагонах фирменная надпись: «Юбилейный» — Кратовской дороге исполнилось сорок пять лет.

...Звонкий голос диктора напоминает: «До отправления поезда номер 220 остается две минуты». Объявляет сегодня пятиклассница Надя Волкова. Оживление нарастает: «ура..! Вперед... Поехали... До встречи...»

...В конце смены планерка, отчет о проделанной работе. Человек восемьдесят юных железнодорожников в форме выстроились по стойке «смирно». Начальник смены восьмиклассница Аня Саенко принимала рапорты. Первым отчитался поездной диспетчер Володя Смирнов: «Смена работала хорошо. Поезда ходили по графику. Сменное задание выполнено». Докладывали дежурные по станции, по перрону, старший стрелочник, главный кондуктор. Павел Кузьмин, дежурный по платформе, доложил, что «путь у платформы «Школьная» прополот». Нет, не «игрушка» это, думал я, глядя на сосредоточенные лица детей и вспоминая солидного гражданина. Чтобы представить, насколько это серьезно, нужно непременно увидеть воочию, как увлеченно работают ребята.

Кратовскую детскую железную дорогу обслуживает около тысячи человек. В основном это ребята из школ Раменского, Люберецкого районов и г. Жуковского Московской области. Энтузиасты приезжают и из Москвы, Коломны, Шатуры, Рыбинска. Девятиклассника Володю Вощина, к примеру, нисколько не смущает то, что он тратит на дорогу более двух часов. Он увлечен, прекрасно знает работу на любом участке дороги. Тепловоз может водить, работать дежурным по станции, диспетчером, начальником смены. Мечтает водить тяжеловесные поезда.

Ребята приезжают не для того, чтобы надеть форму и сразу на работу. Школьники обучаются в кружках вагонного и тепловозного хозяйства, организации движения поездов и начальников смен, в кружках моделирования и радиоконструирования.

В нынешнем юбилейном году около 130 юных кратовских железнодорожников пойдут работать на транспорт, станут учиться в транспортных вузах и техникумах. А всего в нашей стране 49 детских железных дорог. Многие выпускники этих внешкольных учебных заведений стали опытными путейцами, движенцами, локомотивщиками. Сам начальник детской железной дороги Александр Васильевич Веселов был юным железнодорожником здесь, в Кратово; сейчас он окончил техникум, учится заочно в МИИТе.

У юных железнодорожников улучшается успеваемость в школе, крепнет дисциплина. Чувство причастности к конкретному полезному труду, сознание ответственности за порученное дело, доверие воспитывают у ребят лучшие человеческие качества. А это так важно смолоду!..

Марат ЦЕБОЕВ

ИГРА

Михаил НИКИТИН

Чудесное летнее утро, две девчушки только что выбежали гулять.

После прыжков и беготни вокруг песочницы надо поиграть и в нечто более интеллектуальное, чем какие-нибудь примитивные «классики». Поэтому старшая предлагает своей совсем еще маленькой подруге:

— Давай играть в продавца и покупателя. Я буду продавцом, а ты — покупателем.

— Давай, — соглашается юное создание, хотя чувствует, что выбрала в игре не лучшую роль. — Только в очереди я стоять не буду, — сразу оговаривает она, обнаруживая некоторую житейскую опытность.

— Ладно, — покладисто соглашается подруга, — не стой, подходи сразу.

— Скажите... а что покупать?

— Дефицит, дефицит закупай,— подсказывает «продавец».

— Ну ладно. У вас де-фи-цит какой-нибудь есть?

— Ты говори, что тебе надо — дефицитов много, — объясняет «продавец».

— А что мне надо?

— Ну, например, тебе нужны камушки, — повышает тон «работник прилавка».

— Скажите: у вас камушки есть?

— Нет, — со вздохом отвечает «продавец», — вчера все продали.

— Слушай, — возмущается «покупатель», — ты же сама сказала камушки покупать, а говоришь — нет.

— Да это только так говорится, что нет, — взрывается «продавец», — а ты должна сказать: «Может быть, вы поищете? Мне очень нужно. Я была бы очень благодарна».

Бездарный «покупатель» без должного выражения лица кисло бубнит свою реплику.

— Ну так и быть, приходите перед закрытием — поищем, — меняя тон и затмевая своей игрой партнершу, вещает «продавец».

— А что теперь? — уныло вопрошает «покупатель».

— Приходи перед закрытием, — не выходя из образа, быстро роняет «продавец».

— Пришла: камушки дайте, — канючит «покупатель», — вы обещали.

— Я тут пару булыжников оставила... для дочки. Но если вам очень надо...

— Очень! Очень! Давай,—оживляется «покупатель».

— «Давай», «давай»,— передразнивает «продавец». — Тогда сама чего-нибудь давай, если «очень». Хотя бы ленточку что ли.

— Так ты же у нас продавец, а не я! Зачем же мне тебе ленточку давать! — искренне изумляется «покупатель».

— Затем, что тогда я буду добрая и продам тебе камни! — еще более раздражается «продавец».

— А она мне самой нужна. Давай камни так, без ленты...

— Где это ты видела, чтобы камни «так» давали?

— Видела, видела.

— Вот там и бери, где видела!

— Ну хоть кирпичиков дай.

— Цветной камень — на Цветном бульваре.

Неудовлетворенные запросы «покупателя» приводят почти к плачевным последствиям. Слезы вот-вот готовы брызнуть из глаз. Разве такой игры, такого общения жаждет невинное детское сердце?! Поэтому сквозь оставшиеся молочные зубы «покупатель» угрюмо цедит:

— Ну, тогда не приходи к нам сегодня смотреть телевизор. Жди, когда ваш починят.

— Вам каких камушков: покрупней или помельче?— немедленно отзывается «продавец» и мигом обслуживает клиента...

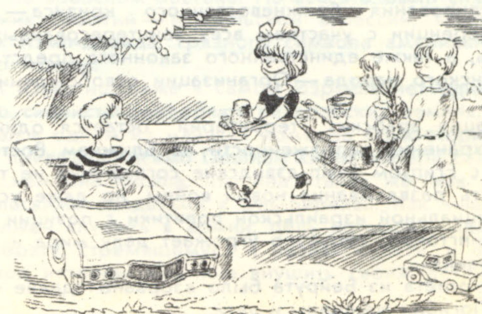
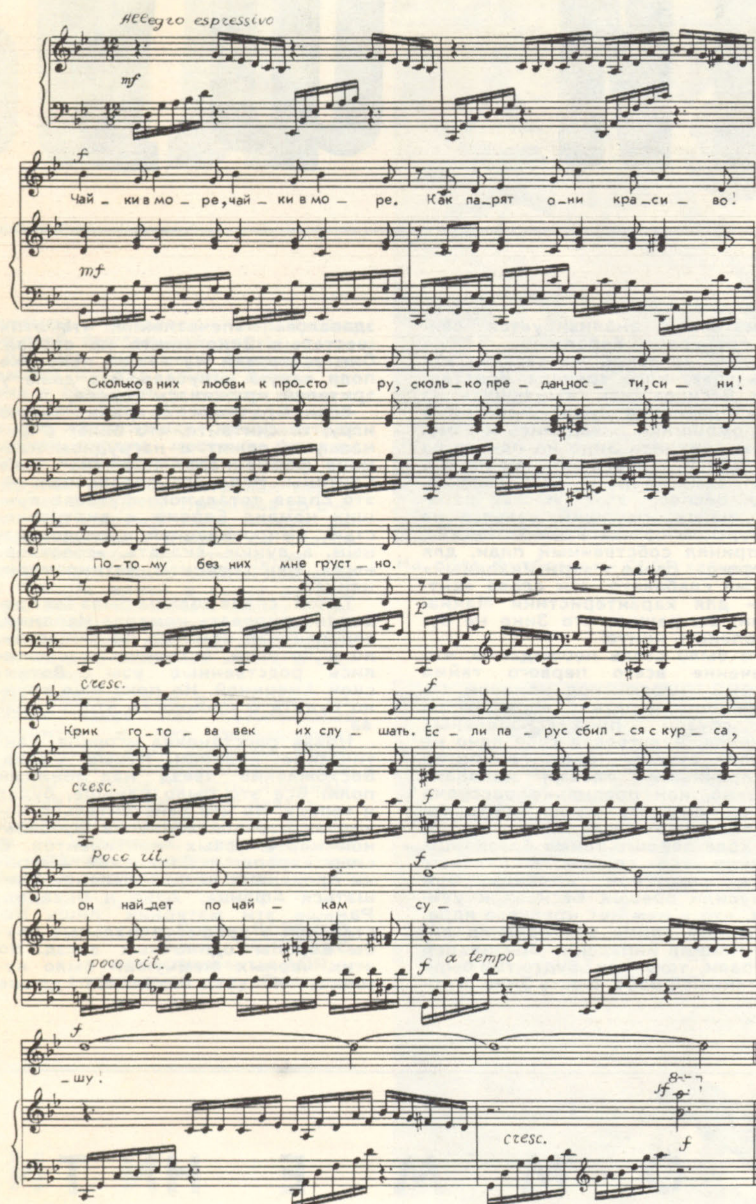

Рис. А. Орехова.

Чайки в море

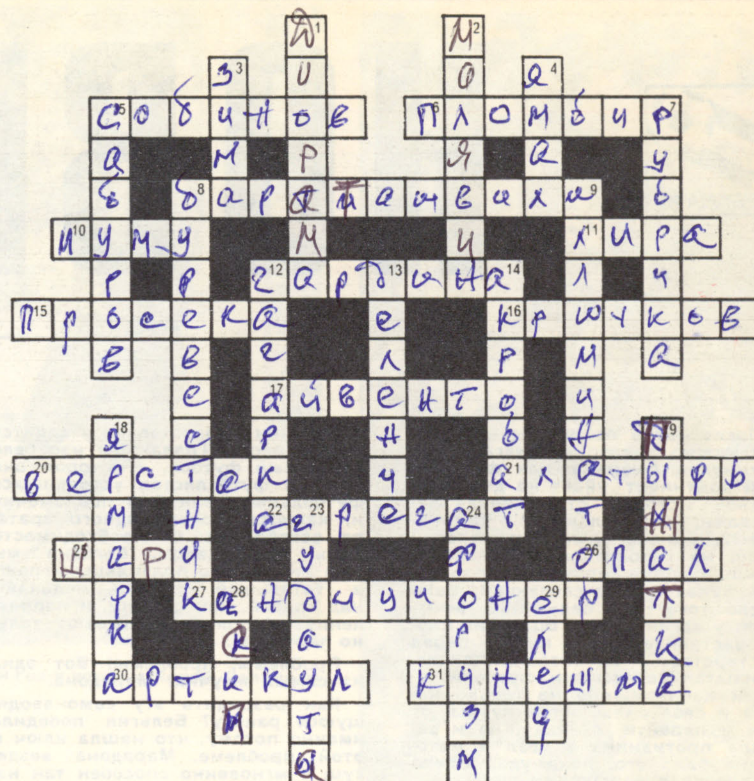
Музыка Б. ПАКА

Стихи Э. ПАК

Чайки в море, чайки в море.
Как парят они красиво!
Сколько в них любви к простору,
Сколько преданности, сини!

Потому без них мне грустно,
Крик готова век их слушать.
Если парус сбился с курса,
Он найдет по чайкам сушу!

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Выдающийся тенор, народный артист республики. 6. Разновидность мороженого. 8. Грузинский поэт XIX века. 10. Рассказ И. С. Тургенева. 11. Северное созвездие. 12. Оконная занавеска. 15. Дорога в лесу. 16. Народный артист СССР, киноактер. 17. Роман В. Скотта. 20. Рабочий стол для обработки дерева, металла. 21. Приток Суры. 22. Несколько машин, работающих в комплексе. 25. Река в Центральной Африке. 26. Минерал, драгоценный камень. 27. Аппарат для поддержания в помещении определенной воздушной среды. 30. Тип изделия, товара. 31. Город в Ивановской области.

По вертикали: 1. Вид изобразительного искусства. 2. Русский живописец. 3. Время года. 4. Полуостров в Западной Сибири. 5. Командир партизанского соединения в Великую Отечественную войну, Герой Советского Союза. 7. Заголовок раздела в газете, журнале. 8. Всесоюзное спортивное общество. 9. Окно на судне, самолете. 12. Северная птица. 13. Математическое действие. 14. Искусный гимнаст. 18. Периодически организуемый торг. 19. Русский духовой инструмент. 23. Курорт в Абхазии. 24. Краткое изречение. 28. Действующее лицо комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». 29. Рыба семейства карповых.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали: 5. Референт. 7. Диоптрия. 9. Галактионов. 12. Малица. 13. Адажио. 14. Забелин. 16. Пасека. 17. Ангара. 18. Грабарь. 19. Пришвин. 21. График. 22. Октава. 24. Ахундов. 27. Добиаш. 29. Пропан. 30. Красноводск. 31. Дивизион. 32. Акустика.

По вертикали: 1. Телетайп. 2. Регата. 3. «Пороша». 4. Пирамида. 6. Трасса. 7. Дрожки. 8. Штабель. 10. Диссертация. 11. Катализатор. 14. Загадка. 15. Нахимов. 20. Пинагор. 21. Геодезия. 23. Атабаска. 25. Херсон. 26. Основа. 28. Шарнир. 29. «Пастух».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Кратовская детская железная дорога. Проводник Сережа Дубровин * Юные пассажиры * Перед отправлением * Поезд прибывает на станцию Пионерская. (См. в номере материал «Юбилейный», вперед!»).

Фото А. Бочинина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На детском пляже в Евпатории.

Фото Л. Беляева (Днепропетровск)

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 07.06.82. Подписано к печати 22.06.82. А 00381. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1573. Заказ № 2540.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

НОВЫЙ ФУТ-

После матча Аргентина — Бельгия можно было предполагать, что Латинская Америка как футбольный континент уйдет на дно спортивной истории, отягощенная легендами, как Атлантида. Чемпионат-82, однако, дал нам строгий урок: не торопиться с выводами. Пришло время крушения прогнозов. Буквально на следующий день после того, как бельгийцы выиграли у аргентинцев, Бразилия снова заставила снять шляпу перед мастерством латиноамериканцев. Прижатая советскими футболистами к канатам, она не только нашла в себе силы оттолкнуться от них и перейти в атаку, но и загнала противника в угол и методично била его, пока удар Эдера не оказался решающим.

Не будем упрекать лишний раз испанского судью Кастильо. Газеты Испании уже назвали его национальным позором.

Интересные и многое определяющие эти два матча знаменательны тем, что на поле боя сошлись два футбольных мира, две концепции, два понимания игры. Этот спор, все время обостряющийся по мере приближения команд к концу первой фазы, найдет завершение в финале, где наверняка встретятся латиноамериканская и европейская команды.

Бразильцы умеют постоянно переставлять мебель в футбольной квартире, и так искусно, что их противник обязательно садится мимо кресла. Голландцы изобрели тотальный футбол, в котором они лишили футболистов устоявшихся футбольных званий и полномочий и, кажется, только одного вратаря освободили от необходимости быть универсалом. Сегодня мы уже видим, что бразильцы играют в тотальный футбол, мелькают над травой, как стрижи, и направление их полета угадывают только партнеры.

Проблемы, проблемы! Вот одна из самых жгучих: Марадона.

Как разрядить эту самонаводящуюся ракету? Бельгия победила именно потому, что нашла ключ к этой проблеме. Марадона вездесущ и мгновенно способен так изменить ситуацию, что разобраться в ней можно только впоследствии, при просмотре видеозаписи матча. И в игре с бельгийцами Марадона был вездесущ, но были вездесущими и его соперники, которые придумали для аргентинца настоящую мышеловку, где мяч играл роль приманки. Едва Марадона получал или сам отвоевывал мяч, как за ним захлопывалась крышка ловушки, из которой он уже не мог выбраться. Но для построения этой мышеловки всякий раз требовалось не меньше трех игроков.

Эта схема, рождающаяся в ходе импровизации защитной игры, внимательно анализируется сейчас тренерами Европы.

Примерно такая же загадка мучила советского тренера Константина Бескова: как выключить из игры бразильца Зико? Некоторые его помощники склонялись к тому, чтобы обменять Зико на одного из ведущих игроков: пусть он не сыграет сам, но и не даст сыграть Зико. Бесков, этот мастер парадоксальных решений, остался на тренерском совете в меньшинстве, но принял собственный план, для которого слово «оригинальный» так же слабовато, как слово «хитрый» для характеристики Макиавелли. Он решил, что Зико не будет опекать никто!

Это было столь неожиданно, что в течение всего первого тайма грозный игрок под номером 10, привыкший играть с висящим на нем грузом профессиональных опекунов, чувствовал себя явно не в своих бутсах. Правда, он питал безупречными пасами нападающих, но, как правильно рассудил Бесков, ему все равно никто бы не помешал это делать.

В ходе первого тайма бразильцы изучили все слабые и сильные места советской команды. Они раскусили орешек Бескова и увидели, что в нем нет крепкого ядра. Во втором тайме вся средняя линия и линия нападения бразильцев заиграли так, как будто там было по меньшей мере шесть Зико. И создавалось впечатление, что этих шестерых Зико никто не опекал. Они завертели на нашей половине поля такую карусель, что даже у зрителей кружилась голова.

Если Бразилия сохранит такую игру, то считайте, что билет в финал уже лежит в нагрудном кармане форменного пиджака Теле Сантаны. Игра его подопечных — это сплав тотального футбола лучших команд Европы с виртуозностью, импровизацией и плодотворным, а лучше сказать, «голотворным» воображением латиноамериканцев.

Такой сплав должна была бы продемонстрировать команда Испании, европейская команда по существу, но у которой исторически сложились родственные узы с Латинской Америкой. Но пока еще трудно судить о прочности этого сплава.

Новая расстановка игроков. Тактические новинки. Новые имена. Восхождение звезд над линиями поля. Все это было раньше, будет и теперь. Но что действительно ново, так это появление на футбольной карте новых континентов. В спор Европы и Латинской Америки проявляют острое желание вмешаться Африка, Азия и Океания. Раньше эти материки лишь поставляли в профессиональные клубы Европы одиночных звезд. Но этих черных жемчужин было немного. И вот появились целые

НАШ КОММЕНТА

Парадом проходят по нашим телеэкранам отборные отряды мирового футбола.

За игрой этой мы следим постоянно, изо дня в день, и бывает, что, наглядевшись будничных, рядовых, ничем не радующих матчей, начинаем вдруг испытывать сомнение: «А не исчерпал ли себя футбол, не завернул ли он в тупик?» Но тут подоспевает очередной чемпионат мира, и конец всем нашим опасениям. Так бывало не раз в прошлом, так и теперь, в дни этого июня.

Хотя мы с вами и привыкли надеяться на мировые чемпионаты, нынешний, начавшийся две недели назад на стадионах Испании, как мне кажется, превзошел все ожидания. Если прежде признанные лидеры, те команды, на которых привыкли равняться, свою лучшую игру как бы приберегали к концу, к последним, решающим матчам, то здесь эта самая лучшая игра пошла в ход с самого начала. И получилось так не по какому-либо уговору, не исходя из благих намерений потрафить зрителям, а благодаря острейшим турнирным ситуациям, возникшим одновременно во всех группах.

Чемпионы мира, аргентинцы, играют с бельгийцами «обыкновенно», надеясь, что их общей квалификации будет достаточно для победы, и терпят поражение (0 : 1). Тогда, припертые к стене, свой следующий матч, с венграми, они проводят точно так, как четыре года назад, в Буэнос-Айресе, финал с голландцами, принесший им звание чемпионов. И побеждают 4 : 1, а мы досрочно получаем полное представление об их атакующей неукротимости, о редкостном даровании их молодого форварда Марадоны.

Бразильцы уступали в счете (0 : 1) сборной СССР на протяжении долгих сорока минут, матч получился нервным, с осложнениями, с судейскими ошибками, и только в конце с помощью всеобщего штурма им удалось вырвать победу (2 : 1). Не желая больше искушать судьбу, бразильцы вторую игру с шотландцами вели образцово, показав все свое искусство, и забили четыре мяча, один краше другого (4 : 1).

Англичане, трезво рассудив, что победа над французами может обеспечить им пропуск в следующую стадию чемпионата, отнеслись к этой встрече с предельной ответственностью и сыграли в своем лучшем стиле — просто и убедительно (3 : 1).

Испанцы, которых как хозяев чемпионата положение обязывает совершать подвиги, обожглись в матче со скромной командой Гондураса (1 : 1) и потому играли со сборной Югославии со всем неистовством темперамента, превзойдя темпом и скоростью в конце концов своих более разумных и техничных соперников (2 : 1).

А интригующая неясность остается по-прежнему. Обозначились новые матчи исключительного значения, где определится состав группы из двенадцати сборных, которым предстоит продолжать борьбу: СССР — Шотландия, Франция — Чехословакия, Польша — Перу, Бельгия — Венгрия, Алжир — Австрия, ФРГ — Австрия...

Вся эта круговерть возникла прежде всего из-за непредусмотренного поведения команд, бездумно, по старым понятиям, зачисленных в разряд аутсайдеров. Нет, сборные Алжира, Камеруна, Кувейта, Гондураса не просто спутали все карты, воспользовавшись беспечностью заведомых лидеров. Такая оценка была бы возможна, если бы мы узнавали о диковинных результатах, не видя матчей. Мы же их видели и знаем, что сборные ФРГ, Чехословакии, Перу, Польши недосчитались очков во встречах с аутсайдерами не из-за фатального стечения обстоятельств, а, что называется, по делу, имея перед собой соперников, играющих с достоинством, знающих не только основные законы футбола, но и его тонкости. И это в высшей степени приятно с точки зрения перспектив и прогресса игры.

Словом, подобного начала чемпионата мира еще не знали. Четыре года назад, в дни предыдущего чемпионата, отмечалось как его характерная черта увеличение числа сильных команд. Сейчас, не дожидаясь окончания, можно смело сказать, что тенденция эта подтверждена и получила развитие.

Небывало бурная завязка помогла уже сейчас составить довольно точное представление об игровых возможностях некоторых команд, тогда как раньше с подобными характеристиками не спешили до последних дней.

Высочайший класс демонстрируют бразильцы. Команда оставляет впечатление нерасторжимой, ее игроки никогда не теряют связи между собой, они прочно объединены крепкими нитями верных, удобных для приема передач, что позволяет им не урывками, не эпизодически, а постоянно вести разумную, атакующую игру и, что тоже важно, сберегает силы. Тотальный футбол, изобретенный в свое время голландцами, они истолковали по-своему, внеся в него изящество, мягкость, артистизм. Голы у них способны забивать (и уже забивают) практически все — форвард Эдер, полузащитники Сократес, Зико, Фалькао, защитник Оскар...

Аргентинцы те же и такие же, как в пору своей победы на прошлом чемпионате. Но — плюс Марадона! Тогда его не было. А этот невысокий крепыш с массивными, литыми ногами, как истинная звезда, способен, кроме всего того, что умеют другие хорошие игроки, сотворить и нечто нелогичное, застающее противников врасплох. Такое добавление к и без того сильной команде, конечно, позволяет ей не просто повторить себя, а и сказать новое слово.

Англичанам все могущественные компьютеры предсказали (точнее, вычислили) неудачу на чемпионате. Объяснить это нетрудно: машины руководствова-

БОЛ

команды. Началась перекройка мировой футбольной карты.

Да как началась! Впервые попавший на бал элиты Алжир заявил о себе уже в первом матче с командой ФРГ. Фавориту, которому все спортивные обозреватели заранее отдали место в финале, есть о чем подумать.

Другой новичок потрепал нервы второму фавориту. Проиграв со счетом 0:3 первый тайм, Новая Зеландия сыграла второй со счетом 2:2, несмотря на отчаянные попытки шотландцев забить как можно больше мячей в сетку аутсайдера. Вес этих мячей может перетянуть чашу весов в случае равенства очков команд, претендующих на два заветных места в своей группе.

Да, первые дни в Испании показали: здесь нет безупречных фаворитов и нет безнадежных аутсайдеров. Есть команды, умеющие играть в великолепный современный футбол, и есть команды, которые не умеют этого делать.

Будущее все-таки за футболом — красивым, праздничным для игроков и зрителей, богатым голами и неожиданностями.

Малага — Севилья.

Борис **КОРОЛЕВ**,
Алгис **ЧЕКУОЛИС**,
корреспонденты АПН,—
специально для «Огонька»

РИЙ

лись далеко не блестящим прошлым этой команды. Но, как видно, сборная Англии миновала полосу игровой неопределенности. Так бывает в футболе, а машина подобные превращения предусмотреть не в состоянии. Это к счастью, иначе нам с вами было бы скучновато. Я бы сказал так: ничего сверхъестественного, необычайного у англичан не видно, однако та игра, в которую они верят, считают исконно своей, у них пошла. Это длинные энергичные передачи, простой и ясный розыгрыш мяча, искусная игра головой, напор выдвинутых вперед рослых центрфорвардов Фрэнсиса и Маринера.

Выдвижение компьютерами испанцев в вероятные фавориты чемпионата оправдывалось главным образом учетом того, что они хозяева поля. Пока это оправдывается в том смысле, что очки им приносят пенальти. Хозяевами же игры испанцы не выглядят. И в защите они уязвимы и атаки ведут разбросанно, полагаясь на случай и удачу.

В этом кратком комментарии я остановился на тех впечатлениях, которые успели сложиться достаточно твердо. Впечатления будут прибывать и расширяться. По этой причине есть смысл отложить до следующего раза отзыв об игре нашей сборной, тем более что эти строки пишутся до ее матча с шотландцами.

Л. ФИЛАТОВ

На поле футболисты СССР забивают третий гол в ворота Новой Зеландии

Перуанцы атакуют ворота команды Камеруна.

Фото АП — ЮПИ — ТАСС

Лидер алжирской сборной Л. Беллуми забивает гол в ворота ФРГ.

Советские болельщики на трибуне.

Единоборство вратаря Гондураса Х. С. Арзу с испанским нападающим Х. М. Сатрусцеги.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663